ТОТАЛЬНАЯ КОНФРОНТАЦИЯ

Тематическая передовица номера

Тема номера «Автонома», находящегося в ваших руках — тотальная конфронтация. В том смысле, что наши — либертарные, анархо-коммунистические и тому подобные — идеи ныне разделяются абсолютнейшим меньшинством. К сожалению, порой сложно не то, что убедить, не то, что завязать продуктивную дискуссию, а просто растолковать «случайному» человеку, за что же мы реально боремся. Объяснить, что мы хотим, чтобы буквально все было не как сейчас, и что такое возможно.

Иногда складывается ощущение, что окружающим миром заправляют отрицательные персонажи сказок, запомнившихся с детства. Корысть, коварство, подхалимство, презрение к окружающим, подлость — вот лишь некоторые качества, нужные для того, чтобы взобраться повыше по социальной пирамиде.

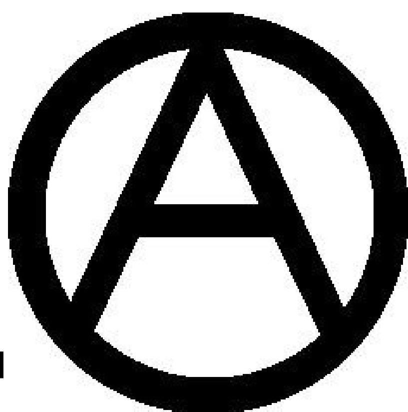
Наши же ценности и идеи им совершенно противоположны. И, таким образом, не имеют никакого отношения к реальности. Да, на самом деле не так плохо, что наши концепции «нежизненны» и «утопичны». Потому что нынешняя реальность должна быть коренным образом аннулирована — без малейшего компромисса. Мое поколение застало крушение СССР уже в довольно сознательном возрасте. И мы хорошо помним, насколько вторая половина 80-х отличалась от 90-х, а 90-е — от годов, последовавших за миллениумом.

Отсюда напрашивается вывод, который подтвердят любые нормальные социологи/политологи/антропологи/историки — люди живут так, как они между собой договариваются жить. Никаких четких законов, правил, форм, по крайней мере однозначно доказанных, по которым строятся социумы, не существует. Так что, теоретически, вольный коммунизм можно построить и на нашем веку.

Правда, авторы и герои тридцатого номера «Автонома» на озвучивание рецептов построения коммунизма не решились — пока они больше рассуждают о том, как организовать свою жизнь во враждебном мире, как вести агитацию, наладить работу различных сопротивленческих групп.

В общем-то, невозможного даже не нужно требовать. Невозможное нужно сделать. Нам самим.

Валерий Листьев

Если Вы не нашли здесь CD-диска с электронным приложением к 30-му номеру **“Автонома“**, обращайтесь в редакцию журнала или на сайт **http://www.avtonom.org**

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО А.Д.

Значит, нужные книги ты в детстве читал...»
В.С.Высоцкий

Меня часто спрашивают: как это меня угораздило стать анархистом и оставаться им на протяжении вот уже двадцати лет? В сущности, это не один вопрос, а два. Во-первых, — как я стал тем, кем стал? Во-вторых, — как я узнал, что то, кем я стал, называется словом «анархист»? Ведь можно, как господин Журден у Мольера, всю жизнь говорить прозой и не подозревать об этом. На второй вопрос ответить несложно: оказался в нужное время (Перестройка, 1986 год) в нужном месте (исторический факультет МГПИ им. Ленина, где возникла первая в СССР анархистская группа «Община»). Остальное — уже детали. А вот на первый...

В детстве я безумно любил читать и перечитывать романы Александра Дюма (отца). Впрочем, о существовании сына я тогда не подозревал. Эка невидаль, скажете вы: кто же в детстве не зачитывался книгами Дюма? Ну, со мной было, как в том анекдоте: «Приходит на прием к психиатру дама и говорит: «Доктор, помогите мне! Мой муж считает, что я больна, поскольку я очень люблю блины». «Ну и что? — удивляется врач — Я тоже очень люблю блины». «О, прекрасно! — радуется дама. — Тогда приходите ко мне в гости: у меня и стол, и стул, и тумбочка, и кровать, — все ими уставлено»». Так вот, в 4-8 классах я непрестанно читал и перечитывал Дюма. Что-то бесконечно притягивало в нем, — то, чего так не хватало в пошлой, засушенной и убогой жизни. В школе меня заставляли заучивать «Горскую поэму о Ленине» Кайсына Кулиева, а дома я в десятый раз перечитывал «Королеву Марго». В школе меня добровольно-принудительно записывали в комсомол, а я мечтал убежать в мушкетеры. В школе от нас требовали ходить строем на НВП и изучать автомат Калашникова, а я думал, что автомат — это как-то безлико, механизировано, неблагородно, нечестно; иное дело — дуэль на шпагах, глаза в глаза... От казенной идеологии и скучной обыденности я бежал к героям Дюма, тогда еще мало понимая, что именно меня влечет к ним. «В детских снах больше правды, чем думают люди» (А.Блок).

Сколько помню, «Двадцать лет спустя» я перечитал 24 раза (!), «Графиню Монсоро» — 18 раз, ну и так далее... Утром я уныло брел в школу, а в голове крутилось: «Кто первый задира у нас? Ответят: Бюсси д'Амбуаз! Кто верен и честен, спроси. Ответят: синьор де Бюсси!» Не то, чтобы кроме Дюма я не читал более ничего, но так просто такие вещи не проходят. Заветные тома его произведений — драгоценные, редкие, полученные в обмен на сданную макулатуру, — будоражили воображение, разгоняли кровь, будили мечты, раздвигали горизонты души. Дюма был «первым, среди равных»; за ним уже шли Рафаэль Сабатини, Вальтер Скотт, Жюль Верн, Фенимор Купер, Майн Рид... Причем, заметьте, было это в нежном возрасте, когда отрок живет больше сердцем, чем головой, и сперва впитывает, жадно вбирает что-то в свою душу, а намного позже уясняет, что именно он впитал и вобрал.

Сейчас, много лет спустя, зрело размышляя, я начинаю понимать, чем я обязан Александру Дюма (отцу). Вы скажите, быть может: «Фи, романтизм!» Ну да, романтизм. А разве это плохо? («Вашу шпагу, сударь, будем биться насмерть!» «Этот гасконец чертовски умен, подумал Атос». «Прошел час, и три собутыльника превратились сначала в трех чертей, а потом в три бревна»). А разве анархизм не романтичен от начала и до конца? Если нет, — грош ему цена! И еще. Кроме погонь, побегов, любви, дуэлей, заговоров, интриг, битв, — описанных мастерски, иронично, сочно — великим жизнелюбом, гурманом и любовником Александром Дюма, сквозь полотно его произведений проступает отчетливая и последовательная ненависть к буржуазно-бюрократической цивилизации. Вы только вспомните, как в его романах описаны бюргеры, мещане, накопители и дельцы (возьмите хоть Данглара, хоть г-на Бонасье) и как — приказные люди, служители Фемиды, творцы абсолютизма, столоначальники и клерки (от прокурора Вильфора до коменданта Бастилии или самого Кольбера).

Читая Дюма, понимаешь (интуитивно, дорационально, глубоко): быть банкиром, прокурором, семьянином, ростовщиком, политиком, чиновником — скучно и стыдно, быть мушкетером, бродягой, шутом и поэтом — весело и достойно. Бакунин будет у меня потом — много позже, а тут были: Атос, Де Бюсси, Эдмон Дантес. Я и мои друзья по двору не уставая играли не в покемонов, чекистов или черепашек ниндзя, а в мушкетеров. Требовалось для этого немногое: палки-шпаги и воображение. «И злодея слезам не давали остыть, и прекраснейших дам обещали любить», — прямо по Высоцкому. Такие обещания (по-старинному: «обеты»), данные в отрочестве, может, потом и нарушаются, но не забываются никогда! Всем своим обширным творчеством Дюма издевается над властью денег и властью казенных учреждений, показывая, что все это — мертвечина, отрицающая честь, дружбу, любовь, распинающая живого человека на своем «прокрустовом ложе».

Мир книг Дюма — не мир идеологический и не мир «исторический» (если под историей понимать точное следование фактам) — это мир, где вольно дышится и славно мечтается. Здесь есть тонкость, есть высота, есть ощущение подлинности и смысла и желание действовать. Герои Дюма — не ходячие иконы, но это такие люди, которым хочется подражать. Жажда подвига, бесшабашная удаль, презрение к наживе, любовь к риску — пронизывают страницы романов А.Д. Это вам не какие-нибудь современные «стрелялки» про бандитов и ментов, которые (как и в жизни) ничем не отличаются друг от друга. И, уж конечно, это не бесконечные наши «патриотические» романы про строителей империи, положивших жизни (свои и, в особенности, чужие) на благо величия державы. Подумайте: в чем разница между гвардейцами кардинала («плохими») и мушкетерами короля («хорошими»)?

Уж точно не в том, что одни служат злому дяде и защищают неправое дело, а другие служат доброму дяде и отстаивают правое дело! Зловещее величие Ришелье в чем-то даже обаятельнее жалкой фигуры Людовика XIII. Мушкетеры Дюма служат не ничтожному венценосцу, а дружбе, чести, взаимовыручке. И им плевать на козни политиков! А вот гвардейцы кардинала служат простым бездумным орудием в руках первого министра Франции. Вообще, мне кажется, Александра Дюма очень интересовала ситуация пограничная — когда человек, формально служащий одному лагерю, как герой стихотворения А.К.Толстого, из чувства собственной человеческой самодостаточности, «Пристрастной ревности друзей не в силах снесть, я знамени врага отстаивал бы честь!» Как, например, благородный Бюсси — героический вассал жалкого герцога Анжуйского или умница Шико — преданный шут слабого и ничтожного Генриха III.

Чувство человеческого достоинства, самобытности, порядочности важнее любых политических интересов, разборок любых королей и герцогов — эта тема важна для всех книг Дюма. Может быть, благодаря ему я никогда не был и не буду ни карьеристом, ни «партийным» человеком.

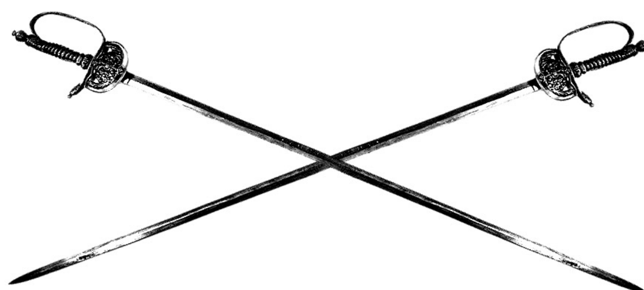
Дюма любил «перемешивать» своих героев, забрасывать «своих» в стан «чужих», ставя их перед вопросом, оправдывает ли цель средства? И всегда ответ был один — анархический: «средства» (верность данному слову, дружбе, игра с открытым забралом) важнее провозглашаемых политиками «целей», важнее денег и власти. Можно ли ради успеха идеи или личной карьеры растоптать слабого, предать дружбу, проявить неуважение к благородному, доверившемуся тебе противнику? В романе «Двадцать лет спустя», например, четверку мушкетеров пополам разделяет и разводит по разным сторонам баррикады многое: французская Фронда и английская Революция, кардинал Мазарини и герцог Бофор, Кромвель и Карл I, тщеславие Арамиса и желание д'Артаньяна стать, наконец, капитаном мушкетеров... И все же, свидетельствует Дюма, все это гроша ломаного не стоит перед простым и понятным, человеческим, настоящим — верностью дружбе, верностью слову, верностью себе. Вопреки всему, они остаются людьми, друзьями, а не просто успешными лихими драчунами, коварными интриганами, ловкими дельцами и бездумными слепыми орудиями в руках власть имущих или борющихся партий.

Прямо по Виктору Цою: «Есть чем платить, но я не хочу победы любой ценой». Видеть во враге человека, не попадать в ловушку идеологий, понимать, что «средства» всегда важнее «целей» — этому подспудно учил меня А.Д. в детстве. И задолго до того, как Горбачев, ослабив пресс казенной пропаганды, фальшиво-громогласно заговорил об «общечеловеческих ценностях», я уже впитывал в себя эти ценности — живые, прекрасные, настоящие — через романы Дюма.

Дюма всегда непрост, ироничен, многопланов, посмеивается над героями, подмигивает отзывчивому и догадливому читателю. В результате возникает небывалое чувство свободы. Понимаешь, что, хотя в мире и в самом деле существуют добро и зло, и за добро надо драться, но драться надо с умом, все время памятуя о том, что водораздел между добром и злом проходит и внутри самого дерущегося и самая трудная драка — с самим собой. Конечно, великий романист вовсе не был глашатаем каких-нибудь «либертарно-социалистических» учений. Отнюдь! И все же его смело можно назвать учителем человечности и свободы, освобождающим от призраков идеологий и помогающим «юноше, обдумывающему житье», стать собой...

Юность проходит. Многие грезы пообломались и притупились о жизнь, точно лезвие старой изношенной шпаги. Многие мечты потеряли крылья, обернулись бессильными миражами. Детские книги давно дремлют на полке. Где они: эти обнаженные клинки, и свист ветра в ушах, и стук копыт по мостовой? И все же. В детстве я очень любил читать Александра Дюма. Может быть, в том числе и поэтому я стал анархистом. «Наверное, ты в детстве просто не наигрался в мушкетеров?» — возможно, спросите вы. Наверное, не наигрался.

Петр Рябов

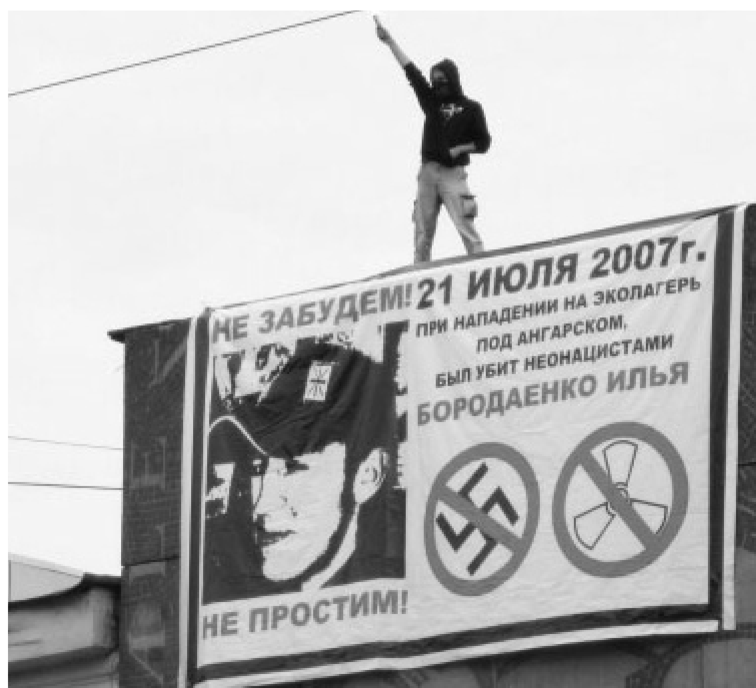

ЭТО НИКОМУ НЕ НУЖНО

Пострадавший в ангарском эколагере о жизненной мотивации

Почти каждый спрашивает анархиста-революционера: «Зачем он это делает? Что он с этого имеет?» И резюмирует: «Это никого не волнует!» И что можно ответить, кроме как бубнить про анархические идеалы?

Я пришел в сознание в комнате, напоминавшей широкий и длинный коридор. Вдоль одной стены стояли койки и оборудование, подведенное к лежащим на этих койках. Вдоль другой стены передвигались люди в белых халатах. Пара склонилась надо мной и наблюдала. Они спросили, слышу ли я то, что они говорят, я мотнул головой, что да. Отвязали мне руки и сказали, чтоб я ими не махал, я постарался объяснить, что хочу пить, говорить я не мог и сам не понимал почему. Дали воды, и я почувствовал прилив сил. Нет ничего мучительней, чем хотеть пить. И нет ничего лучше, чем утолить жажду. Через какое-то время вытащили из горла трубки, и я смог, затыкая прорез ниже шеи, выговаривать некоторые слова. О, это прекрасно — говорить после долгого молчания, разговор — это просто чудо. Меня спросили, знаю ли я, где нахожусь. Мозг не мог быстро схватывать получаемую информацию, и я качнул головой — нет. На самом деле мозг вырабатывал причудливые мысли. То, что я в больнице и меня окружают врачи — это было понятно, но я воспринимал окружающее так, как будто находился на корабельном госпитале и плыл в сторону Японии. Мне сказали длинное название больницы, и главное, я уловил, что нахожусь в Иркутске. Я начал вспоминать, что произошло. И первое, что я подумал: «Я жив, а значит я на правильном пути». Меня начало заполнять счастье — я жив, а значит, могу продолжить борьбу. Я ни в чем не разочаровался. Единственное, во что я не мог поверить, это в гибель Ильи. Ну и какую реакцию у человека может вызвать эта ситуация? И что я добился, что я получил? Ну да, я потерял вес, физическую силу, один внутренний орган, остальное зашито и перешито. И зачем?

Да, я не изменил мир, я не решил даже эту локальную (хотя во многом — глобальную) проблему. Но я понял, что я ехал, потому что это нужно было мне и больше никому другому, в первую очередь я делал это ради себя. Эгоист ли я, на этот вопрос пусть отвечают мои друзья и близкие. Но я это делал ради себя, этот протест нужен был мне, это потом появляется множество объяснений и альтруистические намерения, но все делается ради себя. Если тебе что-то не нравится или ты недоволен чем-то, то и не стоит это делать. Если не нравится тебе, то оно никому не понравится — если это не нужно тебе, то оно не нужно и никому другому. Мне уже перевалило за двадцать, но я встаю ночью и иду рисовать на стенах. Какого черта, спрашивают обычные люди, ты уже должен завести постоянную работу, иметь карьерный рост, ведь ты молод и в расцвете сил, обзавестись бытовой техникой, машиной, квартирой, семьей и прочим.

Вместо этого я иду с флагом по улице. Кому это надо — это никому не надо. Но это надо мне, я встаю ночью и иду на улицу, чтоб заявить о своих интересах, высказать свое мнение. Это мое право, я не стремлюсь этим изменить весь мир, но я хочу найти людей, которые также думают, и с которыми есть множество точек соприкосновения. Общение с ними намного приятней и больше наполняет внутренний мир жизненным счастьем, чем унылые пьянки и обсуждения купленных вещей. Да, я иду с флагом по улице, кричу короткие лозунги, так как это нужно мне. Я делаю это, чтобы заполнить себя действиями. Жизнь — это действия, поступки, разочарования и радость. Жизнь — это движение, движение, которое выбираешь ты сам. Все, что я делаю, нужно мне. Я остался жив, и разве я остался жив только для того, чтоб всю оставшуюся жизнь скоротать в бессмысленном и неинтересном мне времяпрепровождении, чтоб всю оставшуюся жизнь бояться смерти, не живя? Нет.

Набраться ума и влиться в стандартную и всем понятную систему капиталистического счастья, которое никто так и не может достигнуть? И вот опять собираешься и выходишь на улицу, делаешь то, что людям непонятно, то, что людям не нужно. Попадаешь в ментовку, в больницу, теряешь друзей, находишь новых интересных людей и после всего этого иногда задумываешься, вот она, жизнь, наполненная переживаниями, какими-то разочарованиями, успехами, поступками и ошибками, и все это моя жизнь, именно этим она и становится интересна. Когда я начинал знакомиться с трудами по анархизму, то считал — вот за что надо бороться, за великие анархические идеалы. Но спустя некоторое время я понял другое: «Не надо бороться за анархию, НАДО БЫТЬ АНАРХИЕЙ». Я и есть анархия.

Юра

АНАРХО-КОММУНИЗМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ УСПЕШНОСТЬ

Несколько абзацев о системах ценностей

Со словосочетанием «успешный человек» у меня особые отношения, потому как длительное время приходилось по работе сталкиваться с ним почти ежедневно. Оно доводило меня до истеричного смеха и перегара головного мозга. Поначалу я думал, что «успешный человек» — это ментальный конструкт, важный только моему начальнику.
Но, присмотревшись, заметил, что «человеческая успешность» постоянно фигурирует в рекламе, корпоративных речевках, глянцевых текстах.

Осознавать

В гуманитарных науках есть такое понятие — «воображаемая идентичность». «Русский», «дагестанец», «католик», «монархист», «пролетарий», «собственник», «филателист», «водитель троллейбуса», «футбольный фанат», «предприниматель» — и так далее и тому подобное — все что угодно может оказаться основой мироощущения человека. Любой общественный строй в своей основе имеет некую воображаемую идентичность, к которой значительная часть общества или принадлежит, или же стремится примкнуть. Вокруг этой идентичности формируется мифология, система ценностей, культура, видение истории и даже язык.

Регулярно озвучивается точка зрения, что основная капиталистическая идентичность — это «средний класс». Квалифицированные наемные работники, мелкие и средние предприниматели, в основном довольные своим жизненным уровнем. Но «человеческая успешность» лучше передает смысл капитализма. «Ты идиот! Чем ты вообще занят! Ты себе жизнь испортишь! У тебя же может быть хорошая работа, дорогая машина, красивая жена! Я с тобой сейчас разговариваю, пока тебе 16 лет, в 25 с тобой говорить уже будет поздно!» — с такой речью при мне паренек за 20 (как выяснилось, менеджер-рекламщик) забирал из мусарни своего младшего брата, оказавшегося там за драку с фашистами. Менеджер-рекламщик во многом прав. Удачно вписавшимся в Систему, капитализм, а особенно капитализм с жирком, типа московского, обеспечивает очень комфортные жизненные условия.

Отделяться

С другой стороны, само понятие «человеческой успешности» приравнивает человека к марке шампуня. Шампунь продается плохо? Его списывают. Человек не смог устроиться в жизни? Ну и пусть тусуется в каком-нибудь отстойнике, это нормально и никого не должно волновать. Успешность предполагает массовую распространенность статусных товаров, которые втридорога можно впаривать тем, кто считает себя успешным. Успешность предполагает бешенную конкуренцию, отвечающую потребности капитализма постоянно расширяться.

Очевидно, что задача анархо-коммунизма — уничтожение человеческой успешности и её мифологии. Но это конечная цель, а как вести себя конкретно сейчас? Если мы против успешности, то анархист по определению должен быть «лузером»? Не так все просто.
Многие анархисты выбирают «контркультурный путь». Его смысл в формировании своей, альтернативной среды, в которой все одеваются не как обыватели, вводятся отношения, отличающиеся от общепринятых. В идеале, эта среда, контркультура, должна постоянно расширяться и в какой-то момент стать вообще выбором большинства. Но этот план не работает. Суб/контр/альтернативные сообщества превращаются в что-то похожее на садо-мазо-клубы по интересам, «страшно далекие от народа». Я не против садо-мазо, но это не альтернатива, которая изменит мир.

Использовать с выгодой

Можно ли, оставаясь «социально адаптированным», противостоять Системе? Легко. Окружающая в целом мразотная реальность предоставляет множество возможностей. Рассмотрим лишь несколько.
По крайней мере в Москве сейчас можно найти хорошо оплачиваемые работы, оставляющие достаточно свободного времени. Для революционной деятельности как раз нужны свободное время и деньги. Очень может быть, что их проще получить, проводя пять-шесть часов в день в офисе, чем занимаясь экспроприациями. На такие вакансии обычно требуется хорошее образование, знание иностранных языков? Так и образование, и иностранные языки революционеру полезны и для борьбы с государством и капиталом!

Спорт. Конечно, ныне спорт — уродливое по многим параметрам явление. В либертарном обществе он будет совсем другим. Но это не значит, что уже сегодня тебе не нужно идти на тренировку в самый обычный зал

на соседней улице. Общая физическая подготовка, выносливость, умение вырвать победу и биться до конца, целый ряд специальных навыков — все это не так сложно приобрести, и все это нужно революционеру.

Потребление. Понятно, что уровень потребления анархиста должен быть ниже среднеобывательского. Ведь один из основных капиталистических механизмов — «потребляй, работай, сдохни» — когда людям впаривают всякое говно, ради которого они работают больше, корячатся, делают карьеру. Но из этого не следует, что у анархиста все должно быть полупросроченным, секондхендовским и самым дешевым. Позитивные эмоции от качественной и полезной вещи, красивой одежды, вкусной жрачки — нормальные человеческие эмоции. Другое дело, когда обладание чем-то становится способом чувствовать превосходство над окружающими. Вот тут и начинаются глупость и капитализм.

Маскироваться

«Внешнецивильный» образ жизни дает революционеру массу полезных возможностей маскировки. Характерный, хоть и не революционный пример. Как одежда от Lacoste, Paul and Shark, Burberry попала в среду футбольных хулиганов? Да, сейчас это просто элемент субкультуры. Но по началу её покупали, потому что европейские полицейские не видели в дорого одетом человеке потенциального дестройщика.

Так и вообще любая Система всегда плохо защищена от гнева людей, которые вроде бы должны быть довольны жизнью в её рамках.

Сергей Слощев

РЕАЛЬНОЕ РЫЦАРСТВО
Рецензия на "Why so serious?"

Я покажу тебе. Когда у них кончатся деньги,
эти цивилизованные люди съедят друг друга.
Я не монстр. Я вижу их насквозь.

В августе вышел один из самых раскрученных фильмов этого года — голливудский блокбастер «Темный рыцарь» — ремэйк снятого в 1989 году Тимом Бертоном «Бэтмана». Вообще, мы не особые фанаты масс-культуры, но этот фильм не можем обойти молчанием. Режиссер картины, Кристофер Нолан сотворил шедевр, который, судя по первым отзывам, уже имеет все шансы завоевать звание «лучшей экранизации комикса». Через несколько недель после премьеры фильм занял первое место на ведущем кинопортале — imdb.com. Но нам, конечно, интересно не это.

Порядок для яппи

За ширмой стандартного коммерческого проекта скрывается явно что-то настоящее, отсылающее к реалиям современного мира. Действие разворачивается в Готеме, мегаполисе с высоким уровнем преступности — от уличного насилия до коррупции среди высших полицейских чинов. Одним из главных героев является прокурор Харви Дент — человек, который считает, что вершить закон можно только сугубо легальными методами. Многие жители Готема возлагают на него большие надежды как на человека, который может навести «порядок». Его более сильным союзником является Темный рыцарь («Бэтман») — абсолютно стремный персонаж, типичный яппи-скам, защитник корпораций и государства.

Он периодически надевает костюм летучей мыши для того, чтобы «наказать злодеев», которые на деле часто оказываются не какими-то там бандитами-отморозками, а людьми, просто не принимающими алчных законов капиталистической системы. (Вспомните хотя бы Пингвана из прошлых фильмов про Бэтмана). Все его крутые девайсы — костюм, тачки, оружие — разрабатываются в лабораториях ЦРУ на деньги налогоплательщиков. При этом он, в отличие от Харви Дента, легко нарушает закон во имя «торжества закона». Бэтман, как ни странно, персонаж в этом фильме второстепенный. Он все больше напоминает человека, который устал от тяжелой работы, но считает своим долгом ее выполнять. Он видит «свет в конце туннеля» — нового прокурора Харви Дента, который поначалу эффективно борется с преступностью. Но возможность стать «как все» отправляется для Бэтмана в ад, так как появляется новый супер-злодей, навсегда изменивший его жизнь.

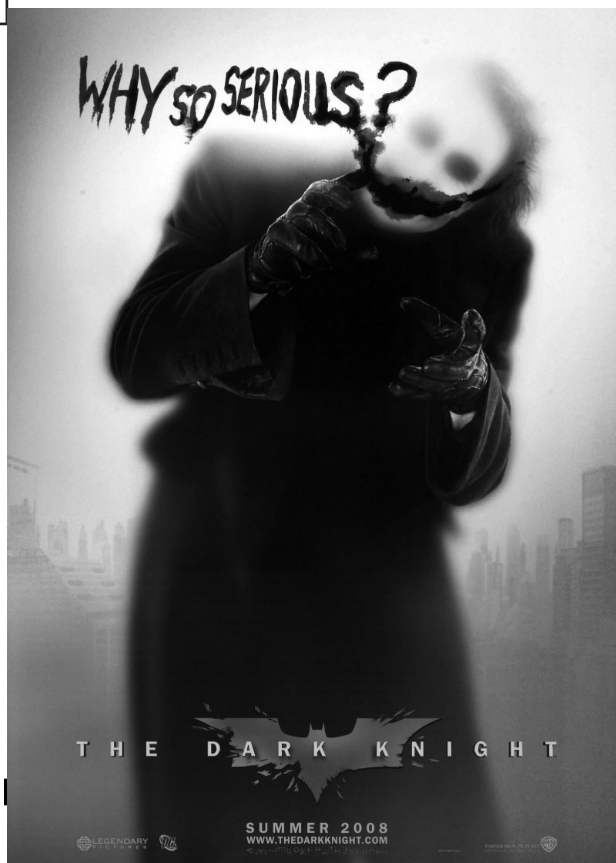
«Я покажу тебе. Когда у них кончатся деньги, эти цивилизованные люди съедят друг друга. Я не монстр. Я вижу их насквозь».

Ему не нужны деньги и не нужна власть. Он входит в сговор с мафией Готема и потом отбирает все их деньги — для того, чтобы их сжечь. Отношение Джокера к людям: «Их принципы, их кодекс — всего лишь слова, забываемые при первой опасности. Они такие, какими мир позволяет им быть». Безусловно, ключевой эпизод фильма — минирование Джокером двух паромов, на одном из которых перевозят самых опасных преступников, на другом едут обычные граждане. В одно и то же время должен произойти взрыв. На каждом пароме есть кнопка, уничтожающая паром соседей. Единственная возможность спастись — это взорвать соседний паром. То есть, либо ты, либо тебя. Джокер уверен, что произойдет взрыв, Бэтман верит в победу светлого начала в людях. Так как фильм всё-таки голливудский, конечно, продюсеры не могли уйти в полный негатив, и «версия» Бэтмана оказывается ближе к истине.

Костер из денег

Безусловно, центральной и привлекающей наибольшее внимание фигурой является самый главный преступник Готема и враг всей Системы — Джокер. Не знаю, насколько корректно сравнивать его с Джокером Джека Николсона в фильме Тима Бертона, но этот получился чрезвычайно убедительным. Его роль сыграл начинающий актер — Хит Леджер, который, к большому сожалению, 22 января 2008 года был найден мертвым в своей квартире.

Джокер — интеллектуальный подонок и вершитель хаоса. Он четко видит изнанку этого внешне благополучного мира и пытается всеми своими действиями вывести человечество на чистоту, сорвав при этом маски с защитников существующих порядков.

Вера в людей

Но даже здесь всё совсем неоднозначно. Абсолютное большинство пассажиров-обывателей высказалось за то, чтобы взорвать другой паром, но просто никто не захотел марать руки. А на пароме преступников просто нашелся человек, который взял и выбросил за борт взрыватель, хотя большинство тоже было настроено уничтожить соседний корабль. То есть, в общем, Джокер был прав, и только случайность не привела к взрыву. Но самое главное, что далее становиться окончательно ясно, что из себя представляет вера Бэтмана в людей. Прокурор, на которого возложены все надежды Готема, после убийства своей подруги отказывается от всех принципов и начинает валить всех, кого считает своими врагами, направо и налево.

Для того, чтобы сохранить веру людей в «добро», Бэтмен берет все убийства на себя. «Потому что, порой, правда недостаточно хороша. Порой люди заслуживают большего. Порой люди заслуживают того, чтобы их вера вознаграждалась». За этими словами кроется очевидный смысл: люди недостаточно хороши для того, чтобы воспринять правду. Он поступает так, как обычно поступают лживые политики. Вместо того, чтобы сказать правду, какой бы она не была, они предпочитают солгать. А это полная победа Джокера. Почему мир Готема так притягателен? Потому что в нем видится современный мир хаоса. Но хаос здесь — это не бесконечные грабежи и взрывы. Это этап, на котором ведется борьба против капиталистической морали. Это стадия, на которой преступники и обычные законопослушные люди меняются местами, и преступников становится значительно больше.

Antifaobserver

ШОУ-БИЗНЕС, ХАРДКОР-СЦЕНА И СВОБОДА

Дакота рассказала, что она хочет донести до своих поклонников

Не так давно «Фабрика звезд» неожиданно оказалась вовлечена в либертарный дискурс. Потому что там оказалась — и неплохо себя проявила — певица Дакота. Которая выступала в антифа-майках и задвигала всякие крутые темы. Либертарии разделились на две песочницы — кто-то не уставал критиковать использование механизмов Спектакля во благое дело, а кто-то наоборот — принялся всячески поддерживать Дакоту. Кто же был прав? Редакция «Автонома» на этот вопрос отвечать не собирается. Зато мы отловили юную поп-диву и с ней побеседовали. Беседовали долго. Дакоте явно хотелось больше поболтать о хардкоре и своих шоу-буднях, а нам — обсудить её представление об анархизме. В результате, мы все-таки добились от неё мировоззренческих телег.

- Твои поклонники — в основном девушки с 8 до 18 лет, чтобы ты хотела им сказать?

- Я не могу сказать, что с 8 до 18. Основатели моего фан-клуба — ребята 24-26 лет, у них дети уже есть. Можно сказать, простые обыватели, но, тем не менее, разделяют мои взгляды. Мне приятно, что они любят меня не только за поп-музыку, которую я пою, но и за мои идеи, за мои позиции. А детям от 8 до 18... Я могу рассказать о каких-то идеях. Против фашизма, сексизма, корпораций, макдональдсов. Я считаю, что могу их чему-то научить. Я сама раньше была такая — каталась на скейте, тусовалась в макдональдсе. Это лучшее, что я могу сделать. В шоу-бизнесе я не собираюсь петь хардкор, панк-рок.

Меня люди слушают, и не только когда я пою. У меня есть многочисленные интервью в журналах, на радио и телевидении, и я всегда могу говорить о своих взглядах. А на сцене — у меня есть песня про ФНБ, есть песня о несовершенстве системы: «мажорные дети тратят в клубах деньги родителей, а за углом людям нечего есть». Вроде и поп-музыка, а какие-то идеи я толкаю.

- Почему нельзя продать хардкор?

- Почему нельзя продать хардкор? [Смеется] Я не продала хардкор, потому что его не исполнила. Мне нравится, например, группа Vitamin X, я хожу в их футболке. Хотя они выступали на MTV, и продвигали свои идеи через СМИ. Для хардкора мой вокал не подойдет, а так я с удовольствием пела бы в какой-нибудь панк-группе. Но это будет DIY, андеграунд, и в телевизор выпускать это я не собираюсь. Это будет для меня, для друзей, для людей, которые этим живут, а не из-за моды слушают такую музыку.

Насчет игры под фанеру. Я даю и живые концерты, и за седьмую «Фабрику» я была рекордсменом по количеству живых номеров. Но то, что снималось в «Останкино» — да, это была фанера. Там даже струн на гитарах не хватало. Но фанеру делали потому, что это шло в прямой эфир и транслировалось на Дальний Восток. В случае лажи могли бы быть большие штрафы, и организаторы не могли рисковать, устраивая живое выступление.

- Какие темы ты ещё продвигала, кроме ФНБ?

- Недавно, например, я написала текст про обывателей, которые приходят в восемь часов с работы, смотрят телевизор, которым рекламные щиты перекрыли небо, и то, что они давным давно все подохли. Я поп-певица, это моя работа. Кто-то продавцом работает в магазине, а я — поп-певица. Но, тем не менее, я хочу совмещать приятное с полезным. Если я могу какие-то элементарные идеи толкать через поп-сцену — я буду этим заниматься.

- Какие, на твой взгляд, главные проблемы современного общества?

- Ой, много. Я из Беларуси, я люблю Минск намного больше, чем Москву. Это мой родной город, и сцена там сплоченная очень, там юнити, чего я не могу сказать о Москве. Хотя я планирую и дальше жить в Москве, потому что с работой здесь перспектив гораздо больше. Шоу-бизнес в Беларуси жутко контролируется государством, президентом. В Москве есть чуть больше свободы действия. Но у вас все делится на какие-то... Тусовки.

Юфкрюшники отдельно, анархисты отдельно, футбольники отдельно, стрэейтэйджеры отдельно. И идет недопонимание, люди ссорятся. Так что я не могу сказать, какая главная проблема в обществе. Минское общество сильно отличается от московского. Москвичи уделяют больше времени борьбе друг с другом, а не тому, чтобы собраться и бороться против того, против чего обычно сцена борется.

- Ты говоришь про сцену, а не про общество.

- Про общество... В России и Беларуси тоже все очень разное. В Беларуси все слишком контролируется. У нас если ты слепой, глухой и немой, ты — идеальный гражданин государства. У нас нет свободы действий, нет свободы слова. Из-за этого многие уезжают из Беларуси. В Москве я не слишком давно живу, чтобы судить, но мне кажется, что зато фашизма здесь слегка побольше, чем в Беларуси.

- Сколько времени, как тебе кажется, Лукашенко продержится?

- Много времени продержится, я уверена.

- Почему?

- Потому что я там жила. Не знаю, почему. Потому что все там повязано. Насчет самого Лукашенко сказать не могу, но, его последователи, его люди точно будут. Я уверена в этом. Там слишком все тяжело, нет свободы, все контролируемо. А я дико свободолюбивый человек.

- Что для тебя означает фашизм?

- В моем понимании это глупое и необоснованное, неоправданное возвышение себя над какими-то расами, над другими людьми. Ещё фашизм принял форму культа. Боны, которых я знаю, не могут обосновать, за что же они не любят этих «чурок» и «черножопых». Опять же, есть разница между Минском и Москвой. В Москве очень много приезжих, а в Беларуси преимущественно белорусы и живут... И, конечно, я ярый противник фашизма, и пытаюсь донести это через сцену, фан-клубы. Например, маленькие дети, которые смотрят «Фабрику звезд»... Лучшее, что я могу сказать — нельзя не любить своего соседа по парте только за то, что он не москвич.

- Что для тебя означает капитализм?

- Я ничего не могу сказать, на эту тему я особо не заморачиваюсь. Ну... Это плохо, но как-то бороться с этим я не в силах, потому что... Ну, просто не в силах.

- А анархизм?

- Моя анархия — это моя анархия. Например. Закончилась «Фабрика», в Минске играла одна финская анархо-группа на анархо-елке. Там была куча моих друзей, меня все расцеловали-разобнимали, все хорошо проводили время. Подошел парень, я даже не помню, кто он такой, маргинал, дико пьяный, я его редко видела в тусовке... И он стал мне втирать: «Да ты нифига не анархистка, ты не маргиналка, ты говно, ты продала все, что можно было продать, мы тебя не котируем, хрен ли ты сюда приперлась». Ребята тоже на него наехали, дико с ним поссорились, чуть не побили его. Тем не менее, он судит о том, что я не анархистка, из того, что он видел меня два раза на «Фабрике звезд». Для меня анархия — это отрицание какой-то власти надо мной.

Оно проявлялось и на «Фабрике». У нас был мальчик, Марк Тишман, его продюсеры назначили, можно сказать, главным. Он был такой папочка. Он решал, какие продукты мы заказываем, в какие игры мы будем играть, какой нам инвентарь нужен. Он постоянно пытался всех себе подчинить. Я была единственным человеком, который не нашел с ним общий язык. На «Фабрике» у нас была война войной, он удалял мои песни с диктофона, не передавал диски для выступления, очень много делал всякой дряни, всякого хлама. Он очень некрасиво себя вел, хотя ему почти 30 лет. Моя анархия проявляется в том, что я не понимаю, когда человек собирается руководить мной, моими действиями. Я очень свободолюбивый человек.

То, что я пошла на «Фабрику», было очередным проявлением моей свободы. Я считаю, что человек не имеет границ, рамок. Кто бы из сцены пошел на «Фабрику», а я пошла. Я очень переживала, был один негативный момент, связанный с «Фабрикой звезд». Якобы, меня видели на митинге в поддержку Путина. При том, что я узнала об этом только спустя три недели после того, как все было отснято. Нам сказали как. За два дня до этого сборная России выиграла у сборной Англии. И мы вроде как ехали сборную поддерживать. И я такая радостная там скачу... И там какая-то «Молодая гвардия». Я-то провела всю жизни в Беларуси, там я знаю, кто есть кто. Там я знаю, на каком концерте я могу спеть, а какой концерт организован властями, и потому туда я не пойду.

А в российской политике я не секу, не знаю, что и где. Я ехала из-за футбола. Потом были всякие митинги и демонстрации, куда я уже не ездила — фабриканты там пели без меня. Я не хочу, чтобы мое пребывание в шоу-бизнесе каким-то образом касалось политики. Мое творчество — это мое творчество, а политика — это политика. В этом, опять же, моя анархия.

- Как, по твоему, можно изменить общество?

- Вообще, я считаю, что жизнь изменить человек может только сам. Человек всегда имеет выбор — сделать это или сделать то. Но, конечно, бороться лучше вместе. Потому и существует сцена определенная. Потому что люди объединены какими-то идеями, общими моральными устоями, принципами и жизненными позициями. По одиночке бороться в любом случае очень тяжело. Я считаю, что, мы (я имею в виду хардкор-сцену в общем) хоть и маленькими шажками, меняем что-то.

Я считаю, что нужно привлекать все больше и больше людей. Шли такие темы, опять же, что из-за «Фабрики звезд» антифашизм, «Еда вместо бомб», анархизм могут стать модой. Так пускай! Если будет модно давать деньги на «Еду вместо бомб» — пускай! Если модно быть антифашистом — это круто! Мы боремся для того, чтобы привлекать все больше и больше людей в нашу культуру. Мне говорят — как ты на «Фабрике» тусовалась с этими дураками, они же обыватели... Я три года назад была таким же обывателем. И не потому, что я такая плохая, а потому, что мне никто о таких идеях не рассказывал.

Дмитрий Медведев и

Владимир Путин

АВТОНОМ

700000 «А» В КРУГЕ
Анархизм от «Монгол Шуудан»

Группу «Монгол Шуудан» слышали, наверное, все. И почти все анархисты, наверное, задумывались, имеют ли «монголы» какое-то отношение к анархизму. Валерий Скородед, лидер пресловутого ВИА, рассказал «Автоному» о своих взглядах. Как говориться, «выводы делать только вам!»

- Считаете ли вы себя идейными анархистами?

- Не могу ответить однозначно. Слишком высокопарное выражение — «идейный анархист»! Мне кажется, анархист не должен бросаться такими словами. Что значит «идейный»? Идей и течений в современном анархизме достаточно. К какому направлению я отношусь более или менее с симпатией, мне ответить затруднительно. Сам себя я считаю «безмотивником». Увлекаться анархизмом я начал в 1986-ом, а это значит, что где-то 20 лет моей профессиональной деятельности я положил на внедрение в сознании масс, что такое понятие, как «анархизм» существует. По моим скромным подсчетам, за весь период существования коллектива «Монгол Шуудан» пиратами было продано около 700 000 носителей разного типа. Выходит, что где-то такое же количество людей познакомилось с анархией, хотя бы в таком виде.

- Читали ли вы классическую анархо-литературу (Кропоткин, Бакунин, Махно)?

- Давно уже все прочитано. Недавно приобрел книгу Михаила Александровича Бакунина «Интернационал, Маркс и евреи» — очень интересно. Сейчас дочитываю Джона Зерзана «Первобытный человек будущего». В дальнейшем, думаю приступить к изучению «Азбуки революционера» Льва Троцкого-Бронштейна. Забавный тип и очень высокий слог. Сейчас в магазины выброшено достаточное количество книг о жизнедеятельности Н.И.Махно. Честно, мне не интересно. Все, в принципе, мне об этом известно. На мой взгляд, книги Боба Блэка или Хакима Бэя должны занимать более значимое место на букинистических полках.

- Читаете ли современную анархо-прессу?

- Иногда, время от времени.

- У вас есть песня «Бей жидов, спасай Россию». Как она появилась в вашем репертуаре, ведь все анархисты (и Махно в их числе) выступали против антисемитизма и любого национализма?

- Не смешите меня. У вас достаточно серьезное издание? Конечно, они выступали против этого лозунга, ведь в основном руководители анархистов и была евреи. Взять хотя бы комиссаров в штабе Махно. Куда ни плюнь — одни Аккерманы, Глагзоны, Арончики да Бароны. Один Лева Зиньковский чего стоит. Или там, Канторович Арон — организатор «Набата». Конечно, они отвергали этот лозунг или клич, это просто и ежу понятно почему! Я думаю, ради справедливости надо написать песню «Бей русских, спасай Израиль». Вот тогда мне точно на улицу не выйти. Завязывайте там с ханжеством! Если исторически так сложилось, не хрен на зеркало пенять, коль рожа крива. В своем репертуаре я охватываю весь период гражданской войны, и если это было, так чего об этом не петь. Чего, теперь сидеть и засунуть язык в жопу? Зайдите в музей революции на Тверской, посмотрите на морды тех, кто вершил революцию... Явно не славянская внешность. К Махно пришли такие же революционеры. Какая им разница, под какой идеей деньги у народа тырить. Вот только им не очень нравилось, когда этот самый народ от бесчеловечных методов начинал крушить. Доставалось и подчас невиновным, вот где зарыто основное семя!

Я был на гастролях в Израиле, поверьте, мне там открыли глаза и рассказали все, как было на самом деле. Я не националист и не антисемит. В моей группе поиграло достаточно евреев-музыкантов. И ничего страшного не случилось, все остались довольны. Кстати эта песня не призывает прямым текстом идти устраивать «еврейские погромы». Это всего лишь исторический факт. Да давайте вообще разберемся, что это за нация такая, что ни скажи, сразу срок можно схлопотать. Да ну их всех на буй вообще!

- Что случилось во время вашего тура по Испании?

- В Испанию мы поехали по приглашению анархистов-басков. Баски — это испанцы, которые справедливо считают, что часть южной Франции принадлежит им по территориальному праву. Они базируются в Виттории, центральном городе Баск кантри. А наиболее отъявленные разбойники-террористы живут в горных поселках. Все они поддерживают друг друга и им не чужда идея анархии, потому что многие живут коммунами и сквотами. Они переправляют оружие и взрывчатку и мечтают жить в свободной стране без каких либо

королей и государственного налогообложения. Прям как сочинение на школьном занятии пишу. :)))

В общем, они узнали про нас и устроили нам небольшой тур. Мы были молодые и дерзкие, нас постоянно сопровождали агрессивно настроенные парни и девушки. На наших концертах они орали свои кричалки против государства. Их постоянно винтила полиция, но нас не трогали, потому что не понимали о чем мы поем. В Гранаде на площади, они залезли на шест с флагом содружества, сорвали его и стали сжигать. Все это происходило во время нашего выступления. Приехали менты, и началось дикое побоище. Я могу заметить, что там идейный народ настроен достаточно решительно. Мы как раз играли песню «Галя», как на сцену полетела дымовая шашка с нервно-паралитическим газом. Конечно, мы ретировались в автобус и дали деру. На самом деле я заметил, что под наши выступления они всегда проводили свои акции.

Мы часто давали концерты где-то за городом, и там я видел на сходняках весьма сомнительных людей. Меня знакомили с ними и говорили, типа: «Это Рамон! Он доставляет много хлопот полиции!» Нас хлопали по плечу, поднимали большой палец вверх и упаивали сидром. Сложность общения заключалась в том, что все они поголовно курили траву и были мало подкованы в анархизме так, как видели его мы. Часть из вырученных средств была отправлена на зону, где сидели пострадавшие от государственного беспредела. Часть ушла на ремонт автобуса и часть мы потратили на выпуск футболок с их логотипом.

- Ваше отношение к сексизму?

- Как я понимаю, «сексизм» — это дискриминация человека по его принадлежности к полу. Я что-то слышал об этом и в принципе, как к проявлению некой несвободы, к этому отношусь отрицательно. Все мои девушки оставались мною довольны, поэтому этот вопрос у меня отпадает сам собой. Единственно, что хочу сказать, феминисток надо гнать куда подальше со своими программами. Мужчина тоже должен чувствовать себя человеком, а не горбатиться на помаду, чтобы какая-то накрашенная блядь указывала, сколько часов тебе работать и в каком возрасте тебе выходить на пенсию. Они вообще считают, что мужчина — биологическая случайность. Вот где нахожу проявления сексизма. А скандалы по поводу, дала или не дала — это вообще мелочь, так, суета.

- Готовы ли вы участвовать в концертах в поддержку анархистов, например, на концертах против выборов и ментовского беспредела?

- Это где это такие концерты проходят, аж самому интересно.

- Как вы относитесь к современному авторитарному режиму в России?

- Вы правда думаете, что мы живем при режиме? Идет простое ограбление народа, никакого режима нет. Власть творит все, что ей хочется. Мне кажется, так думает большинство.

ВОЙНА В УГАРЕ

Радикальные художники рассказали о способах борьбы

О них сегодня уже знают многие. Они ебались (из песни слова не выкинешь!) в зоологическом музее, славя грядущего наследника-медвежонка, унижали мента в его доме, казнили гея и иммигранта в «Ашане», метали кошек через прилавок «МакДональдса» и спаивали пассажиров метро Москвы и Киева. Они — арт-группа Война. Но лучше — просто Война. Ребята просят называть себя именно так, без кавычек, подчеркивая: «Мы не “Единая Россия”». Группа собралась полтора года назад, и сейчас в ней уже более 60 человек. Если верить СМИ, лидерами являются Олег Воротников и Петр Верзилов. «Война возникла из острого ощущения необходимости, и каждый, кто участвовал, автоматически становится активистом. Но есть и постоянный состав. Художники, музыканты, писатели, преподаватели, студенты, школьники и просто раздолбаи. Отношения строятся как сугубо семейные, но у нас есть подставной фюрер для отвода глаз большого дяди», — резюмируют ее наиболее давние участники.

- Почему такое название — Война?

- Война — это сценарий развития, при котором обстановка не будет кризисной, как сейчас. Например, мы сможем вернуться к ценностям героизма, созидания. Сейчас же наблюдается только гниение, разложение общества. Современный герой — это паразит, человек, которому удается систему ловко накалывать: не платить налоги, брать по максимуму и отдавать по минимуму.

- Звучит парадоксально…

- Дело в том, что ситуация изменилась. То, что сейчас мусолится на улицах, деление на правых и левых, — вчерашний день. Уже наступило время других идей, связанных с отношением к системе. Она поглощает все идеи, это и есть новый тоталитаризм. Возбудились левые — успокоили левых, возбудились правые — система впитала и правых. Если выйти самому из общей тоталитарной схемы еще можно, ведя параллельное существование и не встраиваясь в социальную иерархию, то расшатать пирамиду так просто не получится. Система принимает в себя и усваивает все движения, в том числе протестные. Она готова превратить любой реальный протест в тренд, марку.

Когда люди при власти понимают, что им придется столкнуться с анархизмом и модой на анархизм среди молодежи — у них есть выбор, что с этим делать. Самое простое и грубое решение — метод репрессий. Он повышает градус геройства, ведь любой сопротивляющийся чувствует себя героем. Другой вариант — попытаться купить протест, но это тоже примитивно. Гораздо более элегантный шаг — сделать движение органичной частью системы. Таким образом, оно перестает быть инородным телом, перестает ее разрушать. Создаются стандартные поведенческие коды. Например, кто-то говорит «я антифашист» — и про него уже все понятно. Как это реализуется? Как правило, движению исподволь указывается вектор развития, направление, которое приводит к безопасным для системы рамкам. Так что теперь оппозиция — это те, кто систему вообще не принимает и не дает ей ни идей, ни налогов, вообще никуя. Жёстче всё стало. Как у рэперов. Сегодня быть активным, не давая системе идей, — это полностью использовать свои идеи самостоятельно.

- А как может протест, на ваш взгляд, сохранить свой взрывной потенциал?

- Нужно помнить, что система готова присвоить и продать любую твою идею, и жить параллельно навязанной модели. Если вся молодежь Москвы перестанет платить за проезд в метро, на это обратят внимание. Если все будут тырить еду в магазинах, это станет разрушительным фактором. До тех пор, пока это делают единицы, это не более, чем возможность паразитировать на системе. Да, повторю, сейчас герой нашего времени — паразит. И не обязательно он бывший хиппи. Все, о ком пишут в гламурных изданиях — тоже паразиты. Анархист, стремящийся наколоть систему, тоже паразитирует на ней. И так будет продолжаться до первого серьёзного испытания — до войны. Не колониальной, а настоящей. Потом снова смогут появиться идеалы положительных героев.

- А что вы думаете о российской «большой» политике?

- Политики сейчас вообще нет, и даже измерения болтов нет. Тем нелепее слышать в России риторику, присущую мейнстрим-политике. Именно поэтому мы не пользуемся таким языком. Язык мейнстрим-политики не актуален сейчас вообще, а в России он просто нелеп, но не комически, а как-то уж совсем по-уёжищному нелеп.

- Против чего, в таком случае, направлены ваши акции — и какую цель они преследуют?

Мы высказываемся о разных актуальных ситуациях, в том числе и на политические темы. Но поскольку мы увлечены искусством, главная наша задача — создание нового языка, открывающего способность адекватно говорить об этом мире. В этом задача актуального искусства — создание нового типа говорения. Политический же выигрыш Войне безразличен. При этом наши акции достаточно серьезны не в пример многим митингам.

- Какие протестные или оппозиционные круги вам ближе?

- Нам очень милы анархисты, и не только нынешние. Сейчас вообще стало понятно, насколько Махно был симпатичным пацаном в сравнении с прочими своими современниками. Московские анархисты — самые подвижные, инициативные, организованные, не замороченные на одной сверхидее. Это их выгодно отличает от прочих оппозиционеров. Очень надеюсь, что анархизм здесь больше чем тренд сезона, но, безусловно, 2008-й — за ним. К сожалению, всплеск анархизма у нас — заслуга не только активистов движения, но и убоповцев, с помощью которых госверхушка руинировала всю уличную активность старой оппозиции, в том числе нацболов.

- После акции «Ебись за наследника Медвежонка!» о вас узнали многие. Какие еще из традиционно скрытых сторон жизни могут быть с успехом использованы социальными художниками?

- Как вариант, пищеварение. Мы, однако, не занимаемся соц-артом, а скорее наследуем концептуализму.

- Какую из реализованных акций вы сами считаете наиболее яркой?

- ПИР, Мордовский час и выставка "Думаете, ебётся?" в Айдан-галерее.

Skat

Акция «Мордовский час» состоялась в 2007 в одном из московских «МакДональдсов» и высмеивала общество потребления, бесправное положение наемных работников — участники бросали живых уличных кошек за прилавок ресторана. ПИР был посвящен памяти художника и поэта-концептуалиста Дмитрия Александровича Пригова — прямо в вагоне московского метро были накрыты столы, и участники акции угощали пассажиров. В феврале 2008 арт-группа повторила акцию в Киеве. Широкую известность Война получила после акции «Ебись за наследника Медвежонка!» — накануне президентских выборов несколько пар занялись сексом прямо в одном из залов биологического музея имени К. А. Тимирязева. Выбор места неслучаен —действо посвящалось тотему медведя.

В мае 2008, ввиду обострившегося насилия со стороны милиции, арт-группа провела акцию «Унижение мента в его доме» (УМВЕД). Придя в отделение, участники вывесили на решетке камеры портрет вновь избранного Дмитрия Медведева, отметив на фото, что в помещении уже висели плакаты с лозунгами «Убей иммигранта» и строчками «Оставь надежду, всяк сюда входящий/ Не стоит, под невинного косить Здесь не помогут всхлипы, взор молящий / Здесь и немые, будут говорить!!!» Акция «Думаете, ебется?» состоялась в мае 2008 в «Айдан-галерее» «Винзавода» — Война вывесила портреты лидеров националистов и консерваторов, ранее публично осуждавших ее акции, прокомментировав их фразами наподобие «Думаете, ебется?» Уже осенью 2008 арт-группа сделала еще одно действо против общества потребления, театрально «повесив» нескольких своих участников в супермаркете.

ФЛЭШМОБ «СЦЕПКА»
Тюмень, 18 апреля 2008: как это было

Апрельская неделя действий против милицейского беспредела свалилась на тюменский анархизм, как и на человечество в целом. Срочно надо было что-то делать из солидарности с побитыми в Москве неформалами, но не ясно, что именно.

Труба зовёт

На массовом полуконспиративном вече в среду 16 апреля решено было совершить флэшмоб «Сцепка». А именно, сесть в пятницу 18 апреля ровно в 18.15, сцепившись локтями, в тесный круг на брусчатку Центральной площади (место тусовок неформалов), на виду у зданий областного правительства, Думы и ГУВД. В сцепке мы видели символ солидарности и сопротивления ментам. Предполагали, если будет желание, покричать антиментовские лозунги, а через пять минут разойтись.

Под уголовный и административный кодекс это всё не попадало, потому можно было смело звать сторонних людей присоединяться. Решено было перед собственно флэшмобом обойти с листовками-приглашениями тусующихся неформалов. Каким мирным был замысел! Поддержали его даже пацифисты-веганы. Но с этой незатейливой идеи начались два месяца карнавала почище венецианского и бразильского — с уходами в подполье, ночными милицейскими штурмами квартир, судилищами и глубоким умопомешательством властей всех мыслимых уровней. Из этого умопомешательства они так и не вышли.

Козни врагов

Полуконспиративное вече в среду состояло из людей разношёрстных, но более-менее знакомых и подозрений не вызывающих. Менты многим успели насолить, и многие были не прочь поиграть на их подлых нервах. Анархисты, антифа, феминистки, либералы, социал-демократы, просто студенты. Понятно было, что информацию при таком раскладе утаить не удастся, ввиду множества посвящённых и глобального раздолбайства. Но не до такой же степени! Гнусные враги всё прознали незамедлительно. В тот же вечер областной комитет по делам национальностей созвал экстренное совещание о том, что же делать ввиду надвигающейся флэшмобной опасности. Комитет этот только называется «по делам национальностей», а вообще являет собой орган по координации карательных действий против проявлений общественного недовольства.

Карательные органы вместе с комитетом начали усиленно пытаться думать. Но не смогли ни хрена придумать ни в среду, ни в четверг, ни даже в саму пятницу. Ответственность за дальнейшие действия никто брать на себя не хотел. Потому что как ни крути, всё равно будет скандал, и кому-то придётся отвечать. В 11 часов в пятницу весть о флэшмобе появилась в Интернете. Репрессивные органы окончательно встали перед фактом, что скоро полетят погоны. Первыми не выдержали нервы у ментов. Высокое ментовское начальство дало отмашку вниз по цепочке, и в итоге проблема докатилась до участковых. То есть, на уши в милицейской системе уже встали все, кого можно было на них поставить.

Участковые бросились к телефонам — обзванивать потенциальных флэшмобберов и увещевать их не губить души их невинные участковые. «А не собираетесь ли вы сегодня организовывать несанкционированный митинг?» - «???» - «По правоохранительным органам?» - «????» - «Про который в Интернете написано?» - «?????» - «Значит, сегодня вы несанкционированный митинг и пикет организовывать не собираетесь?» - «Не собираюсь!» А дальше по обстоятельствам.

Но флэшмоб на то и флэшмоб, что отменить его нельзя. Уже разнеслась весть, что менты всё знают, что там будет чёрт знает что, но праведный гнев стихии не остановить.

Постепенно головы милицейского начальства наполнила глубокая мысль, что либо им теперь оцеплять и винтить всю Центральную площадь, либо пустить всё наобум, а там вдруг чего прояснится и кто-нибудь окажется крайним. Но ОМОН и автозаки непременно вызвать.

Сенатская площадь

Шесть часов, Центральная площадь Тюмени. От Сенатской в Питере отличается тем, что вместо Синода и Сената — Правительство и Дума, а памятник Петру I — без коня, лысый и с подписью «Ленин. Скульптор Портянко». На площади всё как обычно, плюс в засадах милицейское начальство, плюс камеры пресс-центра ГУВД, плюс гэбисты в штатском, плюс комитет по делам национальностей.

Неформалы кругом листовки почитывают, готовятся солидарность проявить. Питерский пятый канал (единственный независимый в Тюмени) берет интервью на лавочке у правозащитника, пара журналисток разгуливает. Дефилирует по площади начальник управления общественной безопасности области подполковник Сычёв, без пальто, цигарку покуривает, пепел бросает на подведомственную территорию Центральной управы, и вообще без фуражки — потерял где-то в сражениях за общественную безопасность. Подходит к группе молодёжи и говорит человеческим голосом: «Что ж вы, подождать-то не могли недели три, пока я в отпуск не дембельнусь! Толпой соберётесь — повинтим!» Молодёжь типа слушает.

В 18.15 садится на землю народ — десятка так два с чем-то. Народ сел всякий, в том числе те, кто вообще ни фига ни в каком Интернете не читал. В целях спасения демографической ситуации, кто имел чего-нибудь, то под задницу подложил. Земля холодная. А милиция стоит в отдалении и мирно смотрит, а которые менты с камерами — бегают вокруг и снимают. И журналисты бегают вокруг, и велосипедист ездит.

Пять минут посидели, пару раз, кому охота было, поскандировали «Нет милицейскому (вариант: ментовскому) беспределу!». Встали и пошли было себе по делам. Но тут как из-под земли выскочил милицейский беспредел в образе подполковника Сычёва, и говорит: «Ха-ха-ха! Вот он я! А теперь пройдёмте!» И завинтил тех, кто поближе стоял, по беспределу. По беспределу — это потому, что он без фуражки был, а без фуражки нельзя винтить. Не по форме. И даже не сказал чего-нибудь типа: «Здравствуйте! Милиционер такой-то! Покажите-ка документ! Вы ужасно похожи до степени смешения на опасного агента западных спецслужб, на которого нам дали наводку!»

Взяли для начала троих. Потом стали брать тех, кто стал интересоваться, а за что же взяли первых, а потом стали брать вообще всех, но эти самые «почти все» уже смылись. Итого в Центральное УВД доставили 11 человек. Доставили туда с горем пополам. Центральное УВД должно было заранее обеспечить автозак — или просто автобус, но они ловили каких-то жуликов, и этот автобус был занят, а отпускать пойманных с поличным жуликов, чтобы ожидать мифического винтежа мифических неформалов, они не очень торопились. Такова одна из легенд, которую поведали по секрету менты Центрального. Этапировали людей обычными патрулями-газиками, срочно для этой цели мобилизованными со всей окрестности.

А ОМОН (или это был СОБР?) вообще опоздал — опять же, ввиду общетюменского разгильдяйства. Им сверхтревогу объявили, как будто конец света и вообще звездец, последняя битва Вселенной. А они в «космонавтов» уже лет 5 не одевались, и напрочь всё позабыли, где чего там застёгивать. Пока пуза в жилеты упаковывали, вся вселенская битва уже кончилась. Только весь центр города перепугали своей инопланетной амуницией. Остатки неформалов на площади с перепою решили, что марсиане прорвали оборону ПВО страны.

Централка, за что сгубила ты меня?!

У работников Центрального УВД, когда им привалило такое счастье — куча работы вечером в пятницу — лицо изобразило лик Страдающей Богоматери, а уста произнесли нечто тоже по поводу матери, но не божьей. А сверху сыпались указания в виде телефонных звонков по поводу того, что делать с задержанными, причём от разного начальства, и противоречащие друг другу. Судя по всему, в числе указов был: «И чтоб ни один, волос, сукины дети, не упал с голов этих грёбаных экстремистов, а то и мы, как эти московские козлы, будем в полном д***ме, да ещё накануне этой грёбаной инаугурации этого грёбаного (неразборчиво, но по смыслу ясно, что президента), и оформите их по правилам насколько сможете, хотя хрен ли от вас путного можно дождаться в пятницу вечером. А мы пойдём бухать, а вы нам докладывайте». Кстати, в УВД даже практически не хамили и называли на «Вы» — за исключением совсем охреневших ментовских оперов.

Бухало высокое начальство или нет — но это весьма вероятно, так как, как уже сказано, приказы менялись один за другим, как тосты после каждой рюмки. Привезли на первый этаж, усадили на стулья (стулья у них мягкие, офисные — разжились где-то). Хочешь в туалет — пожалуйста. Хочешь музыку — пожалуйста. Типа, особые права для политзаключённых. Стали объяснительные брать. На первом и на втором этаже. На втором этаже хуже — там участковые наглее себя ведут. Приказ в этот момент был: «Кто даёт правдивые показания — после объяснительных отпускать, остальных закрывать в бокс до утра». Непонятно только, как отличить правдивые от неправдивых. Ещё приказ: «Всех дактилоскопировать и заснять на видео». Потом: «Вот этот, этот и ещё один пойдут за организаторов, их точно в бокс до утра, остальных по усмотрению». Потом: «Дактилоскопировать и на видео снимать не надо».

Заодно сотовые проверили на предмет, не в розыске ли, паспорта отсканировали. Одна девушка отказалась подписывать объяснительную. И даже писать «Отказываюсь от подписи». Что делать? Да ещё, блин, татарка. Национальный скандал грозит, потом не отмыться. Стали её увещевать страшилками: «Будешь сидеть до утра в грязной дежурке, всей в говне с тараканами и т.д. и т.п.» Подписала, сразу выпустили. Тут опять приказ, что на всех протоколы писать по ст. 20.2. КоАП, а без этого не выпускать. Одну-то выпустили — значит, 10 теперь осталось.

Стали на всех после объяснительных ещё протоколы писать и совать повестки на суд на утро понедельника. Сначала в повестках писали явиться в УВД, чтобы везти на суд оттуда организованно, потом стали писать, что сразу в суд приходить. Кому-то в суматохе повестку дали явиться в качестве свидетеля, а не подозреваемого, а кому-то без указания, в каком качестве.

Ни о каком «держать до утра» уже никакой речи. Тут опять звонят: «Заснять на видео». «А уже отпустили половину!» — «Кого ещё не отпустили, заснять!» Потащили снимать — идти надо через двор. На дворе тусуются те, кого уже выпустили, ждут остальных, и

avt2.indd 15 06.12.2008 3:14:08

просто группа поддержки. Оперативник подумал, хватать ли ему на дворе тех, кого отпустили, чтобы тоже снимать на видео, или нет. Но раз приказ был конкретным и касался только тех, кого не отпустили, то решил строго выполнять приказ и не добавлять себе геморроя.

Привели снимать. Подбегают два мента: «Пожалуйста, исполните гражданский долг, будьте у нас понятыми, нам надо следственное действие проводить!» - «У вас что, других в отделении задержанных нет, чтобы понятыми идти?» - «Нет, только пьяные и чурки без регистрации! Помогите!» (Вообще говоря, это расизм — называть людей чурками).

Но смешнее всего процесс постановки на видеоучёт. Заполняют карточку и щёлкают цифровой мыльницей в профиль и в фас. На карточке до фига граф, но заполняют, какие душе угодно. Главное указать ФИО, адрес и данные паспорта или хоть чего-нибудь иного. Там самая прикольная графа - «На кого похож? Нужное подчеркнуть: европеоид, еврей, кавказец...» Для всех указаны расовые или территориальные обобщения, и только одна конкретная национальность — «еврей». Ни арабов, ни негров, вроде нет. Если попадется негр, его придётся записать, наверное, в кавказцы или монголоиды.

Ещё там конфетами угощали. Но только девушек. Бухла, правда, не налили, хотя у них там было. Потом на крыльце какой-то опер в штатском, который не в теме, начал-таки хамить и беспредельничать — не понравилось, что люди фотоаппаратом друг друга щёлкают возле вывески УВД. Грозил хулиганку завести, в отделение обратно кого-то потащил было. Но свои же его в итоге отшили: «Без тебя все в д*рьме сидим, а ты тут ещё!» Одного из анархистов зачем-то потащили на встречу с начальником УВД. Начальник сообщил, что кругом агенты ЦРУ, и на этом закруглился. Наконец, всех отпустили. Впереди были выходные, а в понедельник — суд, который обещал стать цирком.

Первый Страшный Суд

Все 10 обвиняемых в понедельник 21 апреля явились согласно повестке к 9.00 в мировой суд Центрального округа в 6-й кабинет. Оказалось, что, во-первых, суд не имеет ни малейшего понятия, что должен этих людей судить и за что, так как никаких материалов не поступало. Во вторых, в любом случае этим должен заниматься другой судья, из другого кабинета, так как Центральная площадь относится к другому участку. Причём сообщившая это сотрудница сама видела момент винтежа, прогуливаясь по площади, смеялась и тоже не могла понять, за что винтили.

К половине десятого приехали сотрудники Центрального УВД, привезли материалы, нашли нужного судью — Ховренкову. Далее в суде тусовались уже две группы: «экстремисты» и менты Центрального УВД. Менты настаивали на том, что имел место несанкционированный митинг, и вменять надо ст 20.2. КоАП — «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (штраф до 1000 рублей участникам и до 2000 организаторам). Но в суде заявили, что ментовские протоколы никуда не годятся, рассматривать такую чушь суд не собирается, и отфутболивает их обратно в УВД на доработку. И что «экстремистам» можно расходиться, в дальнейшем суд пришлёт повестки. «А с виду такие приличные...» — добавила сообщившая сию новость дама.

Хотя вид многих пришедших трудно было назвать сверхприличным - как и вид большинства обитателей одной шестой части суши рано утром в понедельник. Зато почти все были интеллигенты и ориентировались в актуальных тенденциях гуманитарных наук. Даже родилась шутка — ходатайство судье «прошу вместо меня судить мой симулякр». На пару недель всё затихло. В начале мая менты вяло попытались было поодиночке отловить задержанных. Звонили, требовали явиться в Центральное УВД, чтобы задним числом ИСПРАВИТЬ ПРОТОКОЛ!!!! Никто не явился. Так и дожили до конца мая, когда началась самая романтическая часть истории.

Цветы от УВД Центрального

В канун начала лета сотрудники УВД Центрального округа Тюмени неожиданно прислали участникам флэшмоба букеты цветов. Как можно было подумать, в знак особого к ним почтения и как извинение за предоставленное 18 апреля беспокойство. Правда, букеты существовали исключительно в виде картинок на официальных конвертах. Цветы пришли как девушкам, так и юношам — возможно, во втором случае они были отправлены от имени женского состава УВД. Либо, что вероятно менее, УВД ЦАО не заражено не только сексизмом (обвинения за «Сцепку» были предъявлены гендерно сбалансированно — равному количеству юношей и девушек), но и гомофобией. Хотя, цветовая гамма букета — ромашки на фоне феминистских сиреневого и фиолетового, — говорит скорее о том, что его подбирали прежде всего из симпатий к радикальному женскому сообществу.

Так или иначе радует, что несмотря на ударную ликвидацию в городе последних оплотов искусства — Музея изобразительных искусств и Колледжа искусств, — в Тюмени остались люди, в том числе под скромной серой формой, воспитавшие в себе несомненный эстетический вкус и способные транслировать прекрасное в массы, пусть даже в таких скромных масштабах. Короче, это были официальные письма с требованием явиться в такой-то день в УВД для составления протокола. Письма незаконные. Какого на хрен протокола? Административный протокол составляется сразу на месте правонарушения, либо, максимум, в течение двух дней. Кроме того, указанный в требовании день явки на момент доставки писем давно прошёл. Более того, согласно штемпелю, они и отправлены были после дня предполагаемой явки людей в ментовку. Менты сознательно отправили письма в никуда. Видимо, просто для создания перед начальством видимости деятельности.

Письма проигнорировали, а тюменский сайт www.golosa.info, местный аналог «Индимедии», разразился

иронией по поводу всего этого. А через несколько дней в конвертах с теми же цветами прислали и сами новые протоколы, заочно составленные. В них было пропечатано, что задержанные полностью согласны с представленным обвинением, и дело их будет рассмотрено во внесудебном порядке замначальником Центрального УВД майором Лебедевым, который сам назначит наказание!!! Участники флэшмоба посмеялись ещё раз и стали ждать третьего букета цветов.

Театр спасёт мир

Нет, третьего букета не было. В ночь на 17 июня доблестное Центральное УВД вместо букета устроило облаву на участников «Сцепки». В лучших традициях 37-го года. Подъезжает во двор «Черная Маруся» и архаровцы в форме вламываются среди ночи в квартиру. Только пока что не отвозят в подвалы улицы Семакова, где когда-то размещалось тюменское НКВД, а пытаются заставить подписать липовый протокол и повестку в явиться суд — в данном случае, 18 июня, кому к 9.30, кому к 10.00. В тот день, 18 июня, истекал двухмесячный срок административного преследования за флэшмоб.

Да живут вечно в памяти человечества Эжен Ионеско и Карло Гоцци! Практика 37-го года в обществе театра абсурда, мобильных телефонов и всемирной паутины действует хреново. Особенно, если знать театральные и фольклорные законы жанра. Да, увы, первой из десяти задержанных участников флэшмоба повестку под роспись всучили. Надеемся, в последний раз. Ещё двое, парень и девушка, взяли её сами добровольно для прикола, хотя понимали, что могли и не брать. А дальше начали твориться чудеса в духе «Лицедеев» и местного театра «Мимикрия». Можно назвать это сознательным глумлением над непроходимой тупостью карательной системы. Но всё было сыграно естественно и правдоподобно, и без ненужных унижений людей, пусть даже пока что носящих форму.

Следующей в списке на ночной милицейский визит была активистка-блондинка. Сонная блондинка открыла дверь и, со свойственной классическим блондинкам интонацией, заявила, что ничего подписывать не желает. Аргументов против логики блондинок человечество не создало.

Менты уехали. Заваливают к очередному участнику.

Полпервого ночи. Звонит домофон:

- Откройте, милиция!
- Мы милицию не вызывали!
- Нам надо поговорить!
- А нам не надо!
- Откройте!
- А у вас и ордера-то нет ни на арест, ни на обыск!
- Откуда вы знаете!
- Ха-ха! Не открою! Разговора не будет!

Кто-то из соседей сжалился и впустил их в подъезд. Звонили в дверь, не переставая, и что-то там в темноте через дверь орали. А в подъезде темно, их в глазок дверной и не видно: ну, стоят там, бумажкой машут. Не разобрать ни рожи, ни одежды. Гуманоиды какие-то. Или оборотни. Может, «готы-экстремисты» из указаний

МВД пришли за жертвой. И фонариком светят на эту самую бумажку — говорят, что уведомление. Парень бегает туда-сюда от двери к компьютеру и обратно. У двери ругается с этими самыми гуманоидами, а с компа в сеть через Jabber скидывает, о чем речь, и как себя те ведут некрасиво. А народ в сети ржёт — к кому-то уже ездили, к другим ещё нет — сидят, морально готовятся, как себя вести. Полчаса в дверь звонили. Отключили им звонок и домофон. Они звонят-звонят — а звонка-то нет! Думали они, думали — стали в дверь стучаться. А дверь стальная, стучаться им больно, ручки не казённые. Жалко, конечно их, по-человечески, но что поделать?

Тут домашние не выдержали. Позвонили они в итоге... в милицию по 02. И говорят: «Хулиганы в дверь ломятся! Говорят, что милиция!» Через пару минут менты смылись быстрее шаттла американского. То ли приехали местные менты, из Калининского УВД, и вломили этим из Центрального за беспредел на своей территории («Это наши экстремисты! Валите к себе и до*бывайтесь до своих экстремистов! А у нас их и так мало, самим не хватает!»), то ли те сами смылись, как только жареным запахло. Наверное, это под статью какую-нибудь попадает, если ночью без ордеров в дверь насильно ломиться. Да и не пристало ментам повестки в суд развозить, чужая это епархия.

Поехали они дальше. Дальше будете смеяться, но это правда. Следующей в списке была ещё одна сонная блондинка! Всего 18 апреля было задержано две блондинки, и вот теперь приехали ко второй. Ещё одна сонная блондинка дверь ментам открыла и, со свойственной классическим блондинкам интонацией, заявила, что ничего подписывать не желает. Аргументов против логики блондинок... Ещё ей менты жаловались, что на прошлой квартире их плохо встретили и грубили. Блондинка их выслушала, исполнив общественную роль личного психотерапевта. Остальных четверых «экстремистов», конечно, дома не оказалось вообще. Скрылись, предупреждённые об опасности, в ночной мгле... Анархия их поглотила.

В глубоком подполье

Наутро в глубокое подполье торжественно, церемониальным маршем, с развёрнутыми анархическими знамёнами, ушли все остальные, кроме тех троих, которые подписали повестки. У милиции может быть нехорошая привычка хватать людей и силой тащить на суд, даже если повестки не вручали — а потому вполне разумно было 17 и 18 июня уйти в глубокое подполье.

В глубоком подполье были «Сангрия», портвейн, бальзам ишимский, водка (впрочем, без фанатизма), торты и рулеты с начинкой. Короче, условия в современных подпольях отличаются в лучшую сторону от тех, что описаны в произведениях революционеров-народников и даже анархистов-махновцев. Человечество меняется в лучшую сторону.

Утром 18 июня 2008 года, в день Второго Страшного Суда над Экстремизмом, не выходя из глубокого подполья, семь не охваченных повестками участников всеми фибрами души следили за ходом суда над тремя своими схваченными друзьями (совместное задержание незнакомых людей способствует их дружбе) и семью своими симулякрами. Ожидалось, что суд либо не состоится, либо обвинят заочно всех — и пришедших людей, и симулякров.

Милиция притащилась в суд только к началу одиннадцатого, тогда же судье всучили документы: протоколы, видеофильм с флэшмоба и так далее. Судьёй оказалась на этот раз некая Пономарёва.

Менты сильно ругались на крылечке суда и жаловались, что поймать и судить удалось только троих. Что все, особенно остальные, особенно отдельные из них, особенно не скажу кто — отъявленные экстремисты, и что якобы из-за них сняли-таки с должности Сычёва, который нас винтил без фуражки. В общем, крайним оказался Сычёв.

А не охваченные судом сидят в окрестности, не выходя их глубокого подполья, в паре сотен метров от этого самого крылечка. Кто-то даже на открытом воздухе, на лавочке площади Борцов Революции, под гордо реющим каменным чёрным флагом (там памятник из чёрного металла: рабочий и солдат под флагом — соответственно, тоже чёрным).

В самом глубоком подполье

Звонят свои из суда: «Менты злые вообще, скрывайтесь на хрен!» А куда, блин, скрываться, мы же и так в глубоком подполье! А там около суда ещё правозащитник из движения «За права человека» над милицией прикалывается. Его от дел оторвали, позвали срочно участников флэшмоба защищать. И говорит он ментам, что, мол, сегодня ещё один флэшмоб задуман, против ментовского беспредела, а 23-го — против пыток. Тут у милиции вообще башню снесло. Два флэшмоба, и непонятно, кто готовит! Неизвестные тёмные силы! Всех на хрен снимут с постов! Что делать?!

А глубоких подпольщиков тоже думы одолевают. Где тут, на хрен, найти ещё более глубокое подполье, чем лавочка на Борцов Революции! Надо место, о котором никакие спецслужбы, включая иностранные, в принципе не могут знать, и которое вообще в их мироощущении не существует. Это даже должен быть не иной мир, а за пределами иного мира и пространства.

Филфак ТюмГУ! Да-да, не истфак — ОНИ знают только об истфаке (там Либертарный киноклуб прописался)! Филфак за пределами мира и пространства. Как раз на задах лавочки на Борцов Революции. Никакой мент, находясь в относительном сознании, или вне его, не будет искать экстремистов на филфаке ТюмГУ, ибо филфак ТюмГУ не существует в его понятии. Можно взорвать весь город, все его стратегические объекты, надругаться над госфлагом и госгимном, а потом спокойно пить кофе на филфаке.

Второй Страшный Суд

Второй Страшный Суд в лице судьи Пономарёвой получил материалы из Центрального УВД только в 11-м часу утра. Судья Пономарёва закрылась на 2 с половиной часа, изучая свалившиеся на её голову материалы. Судя по всему, явно выраженного давления, опять же по попустительству, на судью Пономарёву не было, а потому она была в неведении, чего же от неё хотят. В итоге судья Пономарёва заслушала поодиночке троих пришедших.

В 14.30 судья Пономарёва вынесла вердикт, тщательно гендерно сбалансированный. Одной девушке не присудила ничего. Остались для церемониального осуждения один юноша и одна девушка. Брюнет и брюнетка. Их судья Пономарёва и решила всё же для приличия признать виновными, присудив устное предупреждение (минимальное наказание). То есть, в переводе на русский разговорный, так: «Дорогие мои! Ребятушки! Предупреждаю вас устно, как того требует, бл*дь, этот хренов кодекс. Не сидите на площади, а то, бл*дь, хр*н отморозите! Побеспокойтесь о сложной демографической ситуации в, бл*дь, стране нашей демократической!». Так примерно могла сказать судья Пономарёва, хотя в реальности она так не матерится.

Впоследствии менты пытались пару раз по инерции звонить, угрожать, требовать явки для составления личного дела, но на них в очередной раз положили. А потом из суда пришли бумажки, что всем симулякрам (то бишь, не присутствовавшим на суде) тоже вынесли устное предупреждение. В отсутствие обвиняемых и по сфабрикованным ментами протоколам. После чего все вышли из подполья и пошли бухать.

Kender

ЧИТАЙ ПО-БАКУНИНСКИ

«Будущее человечества: государственность или анархия?»

«Нам надо ездить в Прямухино исправляться...»
Из письма Н.В.Станкевича Я.М.Неверову, 21 сентября 1836 г.

Вдохновенно

Такой «скромной» теме были посвящены очередные «Прямухинские чтения», прошедшие 28-29 июня 2008 года. Чтения проводятся на родине Михаила Бакунина, в селе Прямухино под Торжком ежегодно, начиная с 2001 года. Они давно стали замечательным и, увы, уникальным примером удачного общественного почина — без участия государства и бизнеса — людей, влюбленных в анархизм и в «великого бунтаря». «Прямухинские чтения» — площадка для обмена идеями, знакомства единомышленников, постановки стратегических вопросов анархизма, экскурсий по прямухинской усадьбе, для теплого задушевного общения — вдали от городской суеты и спешки.

На этот раз в Прямухино, в гостеприимный дом вдохновенного организатора чтений Сергея Гавриловича Корнилова съехались полсотни анархистов и исследователей анархизма (у многих эти две ипостаси совпадали) из Москвы, Питера, Твери, Донецка, Франции, Бразилии и Германии. Историки, философы, журналисты, писатели, студенты. Были заслушаны и горячо обсуждены тринадцать докладов (еще шесть из-за нехватки времени будут напечатаны в приложении к сборнику чтений). Были представлены — их авторами и издателями — несколько новых книг об анархизме (включая объемистый томик прошлогодних «Прямухинских чтений», а также вышедший в Питере уникальный громадный библиографический словарь-справочник о российском анархизме, находящиеся в печати новые тома сочинений Бакунина и Кропоткина, появившийся в Германии «Бакунинский альманах, выпуск 1», книга Василия Голованова о Махно и книга автора этих строк о проблеме личности в философии классического анархизма).

Судьбоносно

Нас — исследователей и последователей анархизма — пока немного, наш круг узок и тесен, тиражи книг исчисляются сотнями экземпляров, но все же мы есть, книги выходят, идеи изучаются, развиваются, распространяются в обществе, о чем свидетельствовали и доклады, прозвучавшие на чтениях.

В докладах ставились — в соответствии с темой конференции и традицией чтений — громадные и отнюдь не «академические» вопросы: о судьбах человечества, о тупиковости и гибельности техногенной, рыночной и этатистской цивилизации, об актуальности кропоткинских идей в сегодняшнем мире, об анархо-примитивизме, о синергетике, «утопизме» и «нормальности» (Сергей Гаврилович Корнилов сформулировал парадоксальный тезис в духе прудоновских афоризмов о собственности как краже и анархии как матери порядка: «Утопия — это норма!»), об Интернете, о перспективах и последствиях победы человечества над смертью, об «освободительных технологиях», о необходимости смены нынешней цивилизационной парадигмы, о кризисе «левого» движения в мире и даже... о необходимости борьбы за право киборгов на эвтаназию.

Гармонично

Доктора наук в качестве докладчиков и слушателей органично соседствовали с юными анархистами-неформалами, вопросы истории анархизма перемежались мировоззренческими дискуссиями или спорами об атомной энергетике... Можно смело сказать, что «Прямухинские чтения» — проводимые в таком замечательном месте и таким образом (как плодотворный и взаимовыгодный диалог академической среды и анархической субкультуры) и запечатлеваемые в виде ежегодно издаваемых сборников стенограмм (где обсуждения докладов нередко интереснее самих докладов) — не похожи ни на какие другие научные конференции: часто унылые, занудные, конъюнктурно-конформистские, безжизненно-педантичные и формальные!

Гости чтений гуляли по парку под моросящим дождиком, ходили в музей Бакуниных в местной школе, пели революционные песни, обменивались литературой, до утра разговаривали «за жизнь» у костра или наслаждались сном на сеновале, впитывая всеми порами то неуловимое, но реальное, что еще в X1X веке получило название «прямухинской гармонии».

Немыслимо

Питерские ученые предложили провести в городе на Неве следующие, «выездные» чтения, превратив на один сезон северную столицу в филиал Прямухино и устроив там грандиозную международную научную конференцию, посвященную истории и судьбам анархизма. Их административные и финансовые возможности — как показала кропоткинская конференция 2002 года — позволяют сделать это с немалым размахом, однако многие «ветераны» чтений выразили сомнение в успешности этого начинания, заявив, что неповторимая камерная и задушевная атмосфера Прямухино может быть утрачена.

С другой стороны, в нынешнем виде чтения достигли некоего порога возможного — по числу участников и докладчиков. Вопрос этот остался пока открытым. Что же касается основной темы чтений этого года, то можно привести слова, сказанные известным историком и теоретиком анархизма Вадимом Дамье, процитировавшим в своем докладе кого-то из западных анархистов: «Мы должны сделать невозможное, чтобы не случилось немыслимое!»

Петр Рябов

АНТИФАШИЗМ ПРОШЕЛ

Впечатление участника московского антифа-шествия

16 Марта, воскресенье.

Около 10 часов вечера. Звонок на мобильный. «Слушай, у тебя есть телефон <...>? Срочно пришли. Тут просто ужас какой-то творится! Человека убили. Кто-то газовый баллон на входе в клуб распылил». Вот уж, действительно, ничего хорошего... В тот злополучный вечер я остался дома лежать с температурой, сожалея о том, что пропущу концерт «Ничего Хорошего». Группа, выпустившая своё первое демо в 2006 году, быстро завоевала довольно широкую известность. Их социально-ориентированная лирика в сочетании с хорошим исполнением и высоким качеством записи сделала группу почитаемой многими из нас. В плане музыки это ритмичный street-punk/Oi, тексты — об уличном насилии, жизни рабочих и молодёжи с окраин, протесте против угнетения.

Моб из 15 неонацистов, вооружённых ножами, напал на компанию из 7-ми человек, шедших на концерт. В результате нападения 21-летний Алексей Крылов из подмосковного Ногинска был убит. Концерт был открытым. На одном из фанатских форумов висело сообщение с призывом собраться в день концерта в районе клуба и жестоко атаковать его посетителей. Почти сразу анархисты и антифа решили провести акцию памяти. На среду было намечено шествие от Пушкинской площади. Решили приглашать всех, кто хоть как-то ассоциирует себя с антифашизмом. Репортёров решили собрать в другом месте, откуда их потом можно было бы быстро переправить к демонстрации.

17 Марта, понедельник.

Выясняются первые подробности. Сообщения с того самого форума ещё можно найти в кэше поисковых машин. Настроение мрачное. В запланированном пикете, как ни странно, приняло участие много народу. Я не ожидал, что после такого потрясения люди вообще придут. Вроде выздоравливаю.

18 Марта, вторник.

Принято окончательное решение о месте и времени проведения шествия. По всем каналам идёт распространение приглашений. Ближе к ночи выясняется, что кто-то, забывший о мерах предосторожности, разместил информацию о времени и месте сбора в сети «В контакте».

19 Марта, среда.

Иду на работу. Магазин, где я, планировал купить газовый баллончик, ещё не открылся. В связи с пропаленностью места шествия идут дискуссии о его переносе. Пока ничего не известно. Ясно только одно:

Ничто не забыто, никто не прощён

нацисты туда непременно придут. Кажется, что этот день может стать последним. В обеденный перерыв обхожу окрестности, средствами самообороны нигде не торгуют. Небо необычайно ясное. Жадно вдыхаю каждый глоток холодного мартовского воздуха. Обещают перенаправлять людей, которые будут на Пушкинской площади, на новое место сбора.

Выхожу из «Пушкинской». В переходе народу ещё больше, чем обычно. Милиционеры обыскивают какого-то парня в белой бейсболке с характерного вида бакенбардами. У него взяли коробку из под обуви и начали осматривать. Прохожу мимо, иду в «Макдональдс». По пути не замечаю ни одного знакомого. Ближе к 19.00 выхожу на улицу, никого из друзей не видно. На sms никто не отвечает. Уже думаю, что всё накрылось, но тут у перехода человек говорит мне ехать на «Кропоткинскую». Его я, признаюсь, узнал не сразу. Едем на новое место.

У выхода из метро собрались все, кого успели оповестить. Заметил нескольких знакомых активистов. Чувство тревоги начинает исчезать. После пятиминутной заминки начинаем строиться в колоны, разворачиваем транспаранты «Для власти фашизм — хулиганство», «Ваше безразличие — наша смерть», «Фашизм убивает, власть покрывает», «Фашизм не пройдёт», «ANTIFA». Обнаруживаю, что в кармане нет марлевой повязки, хотя обычно она там всегда лежит, закрываю голову и лицо капюшоном. Зажигаются файеры, толпа в 300 человек, скандируя «Антифа», «Смерть фашизму всех мастей, от подворотен до властей», «Фашисты убивают — власти покрывают», «Наше отечество — всё человечество», «Вместе против фашизма», движется по Гоголевскому бульвару. Впереди колонны несут фотографию Алексея.

Ближе к центру бульвара нас уже встречают операторы с телекамерами. Проходим бульвар, переходим проезжую часть. Кто-то раздаёт листовки удивлённым автомобилистам. Выходим на Арбат, шествие заполняет собой по ширине всю улицу. Снова громко скандируем лозунги «Antifa», «Alerta, Alerta, Antifascista!». Арбатские ларёчники, музыканты, художники и просто прохожие с пониманием встречают демонстрантов. Появляется чувство некоторой эйфории. У «Макдональдса» колонну криками «Зига ой, зага ой, зига-зага ойойой!» встречает какой-то дурак.

За ним тут же устремляется несколько человек, но ему удаётся вбежать в макдак, прежде чем охранник ресторана закрывает дверь. Стоящие рядом двое ментов не пытаются чего-либо предпринять. Все благополучно спускаются в метро. Там встречаю ещё больше знакомых, со многими из которых уже месяц как не виделся. Разъезжаемся по домам.

После выясняется, что 100-200 человек не попало на шествие из-за того, что их вовремя не оповестили о месте сбора. Ещё нескольких менты задержали на Пушкинской. По свидетельствам очевидцев, после демы всем столичным правоохранительным органам было объявлено жесткое усиление. Центр столицы был переполнен акабами разных сортов. В сети появляются первые видео, активно пиарим новость в блогах. Ещё узнаю о пикете, который был до шествия. Чувствую, что простуда полностью прошла.

Вопросы к товарищам

Хотя шествие и получилось успешным, возникают и вопросы к товарищам по антифашистскому движению. Почему мы устраиваем акции протеста в ответ на убийства антифашистов, но никак не высказываем публично свою позицию по убийствам лиц неславянской внешности, которые происходят постоянно, только в начале года было зарегистрировано свыше 20.
В то время как власти замалчивают или отрицают существование неонацистских группировок, мы могли бы осуждать своими акциями каждое нацистское преступление, тем самым акцентируя внимание общества на проблемах расовой нетерпимости. Но даже в раскрученных антифашистских блогах в основном можно встретить только сообщения о нападениях на антифа или субкультурщиков. Считаю, что к акциям можно было бы привлекать и представителей этнических меньшинств, рабочих-мигрантов, всех, кто так или иначе страдает от нападений нацистов.

Андрей

У САМОГО ЯПОНСКОГО МОРЯ

Либертарные инициативы Дальнего Востока

Зимой 2007 — весной 2008 основными направлениями деятельности либертарного движения Приморского края стали антифашизм, уличные акции и издание газеты «удАр». С этого года начала функционировать группа FNB, которая провела уже 7 кормежек (один раз я там сам ел). Надо отметить, что в FNB первоначально принимали участие люди разных взглядов, а теперь остались в основном анархисты (то же самое было и с антифашизмом).

Еда вместо армии

На акции FNB вывешивают не только традиционный баннер «Еда вместо бомб», с кулаком, который зажал морковку, но также и растяжку «Армия = рабство». Я думаю, если FNB будет действовать в том же направлении, оно будет одним из основных составляющих антимилитаристского движения региона. Очень плохо и странно, но за последний год не прошло ни одной радикальной антимилитаристской акции.

Зато «День дезертира» порадовал не самим мероприятием, а механизмом самоорганизации. Это была первая акция, которую устраивали не организация и не от имени организации, а группа людей с разными взглядами, работающими в одном направлении. Город был украшен антимилитаристскими трафаретами. От редакции «удАр»а была сверстана газетка/листовка, но не могу сказать, что она оказалась удачной. АЧК-Приморье подготовил и раздал участникам буклеты, рассказывающие, как вести себя на уличных акциях. На само шествие пришло немного людей — около 20. Прошло оно скучно: прошагали, пожгли фаеры, покричали, померзли. В «День дезертира» скорее надо устраивать все что угодно, лишь бы он не был строгим, надо веселиться, дурачиться и разрушать официальную пропаганду. Но все же акция дала толчок для развития нашего движа.

Сделай сам

В Находке в зимнее время проходили DIY-концерты, на которых присутствовали чуть ли не все активисты либертарного движения Владивостока. Под большим впечатлением от декабрьского сейшана приехало еще больше народу на концерт памяти Ильи Бородаенко 26 января, 27 января этому человеку исполнилось бы 27 лет. Но канцик залажал, я пришел, наверно, на половину и ничего не потерял. Только то, что говорили со сцены, напоминало, ради кого все тут собрались. За неделю до этого, 21 января прошла акция памяти Ильи Бородаенко во Владивостоке. На вечный огонь пришло почтить память товарища всего лишь 6 человек. Почему так мало — это пусть останется на совести тех, кто не пришел. Положительно то, что поклеили в городе стикеры «Никто не забыт, ничто не забыто».

С наступлением весны активизировались и столкновения с ультраправыми, которые нынче сменили свой прикид — бомбера и гриндера поменяли на кофты с бульдогом и белые тапочки, но сути дела это не меняет. Самое, наверно, запомнившееся столкновение произошло в центре города, где антифашисты накрыли бонов в их любимой забегаловке. Конечно, не так все круто вышло, толком боны не получили, но были запшиканы газовым баллоном и закиданы бутылками. Боны не решались выйти, пока антифа не предпочла отойти.

Люли

Остальные действия составляли раздачу люлей бонам. Но за этим последовала реакция и нацистов, точнее карланов, пожелавших отличиться. Одного известного антифашиста попытались накрыть прямо в его квартире. Но все закончилось благополучно: кроме удара в дверь, мата вслед убегающим карланам и улыбки на лице антифашиста ничего не произошло. В Находке тоже была замечена активизация бонья — после смерти Ильи местные малочисленные фашисты осмелели. От них успело пострадать не менее 4-5 человек. И все это прекратилось, когда один из самых активных бонов получил не хило по щщам. Вот что значит «добрые кулаки» — один кулак может сделать больше, нежели тысячи слов.

На фоне уличного противодействия фашистам, была устроена уличная акция «Ядерный Дракон» в годовщину Чернобыльской катастрофы. Воспользовавшись полученным с «Дня Дезертира» опытом, народные умельцы принялись мастерить дракона. Творчество было, народ был, а вот слаженности не было. В результате получился не дракон, а монстр-крокодил. Но акция состоялась: раздача листовок, кричалки и все это сопровождал летящий «ядерный крокодил».

Весна

За творческой неслаженностью апреля последовал майский разброд. Какой-либо автономной подготовки к 1 маю не состоялось. Результат — только санкционированный антифашистский антиавторитарный пикет. Все прошло достаточно гладко и позитивно. Акция даже была показана на одном из местных телеканалов. В новостной ленте, уделили 20 секунд, но сказали все грамотно, фактически то, что им сказал организатор пикета. Но были и минусы: из-за разброда не была подготовлена листовка на тему актуальных проблем, на скорую руку был написан текст об истории 1мая.

Также не пришло приличного количества людей из-за проведения параллельно пикету скейтерского контеста. Было ли это сделано организаторами нарочно — останется для нас загадкой. И еще один минус — неслаженно расходились. Положительно: организовано пришли, красиво оформленный баннер «Разрушим капитализм — победим фашизм», позитивное настроение участников. Мероприятие не обошли вниманием и боны. Они приперлись, но ничего предпринимать не стали, кроме как кинутой куда-то не понятно куда бутылки. А вот ближе к вечеру боны все же получили то, что хотели. По разговорам, один бон лишился пальца, но инфа неточная.

Огонь

В майский набор акций вошла и менее заметная акция 9 мая у вечного огня, где поставили фото погибших от рук нацистов, зажгли свечи. Как говорится, никто не забыт, ничто не забыто. Также проводились ночные вылазки «уличных художников»: трафареты, рисунки, лозунги и стикеры. Уличное радикальное искусство — это одна из более или менее постоянных агитационных инициатив, вылазки устраиваются раз в месяц (примерно).

В завершении стоит рассказать все же и про нацистов, которые решили устроить мега-концерт. Естественно мега-концуерт — это на словах, какая-либо информация нигде толком не распространялась, постороннему попасть туда сложно (пришло около 50 человек, это по словам фашистов, вероятней всего их собралось 30-40), билеты продавались соратникам. Но все бы ничего, если бы не информация, что все это действие под контролем ФСБ и чуть ли это не подстава для антифа. Но и даже в этих условиях антифа самоорганизавались для противодействия. Акция, правда, цели не достигла.

Идея акции была отличная, а боевой дух на высоком уровне. Минус — недостаточна слаженность, плохая ориентация на местности. Результат — вокруг места проведения концерта шныряли менты, на которых и нарвались парни, несшие петарды. Все обошлось удачно, кроме полученных подзатыльников и отобранных петард. Их отпусти, парни легко отделались. Из—за незнания численности фашистов и приличного количества ментов, охранявших нацистский концерт, противодействие не получилось, но опыт ребята получили бесценный.

Юра

АНАРХИСТЫ И БЕСПРЕДЕЛ
На передовой противостояния общества и ментов

Милицейская дубинка почти стала символом жизни московских улиц весной и летом 2008 года. Была запущена операция «Неформал», действие которой мусорки долго отказывались признавать — начиная с февраля, подростков задерживали на улицах просто «за внешний вид», говоривший о принадлежности к панкам, скинхедам, готам и другим субкультурам. Вскоре стражи порядка стали не только задерживать, но и избивать, а неправомерные уличные аресты приобрели массовый характер. «Антинеформальская» направленность отлично сочеталась с политической — милиция не менее охотно «принимала» участников любых оппозиционных акций и журналистов. В итоге действие породило противодействие, и город увидел либертарное движение «Нет ментовскому беспределу».

Винтаж

Однако восстановим хронологию. В конце зимы и начале весны арестовывали в основном на акциях — причем не только анархических, но и митингах социалистов и «Другой России». Как обычно, не представляясь, не предъявляя документов и сообщая задержанным, в чем, собственно, они обвиняются, уже в отделении. Также винтили и иногородних, особенно трудовых мигрантов. Однако порог терпимости общества по отношению к действиям милиционеров настолько высок, что никакого резонанса эти события не вызывали. Люди начали шуметь, только когда их дети в возрасте от 15 до 20 лет стали исчезать в милицейских машинах, с тем, чтобы возвращаться к изнервничавшимся родителям спустя несколько часов — после того, как их сфотографируют и «откатают пальцы». Причина? Выглядели «как неформалы» — с пирсингом, яркими прическами, дрэдами, (или наоборот, бритые налысо), в куртках-косухах.

Журналисты неоднократно задавали высоким правоохранительным чинам вопрос — а что, в Москве действует какая-то спецоперация? Нет, отвечали те, вообще не знаем, о чем вы говорите, ну, может, взяли кого-то случайно, так что же вы хотите — зарплата у наших сотрудников маленькая, 10-12 тысяч, как за такие деньги не наделать глупостей... И вообще это задержанные все придумали. А мы просто боимся, вдруг это юные экстремисты, брали с них подписку о толерантном отношении к кавказцам. Этим благородным намерением — противодействовать ксенофобии — менты оправдывали массовые проверки документов, фотосъемку и дактилоскопию, телефонные звонки домой. Излишне говорить, сколько пострадало от этого людей, совершенно не разделяющих националистических взглядов.

Кровожадная профпригодность

4 апреля 6 человек были жестоко избиты в ОВД «Сокольники». За что? За открытую бутылку пива. Их задерживали с применением дубинок и шокеров, а в отделении били сапогами и разрядами электрического тока — в лицо, в пах, в спину, унижали, дабы причинить боль не только физически, но и морально. У одного молодого человека в результате случился сердечный приступ, милиционеры вызвали «скорую помощь», которой сказали, что парень — наркоман. В больнице никакой помощи ему не оказали. Московские анархисты поняли — необходимо провести митинг. И 11 апреля на Славянской площади собрались у метро «Китай-Город». Менты разогнали санкционированный митинг, на котором протестовали против их же произвола, спровоцировав беспорядки — в ОМОН полетели бутылки.

Омоновцы же вырывали у участников транспарант, пытались разбить собравшихся на группы и не пустить за заграждения. Снова не обошлось без избиений. Спустя неделю, 18 апреля, порядка 200 человек, возмущенных беспределом, перекрыли центральную улицу города — Тверскую, пройдя по ней от метро «Пушкинской» до «Маяковской». Транспарант с надписью «Нет ментовскому беспределу» по длине как раз занял половину проезжей части. Пресс-служба МВД написала, что это сделали «20 футбольных фанатов».

Флаги на площади

Только 19 апреля, после всех этих событий, милиция официально объявила, что проведет... да, операцию «Неформал»! Которая продлится неделю, будет направлена против беспризорников, юных наркоманов, бродяг и подростков, которые просят милостыню, и пройдет почему-то в поездах, на вокзалах и в подземных переходах. Если сравнить заявленные меры с тем, что к тому моменту реально происходило в Москве уже в течение трех месяцев... Это даже не смешно.

Далее последовали аресты на первомайской демонстрации — как обычно, «за подозрительный внешний вид», видеосъемка стрит-пати в парке «Сокольники» первого мая — в праздничный день сотрудники милиции решили не бить анархистов, а увековечить их лица на видео. На следующий день —

неожиданный проверочный рейд в клубе имени Джерри Рубина, где молодежь собралась, чтобы посмотреть кино... К тому моменту ситуация уже привлекла внимание правозащитников, и 15 мая на Пушкинской площади прошел ещё один митинг под лозунгом «Нет ментовскому беспределу». А в июле стало известно о возбуждении уголовного дела уже против сотрудников ОВД «Сокольники»...

Из весны в лето

Однако можно ли говорить об успехах? В ночь перед самым митингом, с 14 на 15 мая, три человека были задержаны и доставлены в ОВД «Замоскворечье» за расклеивание объявлений о нем. Одного из них намеревались обвинить в вандализме. Хотя вандализм — это порча общественного имущества, которая приводит к его негодности, проще говоря, поломка. Потом статью заменили на административную («несанкционированное размещение информации на объектах»), и, стало быть, ребята должны были выйти из ОВД через 3 часа, однако их продержали там больше 12 — до приезда «начальства», после чего одного из них проверили «на экстремизм». Летом 11 анархистов были задержаны на улице Ясный проезд, когда намеревались подойти к дому №19 — общежитию, жителей которого несанкционированно выселяли бойцы УФСИН. Всем им в протоколах написали одно и то же обвинение — в нецензурной ругани и наличии пустой бутылки в руках. Видимо, у милиционеров в тот вечер было туго с фантазией. Одного из задержанных вносили в милицейскую машину за руки и ноги. Ночью им отказывались передавать принесенную товарищами еду, а затем не отдавали паспорта.

Дело по Сокольникам, хотя и было открыто, встречает противодействие в виде другого дела — против самих же задержанных и избитых. Трое из них обвиняются в хулиганстве и один — в нападении на милиционера. Во второй половине лета волна милицейского насилия несколько схлынула — ведь многие «потенциальные жертвы» просто уехали в отпуск. Осенью же двое активистов движения «Еда вместо бомб» были избиты при задержании, когда пытались провести мирную акцию

раздачи еды возле посольства США, протестуя таким образом против репрессий в отношении американских товарищей.

Откуда уши растут

Все это неоднократно наводило на мысль — а что, собственно, происходит в Москве? Чем вызвана волна милицейского насилия в 2008 году? На ум само собой приходит центральное политическое событие весны — президентские выборы. Однако просто «наводить порядок» карательными мерами, чтобы электорат не смел и носа высунуть на улицу — это было бы слишком просто.

Дело в другом. Уверенная в себе власть к оппозиции и протесту, тем более молодежному, относится как к утренней зарядке при открытой форточке. Ну, клеят стикеры. Ну, рисуют граффити. Ну, кричат лозунги. Но ведь не устраивают террористических актов! Не покушаются на жизнь первых лиц, как народники в XIX веке! А есть же при этом в России и такие граждане, которые действительно представляют для окружающих опасность — убийцы, грабители, насильники. К слову, тех, кто действительно взрывает рынки (например, Черкизовский) задерживают как-то вяло.

Власти действительно заняты не обеспечением безопасности, а проведением уродливой пиар-компании, цель которой — подавить любое инакомыслие. Есть такой прием психологической борьбы — создать общепризнанный образ врага или образ жертвы. Для самих себя представители милиции, может, и научились отличать анархиста от футбольного фаната, фа от антифа, а гота от эмо. Но это для себя, а в комментариях пресс-служб звучит понятие «молодежная группировка». Сейчас, видимо, можно говорить о том, что решили «заметить» сразу всех — и фашистов, и антифашистов,

и «заметить» с явной выгодой для себя. Теперь слова «молодежная субкультура» для обывательского уха звучат как апологетика милицейского насилия — ну это же неформал, его, значит, можно бить.

Можно вспомнить еще один прием, на этот раз из арсенала имиджмейкеров — прием «плохих друзей». Например, когда необходимо очернить конкурирующую партию, ее стараются объединить в массовом сознании с какими-нибудь непопулярными фигурами: скандальными ведущими, коррумпированными чиновниками, криминальным миром, экстрасенсами-шарлатанами. Видимо, кто-то из милицейских идеологов на ночь читает учебники по черному пиару. До новой весны осталось совсем немного. Чего от нее ждать?

Skat

СЕЛО СЕБЕ

Анархо-экологи и жители против химического завода

С 5 по 27 июля под городом Сасово Рязанской области работал еще один экологический лагерь протеста — против пуска химического завода по производству фенолформальдегидных смол. Уникальность ситуации была в том, что небольшая группа местных, состоящая в основном из женщин, так «прокачала» население района, что казалось, спроси 80-летнюю бабушку и та тебе прошамкает, что Нижнемальцевский завод это химический геноцид и смерть всему живому. Завод обсуждали везде — на рынке, в транспорте, на почте. Инициативная группа даже провела референдум, на котором 97% населения высказались против пуска предприятия.

Предпринимателям не повезло

Городским жителям обычно кажется, что село это всегда экологический рай. На самом деле подъем экономики и производства со всеми вытекающими для природы и людей последствиями нередко добирается и до сельской местности. В частности, в селе Нижнем Мальцеве Рязанской области инвесторы из совсем другой области решили наладить почти заброшенное химическое производство. Как это часто бывает, на безопасности людей сэкономили — если очистные системы и предполагались, то очень слабые. Но предпринимателям не повезло — в районе нашлись по нашим временам просто фантастически активные люди, которые бросили все свои силы на борьбу с опасным производством. Они выигрывали суды, проводили акции, писали статьи, а строительство продолжалось. В июне 2008 года они обратились к «Хранителям радуги» с просьбой помочь провести лагерь протеста.

Глядя на такую активность, мы надеялись, что в лагере будут жить многие местные. На практике таковых не нашлось, но поддержка лагеря была просто замечательная. Местные очень помогли с инфраструктурой — был построен комфортабельный туалет и летняя кухня. Не переводились свежие и вкусные продукты местных крестьян. В Доме культуры мы проводили лекции и показы, на электричках ездили бесплатно — достаточно было сказать, что ты «из лагеря». Иногда было ощущение, что мы оказались в освобожденном районе с некоторым количеством «врагов» на его территории, которых осталось еще немного «дожать». На стороне противников завода были даже местные власти — то ли чиновники боялись, что выбросы будут долетать до райцентра и негативно влиять на их здоровье тоже, то ли идти против мнения всего населения на местном уровне было уже никак невозможно. Даже глава администрации стал персоной «нон-грата» у губернатора, но в поддержку завода выступать не начал.

Им не пройти

Рассказать обо всем, что произошло за три недели протестов, в короткой заметке нет возможности — прошли десятки разных мероприятий. Поэтому только о самом значительном. Самый большой митинг против завода собрал около 700 человек. Проходил он, можно сказать, в поле, так как завод расположен на окраине села и окружен со всех сторон полями. Кстати, ближайшие сельскохозяйственные угодья, которые являются паями местных колхозников, оказались в санитарно-защитной зоне нового предприятия, и это также было причиной возмущения местных жителей. Перед началом мероприятия бабушки прошли вокруг завода крестным ходом. Затем все желающие произнесли речи с грузовика. Речи перемежались хранительским гимном «Им не пройти» и псалмами православных бабушек.

Потом хранители забрались на заводскую трубу и вывесили с нее транспарант «Нет значит нет!», а затем призвали «вернуть себе село» и в окружении жителей устремились на территорию завода. После 10 минут

игры в «тяни-толкай» охранники сдались и отошли от шлагбаума. Большая часть людей прошла шествием до административного здания и помитинговала еще там. Говорят, директор в это время был на своем месте, но, завидев толпу, ретировался через задний ход.

Аномальная зона

На следующем массовом митинге 25 июля сотрудников милиции было уже намного больше — несколько десятков человек — и они зачем-то решили задержать залезших на заводскую трубу молодых людей. Но местные жители так активно вступились за экологов, что сделать этого не удалось. Лагерь закончился, по крайней мере, промежуточной победой — были получены предварительные гарантии от областной власти, что завод не будет пущен. Но самое главное, что в ходе этой кампании не экологи спасали население района от химической опасности, а население еще раз поднялось, чтобы отстоять свое право на нормальную окружающую среду.

Местная активистка Вера Михайловна всем рассказывала, что строить химзавод в этом районе нельзя — там находится какая-то «аномальная зона», из-за которой происходят беспричинные пожары и другие странности. Ничего не понимаю в аномальных зонах, в геологии такое понятие просто отсутствует. Но территория эта оказалась и правда аномальной для современной России — люди там не расписались заранее в своем бессилии перед властями, они не боятся и не раболепствуют. Они воюют с заводом, искренне веря, что эта земля принадлежит им, а, значит, они имеют полное право за нее бороться.

Арина Майхова

НИЖНИЙ АТОМ

Антиядерный лагерь протеста, организованный АД-группой Поволжья

В августе этого года в Нижнем Новгороде проходил экологический лагерь против строительства Нижегородской АЭС. Станция строится в рамках огромного проекта по развитию атомной энергетики в РФ. В ближайшие 12 лет в стране планируется возвести 26 новых энергоблоков. Курс на развитие атомной энергетики вполне ложится в «силовой сценарий», преобладающий в российской политике — сильная страна должна иметь мощное оружие. Несмотря на то, что атомные станции призваны решать «энергетические проблемы», на них, скорее всего, попутно будет производиться оружейный плутоний, который может быть использован как для наращивания арсеналов ядерного оружия в стране, так и для продажи заграницу.

Элементы

В лагере за 10 дней его работы приняло участие около ста человек. В этом были свои плюсы и минусы. С одной стороны, акции для Нижнего Новгорода были довольно массовые, удалось расклеить по городу около шести тысяч листовок. С другой, самоуправление в коллективе из 70 человек это совсем не то, что в коллективе из 10. Тем более, если большинство не только не имеет опыта принятия решений в таком коллективе, но и не видело особой ценности в упорядочении происходящего в нем. В результате, элемент спонтанности (скажем так) был очень велик.

Тем не менее, несмотря на то, что в первые дни лагеря было очень холодно, и непрерывно шел дождь, нам удалось провести митинг, пресс-конференцию, концерт, два массовых пикета и десятки одиночных. После пикета в Сормово прошли по улицам района шествием. Администрация Нижнего выработала очень удобную схему предотвращения нежелательных уличных мероприятий — ей определен список мест проведения акций (7 штук), за рамки которого она практически никогда не выходит. Естественно, в этот список включены только малолюдные места. Мы пытались протестовать против такого подхода и проводить несогласованные (несанкционированные) акции, но успешными оказались только одиночные пикеты, на которых жителям города раздавались листовки. При попытке провести несанкционированное шествие участники лагеря слишком рано попались на глаза ментовскому патрулю, который вел нашу весьма заметную группу и не давал ничего сделать.

Вместе

Важным положительным моментом лагеря стал сам факт того, что удалось собрать вместе активистов из разных городов России - от Мурманска до Магадана, а также экологов и анархистов из Финляндии, Германии, Страны Басков, Франции, Шотландии и США. Иностранные активисты обменивались опытом с российскими коллегами, и антиядерное движение, безусловно, получило большой стимул к развитию.

В лагере не обошлось без проблем с правоохранительными органами. Как только информация о протестах дошла до губернатора, в лагерь зачастили менты и сотрудники миграционной службы. С одной стороны, они понимали, что предъявить нам нечего — проживание в палатках за городом ни с какой стороны преступлением не является, с другой, получили приказ «прессовать» лагерь. Миграционная служба прицепилась к регистрации иностранцев. Но у участников лагеря было достаточно опыта общения с милицией, чтобы отстаивать свои права.

Вертикаль

Завершающий протестную кампанию митинг на площади Ленина собрал около трехсот человек. Этого, конечно, недостаточно, чтобы заставить власти отказаться от планов строительства АЭС. Более 60% жителей города против развития атомной энергетики в области, но настроения эти не выливаются в протесты — сказывается общее разочарование населения в какой-либо гражданской активности, ощущение выстроенности «властной вертикали». Люди считают, что чиновник интересуется только мнением своих начальников. Отчасти это так. Но даже если правительство теперь назначает губернаторов в регионы, оно хочет, чтобы регион был спокойным. И массовое недовольство вполне может заставить губернатора сказать: «Я бы рад, да население против». Но всеобщее неверие в свои силы делает массовый протест невозможным... Нижегородские участники лагеря планируют создать инициативную группу по проведению референдума. Это должно стать следующим этапом борьбы против Нижегородской АЭС.

Арина Майхова

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ЛИБЕРТАРНОЕ

Южная Осетия глазами анархистов-путешественников

С 8 по 13 сентября мы с другом ездили в Южную Осетию. Были в основном в Цхинвале и ближайших селах — далеко возможности съездить не было. Перейти на грузинскую сторону, где стояли российские войска, тоже — не пускали военные. Поэтому общались мы либо с осетинами, либо людьми других национальностей (не всегда про национальность и спрашивали), которые остались «по осетинскую сторону» войны. Именно остались — волею судьбы или сознательно, но человек должен был выбрать — нейтральной позиции по поводу конфликта мы среди жителей Южной Осетии не встретили ни разу. Точку зрения грузин изучала по Интернету.

Осетинские патриоты

Занимают «осетинскую сторону» и некоторые этнические грузины. Да и не признались бы, я думаю, если бы думали иначе — так там все до сих пор обострено и единодушно — в смысле «геноцида осетинского народа» и победы вместе с Россией над «грузинами-угнетателями» (к сожалению, у многих грузинский народ приравнивается к правительству, но это основано, в том числе, и на националистических высказываниях грузин). Мы сами искренне проникались трагическими переживаниями, которыми с нами делились люди. Для них это было очень важно, чтобы, в том числе, и психологически легче становилось, и чуть было не стали «осетинскими патриотами». Осетины без конца вспоминали свои чувства в дни бомбежек и пересказывали истории о зверствах грузин, о которых слышали от других.

На фоне Москвы, жизнь в Южной Осетии кажется намного более настоящей, люди — открытыми и дружелюбными (по крайней мере, к русским, которыми мы были для них и которых они сейчас принимают за «спасителей»), а общество — сплоченным. Наверное, горе всегда сплачивает. Но, правда, и ослепляет тоже.

Сначала коротко об основных мифах российско-осетинской пропаганды. По нашим впечатлениям, погибших во время конфликта осетин было от 200 до 400 человек, а не полторы-две тысячи. Людям повезло — спрятались в подвалах и многие оказались недостижимы для обстрелов. Многих детей вывезли накануне в Северную Осетию. Часть осетин погибла во время оказания сопротивления вторжению, но отделить мирных жителей от военных почти невозможно, так как под ружье 8-10 августа встали не только те, кто формально находился на службе. Сколько погибло грузин — судить не берусь, но с учетом того, что, по словам местных, было выселено 11 грузинских сел, если уж говорить о геноциде, то о геноциде сразу двух народов — грузинского и осетинского. Тем не менее, пусть погибших было 200 или 400 человек — для осетинского народа это очень много. В Южной Осетии и жило-то всего тысяч 30-50 человек в последнее время, и каждый второй друг другу родственник.

Жестокость военных

Если вообще этично так говорить, массовой жестокости, видимо, не было ни с той, ни с другой стороны. Иначе погибших было бы намного больше. «Неизбирательным», как говорят правозащитники, и жестоким был обстрел из «градов» Цхинвала. Непонятно, зачем было грузинам из танков расстреливать легковушки с людьми, пытавшимися выехать из города по объездной дороге. По мнению некоторых очевидцев, там погибло до 250 человек (в реальности, скорее всего, меньше) — больше, чем при обстреле города. С точки зрения опять же правозащитников, грузины стреляли по беженцам, потому что находились слишком далеко, чтобы видеть, кто ехал в машинах.

Нет ни полного разрушения Цхинвала (в реальности от 10 до 30% — смотря, что считать разрушением), ни гуманитарной катастрофы таких масштабов, как говорят наши СМИ. Точнее, катастрофа касается не очень большого числа людей, которые остались без своих домов, да еще и не имеют родственников или соседей, которые их готовы пустить пожить. Или немощных стариков, о которых некому позаботиться. Благодаря огромной финансовой помощи России и гуманитарных организаций решаются многие проблемы. Но есть и много бардака в распределении помощи, коррупция и своячничество. Есть те, кто пытается урвать себе что-то, даже не потеряв жилье, и те, кому в принципе унизительно стоять в очередях за гуманитаркой. Кстати, люди себя ведут тоже по-разному: некоторые улицы сами организовали подвоз продуктов из гуманитарки к себе в район, некоторые — ждут, пока все за них решат власти.

Грузинские деревни

Наши СМИ практически молчат об уничтожении грузинских деревень. Сделано это было, по всей видимости, по негласному распоряжению юго-осетинских властей, а российские военные или участвовали, или не препятствовали. Никто из

говоривших с нами осетин возвращения жителей в грузинские деревни не желает. Несмотря на то, что в Грузии 42 тысячи смешанных семей, и, несмотря на то, что грузины и осетины последние 16 лет все-таки как-то жили рядом. Считают, что безопаснее будет, если моноэтнических грузинских деревень на территории Осетии не будет, что грузины — фашисты и так далее. На территории одного из таких сел — Тиморашени — уже собираются строить «московский микрорайон»...

По всей видимости, правда, что жителям грузинских сел дали уйти, что не было массовых расстрелов, насилия со стороны осетин или российских войск. Но — как рассказали грузинские старики, еще остававшиеся в этих селах в начале сентября — в селе Авневи погибло как минимум два человека в пожарах — один старик и один лежачий больной, который находился на втором этаже дома. Кроме того, многие люди стали беженцами, потеряли свое имущество, малую родину.

Мародерство в этих деревнях мало кто среди осетин считает постыдным, так как все уверены, что отныне это — большие свалки.

Осетинское единство

В политическом смысле в этом конфликте, по-моему, все довольно банально — в смысле разборок Грузии и России за территорию. Никакой демократии в западном смысле слова в Южной Осетии нет — партия «Единство» действует только во время выборов, остальные партии вообще практически мертвы, оппозиции нет (точнее, есть только отдельные недовольные). Кокойты устраивает драки на улице с критикующими его политику, и вообще ведет себя как князек, набрав свиту послушных и никудышных управленцев. Все вопросы можно решить только лично через него. Так, нам рассказывали, что коллектив женщин добивался открытия женского отделения в бане (две бани работали почему-то только для мужчин), так ничего нельзя было поделать, пока не дошли лично до президента.

При этом, если бы Южная Осетия могла сейчас существовать как реально независимое государство, она была бы несколько ближе к анархии, чем современная Россия.

Почему ближе? Во-первых, у людей в Осетии есть опыт самостоятельного выстраивания собственной жизни. Они вооружались сами, создавали ополчение, ни на кого им надеяться не приходилось. Местное сельское хозяйство производит довольно много, чтобы, по крайней мере, не умирать с голода (нет своих круп, муки, сахара, но зато возможен обмен на другие сельхозпродукты, которых в избытке). Во-вторых, намного теснее родственные и дружеские связи, развита взаимопомощь. В-третьих, маленькое общество в большей степени может контролировать свое правительство.

Конечно, осетинское правительство хочет контролировать все само. И если Кокойты, как считают местные оппозиционеры, пришел к власти действительно в ходе честных выборов (пусть и практически безальтернативных), то сейчас он стал почти диктатором — при поддержке России. Например, Кокойты очень смешно парится по поводу того, что о нем говорят — это подтверждает, что он чувствует себя уязвимым. Уже после конфликта, в августе этого года, он вызвал к себе через охрану одного оппозиционера и стал ему выговаривать, что он обзывал его матом — как ему передали. Оппозиционер сказал: когда ты в Джаву убежал во время обстрела Цхинвала, тебя все матом поминали. Кокойты взбесился и чуть не убил его.

Зависимость спокойствия

С моей точки зрения, главная проблема осетин в том, что в последние годы Россия вкладывает кучу денег в Осетию, и общество на это «подсело» — мужикам можно уже вообще ничего не делать, записаться в ополченцы, ходить на дежурство сутки через двое, а остальное время бухать. Пенсионеры российскую пенсию получают, что их, спасает, конечно — она такая же, как средняя зарплата в Цхинвале. Ну и естественно после этого конфликта из-за гумпомощи тоже растут иждивенческие настроения. И сколь бы формально независимой не оставалась Южная Осетия, она все больше включается в такие вот односторонние экономические отношения, и «благодетели» постепенно начинают диктовать свои условия.

Кроме того, в Южной Осетии люди устали от войны. Мы говорили им, что вхождение в Россию вряд ли будет в долгосрочной перспективе подарком — посмотрите на российский Кавказ — Ингушетию, Дагестан. Они говорят — как бы то ни было, лишь бы Грузия оставила нас в покое — мы хотим безопасности, у нас пол населения уже разъехалось, а на территорию России Грузия уже не рискнет танки вводить.

В относительно благополучной Абхазии, кстати, люди уже сильнее чувствуют формальность своей независимости — весь бизнес, недвижимость, земля под строительство постепенно скупаются Россией — своих денег, чтобы пустить их в развитие, у абхазов просто нет. Поэтому и к вхождению в состав России они относятся с меньшим энтузиазмом.

Межнациональная рознь

Еще одна важная тема — за время пребывания в Цхинвале мы ужасно устали от рассказов осетин, какие они древние и насколько они «круче» грузин. Это рассказывал практически каждый, хотя мы ничего на эту тему не спрашивали. Я понимаю, что это реакция на недавнее вторжение и заявления грузинских политиков, которые любят говорить о том, что это их земля. Но в результате - явные массовые антигрузинские настроения, приписывание грузинам всех грехов, оправдание жестокости в их отношении, так как «они нас веками унижали и уничтожали». Это, как говорят осетины, не распространяется на местных («своих») грузин, но я на самом деле уверена, что те чувствуют себя плохо, от национальности же никуда не денешься, и на грузинском они в Осетии разговаривать не рискнут.

Эта ситуация усугубляется и позицией осетинских властей. Они постоянно и активно пиарят тему «геноцида», в каждом номере местной газеты публикуют рассказы свидетелей грузинской жестокости.

Самостоятельные войска

Из позитива в Осетии — готовность защищать свою территорию самим, крутая самоорганизация в этом вопросе. Это подорвались 8-9 августа делать не только ополченцы и военные, а и многие другие.

У кого-то был свой личный автомат, у кого-то — табельное оружие, кто-то пошел к друзьям-ополченцам и ему дали. Интересные, кстати, у них войска. Пожилой спецназовец, который показывал нам город, спал в своей казарме в ночь нападения на Цхинвал. В 12 начался обстрел, но всю ночь его подразделение просидело в подвале, утром тоже ничего еще было непонятно, все ждали приказов. По рации передавали несколько раз что-то типа того, что ждите, через три часа на подмогу подойдут войска. В конце концов, этому нашему знакомому, воевавшему уже в пяти «горячих точках», надоело ждать непонятно чего, и он сказал своему командиру, что он «пожалуй, пойдет». «Не мог, — говорит, — так просто сидеть уже, сказал командиру: ты, извини, я пойду с гранатометом там себе позицию найду», и через пару часов он с какими-то своими знакомыми уже стрелял по танкам.

Его подразделение тоже, спустя несколько часов, вылезло из подвала и стало воевать, так и не дождавшись приказа. И так действовали не только они, и для города с маленькими улочками тактика децентрализованного сопротивления оказалась довольно эффективной.
В тоже время, есть точка зрения, что у грузин было отвратительное военное руководство, и поэтому они сами дважды уходили из города.

Цхинвал, сентябрь 2008

P.S. В Абхазии в зону боевых действий мы не ездили — было понятно, что туда не пустят. Мы еще по дороге узнали, что в опустевших селах Кодори стоят миротворцы, и пока все блокировано. Мы встретили спецназовца, который был мобилизован на две недели для участия в этой операции. Он рассказал, что в этот раз они воевали без единого выстрела — все сделали российские войска. Авиация заранее подчистую разбомбила укрепления грузин в Кодорском ущелье, да и сами села процентов на девяносто.

Грузинские солдаты или погибли, или убежали в горы. Жителей (сванов), по его словам, в этих селах уже не было. Как он выразился, «им дали намек, и они все ушли». После этого пришли российские войска и 80 человек абхазских ополченцев и установили свои посты. Ополченцев через несколько дней всех или большую часть отправили домой. В селах валялась куча оружия, он сам притащил домой три автомата (нес семь, но по дороге четыре бросил — тяжелые). Автоматы, кстати, после этих событий в два раза подешевели.

Арина Майхова

СКАУТИНГ-ЛИКБЕЗ

Как организовать тактическую разведку

Скаутинг. В русский язык пришло это слово, скорее всего, где-то в конце девяностых — начале двухтысячных. Введено было футбольными хулиганами (перенявшими его, само собой, с Туманного Альбиона) и означало разведку в городских условиях во время взаимной охоты двух фанатских группировок. Скаутингом же начали называть и слежку за противником во время столкновений фашистов и антифашистов. Нередко приходится организовывать скаутинг во время вполне мирных либертарных мероприятий. Вот и поговорим о том, как это правильно делать.

Стратегия

Скаутинг — это тактическая разведка. И её успешность очень во многом зависит от сведений, собранных разведкой стратегической. Надо определить, кто может атаковать организуемое тобой мероприятие. Фашисты? Какой-нибудь путинюгенд? ОМОН/ФСБ? НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНО ОНИ ПОПЫТАЮТСЯ АТАКОВАТЬ? На самом деле, это самый главный вопрос. Потому что если угроза мала — нечего геморроиться самому и заставлять товарищей заниматься нудной и утомляющей работой. Но надо понимать, что неправильный ответ может стоить жизни. Например, тебе.

Допустим, вероятность атаки все-таки отлична от нуля. Тогда нужно заранее проговорить, что будете делать с отловленными супостатами. Гасить? Сдавать ментам? Это лучше продумать на незамутненную яростью и адреналином голову. Надо посмотреть возможные подходы к месту проводимого мероприятия, попытаться предсказать степень жестокости действий противника, цель его нападения (полностью сорвать, разогнав всех, зарезать кого-нибудь из посетителей ради медиа-резонанса на следующий день).
Подумать, какое оружие противник использует, на каком транспорте он может появиться (от трамвая до съемных газелей), способен ли он на какие-то сложные комбинации, сколько соберет человек.

Нужно уметь фильтровать информацию во время самого мероприятия. Пример из столичных реалий. Мероприятие проходит у метро «Новослободская», а начинает расходиться слух про «70 бонов на Рязанском проспекте». Можно наверняка предположить, что это, скорее всего, просто фанаты, и вряд ли они мутят на вас. Если моб врагов заметил не скаут, а обычный посетитель, наверняка от шока он преувеличит и габариты противников, и их количество.

Нужно продумать, сколько же всего нужно скаутов, куда их поставить. Очень много скаутов — лишний загруз и тебе, и мучение соратников. Ну а с другой стороны, нередко важно, чтобы вражеский моб вели два и даже три скаута, координируясь между собой. Соответственно, ещё человек пять должны сканировать всякие боковые подходы.

Лирическое отступление

Но никакая система безопасности не отменяет необходимость носить с собой убедительные (и лучше — легальные) средства защиты, по мере сил поддерживать вменяемую физическую форму, заниматься спортом и единоборствами. Во-первых, потому что это вообще вполне общечеловеческие потребности. Во-вторых, потому что стремно как-то доверять свою жизнь посторонним. В-третьих, странно разделять анархо-сообщество на «кшатриев» и «пацифистов». В этом достаточно нездорового и неанархистского.

И если посетитель не выполняет установки, которые, в случае надобности, доносят организаторы, то совесть организаторов чиста. Если говорят, что до места сбора надо добираться без левацких значков — значит, это действительно важно. Если говорят, что уходить с митинга надо всем вместе, а не разбредаться по ларькам за пивом — значит, это действительно важно. А если кто-то наплевал и его убили, виноват в этом он сам.

Скауты

Что фанаты, что фашисты, что антифашисты любят поговорить о важности скаутинга, но зачастую организуют его очень криво. Например, нередко скаутшами оказываются подружки молодых шарпов и рашей. И подружки подружек, которые таким образом ищут себе бойфрендов. Или же в скаутинг ставят тех, в ком не очень уверены как в бойцах, или новичков групп агрессивно настроенных граждан. Конечно, во всех вышеперечисленных категориях находятся индивиды, из которых потом выходят талантливые разведчики и разведчицы. Но сам по себе такой способ комплектования скаутского состава провален.

Потому что скауты нужны опытные. И «натасканные» на соответствующего противника. Например, бона мои глаза в толпе найдут быстро, а вот в московской анархистской первомайской колонне я насчитал всего пятерку «людей в штатском», хотя все говорят о десяти-пятнадцати. Потому что я редко на митинги хожу, нет регулярного, так сказать, визуального опыта.

Скауты должны быть с оружием (опять же, лучше — легальным), в состоянии по мере сил отмахаться и убежать. И это очень важно. И не только в прямом смысле. Потому что если скаут в себе уверен — он не испугается тусить близко от противника, соберет больше важной информации, не упустит врага. А неуверенный будет ныть, тупить. Ему будет мерещиться, что его «спалили». Хотя случаи «выпаливания» скаутов — наперечет. Уверенный в себе человек по людным местам вполне может провести «объект» через половину Москвы, держа дистанцию в семь метров, и «объект» даже не почешется.

Другое дело, если нужно вести по безлюдным улицам. Тут да, нужно держаться метрах до тридцати. Нормально выцепить глазами, например, какую-нибудь светлую клетчатую бейсболку во вражеской шобле, и следить за ней. Это реально делать издалека. Важная функция скаута — ни на минуту не выпускать врага из поля зрения. Если «моб побежал налево во дворы за гаражи» — это уже все, через пять минут ты врага не найдешь почти наверняка, даже на тачке.

Кстати о транспорте. Личный автотранспорт не рекомендую использовать (или делать это нужно очень аккуратно). Потому что всюду камеры же натыканы, и даже если ты только защищаешь мероприятие, мало ли как ситуация повернется... Удобно стопорить бомбил примерно такой телегой: «Вот вам 200 рублей, я брата из Караганды потерял. У него мобильник выключился, а мы у памятника встретиться договорились час назад. Он, наверное, заблудился. Давайте поездим по району — поищем». У скаута должны быть деньги на тачку. Тачки (как и мобильную связь) может оплачивать он сам, а может и вся тусовка. Это уж как договоритесь. Но в любом случае деньги на его телефоне должны быть, а батарея трубки — не разряжена! Кроме того, скаут должен быть готов стоять на морозе, под дождем. И готов к тому, что коэффициент полезного действия у него будет очень низким. В этом, на самом деле, особой проблемы нет.

Внешний вид... Как говорится, «скаут не должен быть похож на скаута». Нужна невыделяющаяся одежда. И, кстати, в это смысле девушки-скаутши могут рисковать. Лица симпатичных девушек парни запоминают, и они обращают внимание, что такая девушка находится рядом с ними долговато... И ещё хорошо, если просто попытаются познакомиться.

Юсуп Пехлеви

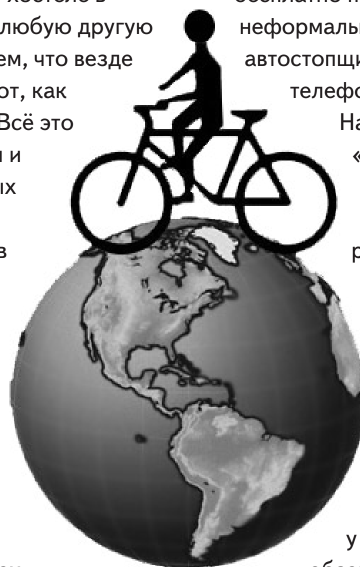
ВСЕМИРНАЯ ВПИСКА
Путешествия способны объединять людей

Туризм и путешествия

Всё больше людей по всему миру понимает, что традиционный туризм с отелями и автобусами, стандартизированный и обезличивающий любую, даже самую интересную страну, — это суррогат и самообман. Человек, «путешествующий» таким способом, видит только смену декораций и климатических зон. Проведя две недели на пляже в Египте и съездив в компании сограждан к пирамидам, пожив в отеле или хостеле в окружении таких же туристов, Египет (да и любую другую страну) не узнаешь. Вернёшься с ощущением, что везде всё одно и то же, а египтяне только и думают, как содрать побольше денег с белого туриста. Всё это только укрепляет сложившиеся стереотипы и увеличивает пропасть между людьми разных наций.

Человек путешествующий, а не ездящий в дорогостоящие туры, принимающий у себя путешественников с разных концов света, представителей разных рас и религий, по определению не может быть нацистом и ксенофобом. Общаясь с людьми со всех концов света, всё больше убеждаешься в том, что все люди в главном похожи и идея о том, что какая-то национальность чем-то лучше других, глупа и безосновательна. Об автостопе и других альтернативных способах перемещения написано много. В этой статье мне хотелось бы разобрать тему альтернативного (и бесплатного) способа поиска мест ночёвки.

История обмена гостеприимством

Идея обмена гостеприимством не нова. После второй мировой войны появилась международная организация Servas. Она стремилась развивать межкультурное понимание и поддерживать мир на планете, создав всемирную сеть людей, готовых открыть свои дома путешественникам. В течение следующих десятилетий было создано множество структур, которые помогали с ночлегом байкерам, автостопщикам, людям, владеющим эсперанто. В России подобным образом обменивались «вписками» в разных городах — адресами как правило незнакомых/малознакомых людей, у которых можно бесплатно переночевать несколько дней — различные неформалы, футбольные болельщики, туристы, автостопщики. У меня самой ещё жив «рингушник» с телефонами людей из разных городов СНГ. На автостопных встречах на Валдае — «Эльбах» люди «мерялись вписками» — давали друг другу переписать адреса и телефоны вписывающих людей из разных городов. Эта система, с одной стороны, была удобной — можно было просто позвонить человеку, сославшись на того, у кого был получен телефон/адрес, и напроситься переночевать на пару ночей, с другой стороны, содержала некоторые изъяны. Во-первых, информация устаревает — человек, три года назад принимавший у себя всех желающих, может переехать, обзавестись семьёй или просто устать от бесконечных гостей. Во-вторых, оперативно найти контакт в нужном городе (особенно если это — небольшой или находящийся за пределами СНГ город) сложно. В-третьих, количество людей «в тусовке» ограничено (для сравнения — только в России 7800 пользователей «Хоспиталити клаб», хоть и не все из них активны). В-четвёртых, получая вписку таким образом, ты не знаешь, чего от неё ждать и рискуешь попасть в гости к редко бывающему трезвым панку или человеку, увлечения которого тебе неблизки и противны.

Серьёзным ударом по сообществу стало появление крыс — людей, пользовавшихся системой для того, чтобы воровать на вписках. Поймать такого человека непросто — зная только ник/имя и номер телефона, найти набедокурившего персонажа очень трудно. Широко известен Дон Ржевский — announced вписочный вор, обокравший не один десяток людей из самых разных тусовок. Несмотря на это многие продолжают активно пользоваться вписками.

С появлением Интернета искать людей и общаться с ними по электронной почте стало быстрее и удобнее. Первой вписочной сетью, использовавшей технологии Интернет, была ныне несуществующая польская Hospex. Остальные организации экспериментировали со всемирной паутиной, и к лету 2000 года лучшая база данных была собрана сообществом автостопщиков. Называлась она Hitch Hikers Base. В 2000 же году был

создан и сайт hospitalityclub.org — на данный момент крупнейший тематический ресурс (когда писалась статья, на нем было зарегистрировано около 380 000 пользователей по всему миру, и их количество постоянно растёт).

Hospitality club

Hospitalityclub.org организован по принципу каталога — регистрируешься (это занимает от одного до пяти дней) выбираешь страну, затем провинцию и город, в котором нужна вписка. Каждый пользователь сайта заполняет электронную анкету, где помимо личных данных указывает языки, которыми владеет, условия вписки, которые он может предоставить (отдельная комната/матрас/место на полу), а также свои интересы и предпочтения. Если ты веган, музыкант, автостопщик (нужное вписать), велик шанс оказаться у людей, которые не будут пытаться накормить тебя мясом, устроят вместе с тобой сейшн, поделятся полезной информацией по интересующей тебя теме и окажутся очень полезными. На большинстве вписок есть душ и безлимитный Интернет, часто есть возможность постирать вещи.

Если тебе есть, где ночевать, можно попросить показать город и всевозможные непопсовые достопримечательности и правильные места. На сайте можно почитать комментарии о пользователе, оставленные другими людьми. Лучше выбрать сразу нескольких человек. Я обычно пишу 10-15 людям, так как есть шанс, что человек в те дни, когда тебе нужна вписка, будет в отъезде, или у него на это время уже много запросов от других пользователей, или просто нет настроения видеть у себя гостей.

Нужно сообщить краткую информацию о себе, дату приезда (хотя бы приблизительную), количество дней, на которые нужна вписка. Желательно также кратко рассказать о том, зачем и куда ты едешь. Если профиль человека показался тебе чем-то интересным или близким, хорошо и это упомянуть. На вписке надо соблюдать требования, выдвигаемые человеком, у которого ты остановился, не мешать ему. Основные моменты можно почерпнуть из профиля человека — его электронной анкеты. Многие просят, чтобы вписчики мыли посуду и приносили еду. Отношение к курению и употреблению алкоголя также лучше узнать заранее. Не относитесь к факту бесплатного проживания как к халяве — и всё встанет на свои места, человек останется вами доволен и напишет вам хороший комментарий, который облегчит в будущем поиск ночлега.

Знание английского или любого другого, европейского и не очень, языка — плюс, но можно обойтись и без этого. Сайт русифицирован, в странах СНГ и Балтии многие хорошо говорят по-русски, в крупных городах мира можно найти эмигрировавших соотечественников/иностранных студентов, изучающих русский. В Амстердаме я жила у голландца, учившегося в Питере, и он был очень рад подвернувшейся возможности попрактиковаться в русском.

Обязательства

Понятно, что не у каждого есть возможность вписывать — кто-то живёт с родителями, на съёмной квартире, в общаге, у кого-то просто нет постоянного дома. Если у тебя есть возможность принимать у себя гостей, это, конечно, большой плюс, но никто не требует этого делать. Каждый сам решает, каким образом он хочет участвовать. Помочь иностранцам купить билеты, рассказать о своём родном городе и показать интересные места, ответить на интересующие вопросы иногда оказывается не менее полезно для приезжающих, чем предоставить уголок пространства под крышей для ночлега. И не надо думать, что какой-нибудь американский турист испугается хрущобы с тараканами, в которой без того живёт 10 человек. Большинство иностранных гостей из Hospitality club очень непритязательно и имеют с собой всё необходимое для ночёвки на полу. Вписывать у себя людей не затратно, как думают многие. Кормить гостей за свой счёт совершенно не обязательно, более того, большинство моих гостей было радо приготовить что-нибудь или принести продукты на вписку — быть благодарным тоже приятно.

Когда-нибудь каждый человек сможет отправиться в незнакомую страну, зная, что там его встретят с распростертыми объятьями. Люди будут путешествовать иначе, встречаясь друг с другом и достигая межкультурное взаимопонимание при помощи личных контактов. В Израиле и Палестине, Северной Ирландии, Боснии, Чечне и остальной России, Руанде и Восточном Тиморе будет много членов Hospitality club, стремящихся разделить друг с другом гостеприимство. Начинать можно уже сегодня.

Ссылки по теме:

www.hospitalityclub.org - сайт «Хоспиталити клаб»
www.couchsurfing.com - второй по величине ресурс
www.bewelcome.org — недавно открывшийся сайт

Маша Оленева

Использованы материалы сайта hospitalityclub.org

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ:

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Сергей, активист из Восточной Украины, рассказал о ситуации в своем регионе

- **Что из себя представляет анархическое движение Украины на данный момент?**

- Есть несколько форм существования движения — субкультура, небольшие группы, тусовки, существующие больше как кружки, затем — анархические группы в определенных городах — они могут быть связаны и не связаны с другими группами, также есть те, кто входит в левую инициативу — «новые левые», там, правда, доминируют троцкисты. Кроме того, САУ — партия анархистов, зарегистрированная в Минюсте, несколько десятков групп по стране, очень разные группы и по степени активности, и по взглядам. Ну и наша РКАС — Революционная конфедерация анархо-синдикалистов.

- **А какое у тебя отношение к САУ?**

- САУ создана с одними целями, существует с другими. Они светятся на выборах ради роста своей популярности, хотя и не надеются пройти. Иногда местное отделение проходит в гордуму, так было в Акцизе Одесской области. Партия ставит эксперименты, защищает интересы самозанятых, устраивает политические акции — например, по поводу «канонизации Петлюры» — они берут громкие темы, чтобы показать абсурдность государства. Они ставили цель вывести анархизм из подполья, сделать так, чтобы он стал феноменом политической жизни. Я считаю, по определенным вопросам с ними можно сотрудничать.

- **Расскажи поподробнее о РКАС.**

- Изначально это было объединение анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов, созданное для работы с населением. РКАС возникла в промышленных регионах юго-востока Украины. Занимается распространением идей среди рабочих, устанавливает контакты с профсоюзами, старается помочь им в борьбе и участвует в различных социальных инициативах. Если мы видим реальную социальную проблему, мы стараемся мобилизовать вокруг нее людей. У нас есть шесть групп в крупных городах и еще несколько — в мелких. Сейчас в Донецке работаем с инициативными группами шахтеров двух шахт. Есть группа «Защита труда» — мы оказываем юридическую помощь в трудовых спорах, ведем пропаганду в трудовых коллективах. Как это происходит? Мы выбираем предприятие, изучаем график работы, а затем раздаем газету — либо на предприятии, либо около проходной. Когда завязываются контакты, даем газету рабочим — они сами распространяют.

- **Не бывает ли конфликтов с рабочими, охраной, агрессивного поведения или просто полного безразличия?**

- Мы посылаем только опытных активистов, а они знают, как себя вести, чувствуют себя уверенно. На слово «анархия» не всегда позитивная реакция, но газету берут, читают.

-В чем ваше отличие от других анархистов Украины?

- Мы пытаемся придать субкультурному движению организованную форму. При этом мы участвуем и в общеанархистских кампаниях, например, против приезда Буша. Мы сами пытаемся зарабатывать деньги — через систему кооперативов. Пока, правда, не очень далеко продвинулись. Мы хотели бы, чтобы наша организация была и семьей, и трудовым коллективом, и собственно организацией.

- Какие у вас есть печатные издания?

- Газета «Анархия» и листовки. Газета очень разная от номера к номеру, очень много спецвыпусков — например, отдельно рассчитанные на молодежь, на рабочих. Но всегда ориентация вовне. Тираж — около тысячи экземпляров.

- А не бывает у вас конфликтов с профсоюзными деятелями? Вы же профсоюзным боссам в каком-то смысле конкуренты?

- Мы общаемся с низовой рабочей массой. Можем также сотрудничать с председателем профсоюзной ячейки, например, шахты. Действуем, исходя из конкретной ситуации. Наша цель — организовать людей на борьбу за свои интересы. Если их удастся мобилизовать на политическую борьбу — хорошо, нет, только на социальную — тоже хорошо.

- Расскажи о социальных инициативах РКАС.

- В 2005 году РКАС начала заниматься бездомными детьми. Сейчас по этой теме работает отдельная инициативная группа. Идея была в том, чтобы увести с улицы еще относительно маленьких детей, которые не успели окончательно социализироваться в бездомной жизни. Мы занимались выявлением таких детей, вступали с ними в контакт — дети до 10-11 лет еще сильно тянутся к взрослым, которые хорошо к ним относятся. Затем оказывали им первую медицинскую, санитарную помощь, переодевали в чистую одежду, кормили и выясняли, откуда ребенок убежал. Мы приспособили под эту деятельность пустующий частный дом, но содержать таких детей сами мы не могли. Потом, как правило, ребенка передавали в детский дом или интернат, но мы постоянно навещали таких детей, поддерживали с ними контакт, и они уже не чувствовали себя брошенными, им было легче перенести тяготы жизни в интернате. И воспитатели их уже не били, зная, что им есть кому пожаловаться. Чиновники, кстати, всегда были очень недовольны нашей деятельностью, постоянно нам твердили, что мы не имеем права этим заниматься. При том, что сами органы опеки никакой инициативы не проявляют — просто оформляют тех детей, которых уже кто-то хочет взять под опеку.

- Есть ли какие-то новые тенденции в анархистском движении за последние год-два?

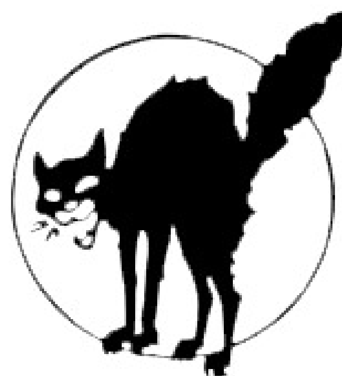
- Раньше мы не хотели слышать друг друга, сейчас есть тенденции к объединению. В РКАС до прошлого лета продолжалась около двух лет стагнация. Но и шел поиск новых путей. Год назад мы восстановили старые связи, появились новые, к нам приходят и немолодые люди. 1 мая на Украинском социальном форуме голос РКАС был очень слышен.

- Что ты думаешь про «оранжевую революцию» в Украине и ее последствия?

- Да не было никакой революции. Общество раскололось на «синие» и «оранжевые» регионы — так им стало еще легче управлять и манипулировать. Это произошло даже в умах анархистов. На самом деле это противостояние мафиозных кланов, борьба экономических интересов, их политические цели, заявления — мишура и фикция. Они играли на чувствах и эмоциях: любит — не любит украинскую культуру, ориентирован на Запад или на Россию. Это был протест недовольных, которым политтехнологи начали быстро манипулировать. И люди в результате отстаивали не свои интересы, а интересы тех, кто возглавлял эти движения. В общем, хорошо срежессированный спектакль.

- Спасибо! Удачи в борьбе!

Беседовала Арина Майхова

НОВОСТИ АНАРХИСТСКОГО ЧЕРНОГО КРЕСТА

*****

Группа Анархического Черного Креста Москвы подготовила брошюру «Пособие активисту (юридические и практические советы при общении с милицией)». Мы рекомендуем всем хорошо её изучить. Сообщите об этом своим друзьям. Скачать брошюру можно на avtonom.org.

*****

27 июня 2007 года Штеффи, Свен и Лукас (на тот момент всем было от 17 до 19 лет) находились в пустующем здании на Вестендштрассе в Мюнхене. Большинство домов, расположенных на этой улице, были заброшенными в течение долгого времени, и некоторые из них использовались панками и другими людьми. Сейчас эти три человека находятся в тюрьме: в конце января 2008 года они были приговорены к пяти годам тюремного заключения за кидание камнями, которое было классифицировано как покушение на жизнь.

Вечером подразделение баварского полицейского спецназа штурмовало дом без какого-либо предупреждения. Социальные работники, которые регулярно приходили в здание, чтобы посетить панков, были вынуждены промолчать. Трое человек защищали дом с камнями в руках против бронированных и вооружённых полицейских. Камни в доме были собраны заранее при подготовки против возможного выселения. Один из полицейских получил травму (несильное повреждение позвонка грудной клетки). Заключение экспертизы показало, что травма была получена не из-за брошенного камня.

Прокурор классифицировал кидание камней не как нарушение общественного порядка и нападение, как обычно это бывает, а как покушение на жизнь. Это случилось после бурной демонстрации 2 июня 2007 года против саммита «Большой восьмерки» в северо-немецком городе Ростоке, которая стала сигналом для начала вынесения более жёстких приговоров. В ходе этой демонстрации было брошено огромное количество камней в ответ на нападения полицейских. Этим судебным решением государство пытается создать юридический прецедент. Это также сигнал для общества, что сопротивление бесполезно, и что каждый нарушитель «спокойствия» получит «справедливое» наказание.

squatterbenefit.de.vu

Пишите письма:

Lukas Winkler
Sudetenlandstrasee 200
86633 Neuburg
Germany

Stephanie Trдger
Am Neudeck 10
81541 Munchen
Germany

Sven Maurer
Stadelheimerstr. 12
81549 Munchen

Germany

ЗЕЛЕНАЯ УГРОЗА

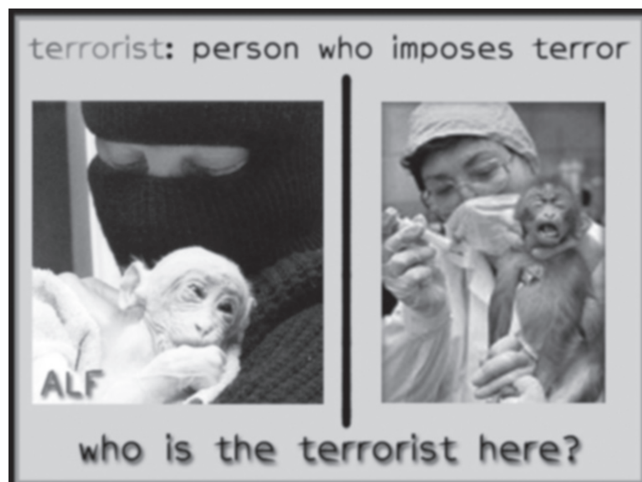
Репрессии против радикальных экологов в США

Данная статья переведена для брошюры по активистской культуре безопасности, готовящейся к публикации московской группой «Анархического черного креста». В «Автономе» текст публикуется со значительными сокращениями. Оригинал статьи: CrimethInc. Ex-Workers' Collective "Green Scared? Preliminary Lessons of the Green Scare" http://crimethinc.com/texts/recentfeatures/greenscared.php

Встречный огонь

В конце 2005 года ФБР начало новую фазу наступления на движения освобождения земли и животных. Наступление началось с арестов ряда действующих и бывших активистов и предъявления им обвинений. Эта атака, названная операция «Встречный огонь», была призвана найти виновных в ряде нераскрытых поджогов, совершенных ELF (Фронтом освобождения Земли) за прошедшие 10 лет. Из тех людей, кого вызвали в суд и кому предъявили обвинения, восемь, в конечном счете, согласились сотрудничать с правительством и предоставили информацию о других активистах в надежде заслужить снисхождение суда: Станислас Мейерхоф, Кевин Таббс, Челси Доун Герлах, Сьюзан Савой, Кэндал Танкерсли, Дженифер Колар, Лэйси Филбаум и Даррен Тёрстон. Четверо пережили год запугиваний, когда всем казалось, что их наверняка посадят на десятилетия, пока им не удалось прийти к соглашению о признании ответственности за свои акции, не предоставляя информации о других: Дэниел МакГован, Джонатан Пол, «Иксайл» (англ. «Exile», он же Натан Блок) и «Сэйди» (она же Джоана Зэйчер).

В то время как пишутся эти строки, идет суд над Брайаной Уотерс, а Джозефу Диби, Джозефине Оуверэйкер, Ребекке Рубин и Джастину Солондзу были предъявлены обвинения, но их не нашли. Еще один обвиняемый, Уильям Роджерс

(он же «Авалон»), вскоре после своего ареста трагически погиб, находясь под стражей, якобы покончив жизнь самоубийством. За началом операции «Встречный огонь», больше известной как «Зеленая угроза», последовало беспрецедентное увеличение размаха правительственных репрессий против анархо-экологов. Давний активист освобождения животных Род Коронадо был обвинен в тяжком уголовном преступлении за ответ на вопрос во время своего публичного выступления, с перспективой провести несколько десятков лет в тюрьме.

Большое жюри

Шесть активистов-зоозащитников из группы SHAC [Stop Huntington Animal Cruelty — «Остановите жестокость над животными в Хантингтоне», кампания против корпорации, проводящей эксперименты над животными Huntington Life Sciences — прим. пер.] приговорены к нескольким годам тюрьмы по существу всего лишь за организацию веб-сайта. Освободитель животных Питер Янг, несколько лет скрывавшийся от ФБР, был схвачен и ему грозит вторичное привлечение к уголовной ответственности за то же преступление.

Тре Эрроу, известный тем, что выжил после падения со 100-футовой высоты, спасаясь от полиции и лесорубов, сгонявших его с захваченных деревьев, боролся против решения о своей экстрадиции из Канады в США по обвинению в поджогах. Множество других людей предстало перед Большими жюри , и некоторые получили реальные сроки за отказ сотрудничать. Пожалуй, наиболее зловещий случай — арест по обвинению в заговоре трех молодых людей, подставленных агентом-провокатором. Эти трое даже ничего не сделали. Двое из них, Захарий Дженсон и Лоурен Винер, признали свою вину и стали правительственными информаторами; третий, Эрик МакДэвид, получивший опасные для жизни осложнения здоровья вследствие отказа тюремщиков предоставить ему веганскую пищу, некоторое время назад был признан виновным и теперь ожидает вынесения приговора.

Прошло уже несколько месяцев с последнего громкого уголовного процесса против активиста-защитника окружающей среды, но агенты федеральной службы продолжают сновать на Среднем Западе. Наступила пора извлечь пользу из уроков прошедших двух лет правительственных репрессий, с тем, чтобы следующее поколение активистов было подготовленным, когда оно займет свое место в борьбе в защиту жизни на земле.

*****

В ноябре 2007 в Бресте недалеко от клуба «Кирпич» (в котором проходила ска/эгги вечеринка) произошла драка между антифашистами и правыми хулиганами «Динамо» Бреста. После которой на троих наших ребят было заведено уголовное дело — статья 339 ч.2 (групповое хулиганство). 14 апреля должен был состояться суд, но за день до суда один из этих троих ребят (Кучер) подрался с гопниками и одному из них сломал челюсть. Суд перенесли (когда будет пока неизвестно), а на него завели второе уголовное дело по той же статье 339 ч.2 (только вместо группового хулиганства идет нанесение тяжких телесных) и до суда он будет сидеть в СИЗО. Парень на самом деле хороший, так что кто хочет его морально поддержать, пишите по адресу:

224000 Беларусь
г. Брест, ул. Карла Маркса 86
СИЗО #7 камера 38 Милевский Юрий Юрьевич

*****

В ноябре 2007 года Андрей «Тайвань» Мергенев получил срок три года колонии общего режима за участие в драке, которая случилась в июне того же года. Он подрался с фашистом и ранил его отверткой, которую тот выронил в ходе драки. Во время судебного разбирательства СМИ использовали этот случай для дескридитации антифа-движения. Журналисты писали, что он ударил ни в чем неповинного человека, что фашист не был наци-скинхедом, а был готом. Эта была версия самого фашиста.

На фото видно, какое у него «гот-тату» на груди:

Пишите Андрею письма поддержки по адресу
410601, г. Саратов,
ул Кутякова, 107,
ФГУ ИЗ 64/1, ОКБ 2, комн. 73
Андрей Мергенов

Ему можно послать бандеролями книги, журналы, газеты (не содержащие «экстремистских материалов»). По поводу возможности и необходимости отправки продуктов или других вещей, уточните у Андрея по переписке.

*****

В июне московские анархисты выразили поддержку жертвам политических репрессий во Франции. Напомним, Иван, Бруно и еще несколько товарищей были задержаны в январе 2008 по дороге на демонстрацию в защиту иммигрантов близ Парижа, при них были найдены дымовые шашки и изогнутые гвозди для прокалывания автомобильных шин — и из-за этих предметов их обвинили в подготовке террористического акта.

9 и 11 июня московская анархическая группа солидарности приходила к стенам французского посольства. Был развернут баннер «Solidarite avec les sans-papiers. Солидарность с иммигрантами. Свободу Ивану, Бруно и другим».

Участники акций зажигали фаеры — эти предметы пиротехники в числе прочего послужили причиной ареста анархистов во Франции, и яркие огни на фоне серого московского неба стали еще одним символом поддержки. Ребята скандировали лозунги на русском и французском языках: «Нелегальных людей не бывает!», «Нет репрессиям!», «Нет государственному террору!». Прохожим раздавали листовки с текстом о государственном терроризме, который имеет место в современном мире, где людей лишают социальных и экономических прав, а репрессии против протестующих используются для запугивания.

Кроме того, утром 14 июня на двери и окнах московского офиса французской авиакомпании «Эр Франс», которая активно поддерживает депортационную политику режима Саркози, появились граффити, призывающие к свободе и международной дружбе.

В блогах был вывешен перевод на русский язык брошюры, повествующей о задержании Ивана, Бруно и их товарищей и приводящей подробный анализ социальных и политических проблем современных государств.

Московские акции — часть международной кампании поддержки. В течение недели с 9 по 16 июня в разных странах Европы, и в первую очередь в самой Франции, проводились демонстрации, блокировались улицы, вывешивались транспаранты. Солидарность анархистов победила — Иван и Бруно были выпущены из антитеррористической тюрьмы, где провели более 4 месяцев.

Польза из уроков

Рассмотрим конкретный случая репрессий: город Юджин, штат Орегон. Операция «Встречный огонь» стартовала на фоне правительственных расследований, преследований и сбора сведений о предположительных анархистах на северо-востоке тихоокеанского побережья США. Так что не является удивительным, что этот город стал главным пунктом в операции «Встречный огонь», поскольку вот уже полтора десятилетия регион является очагом инакомыслия и радикализма, хотя репрессии и другие проблемы и сказались на движении в последние годы. Мы не можем предложить точный анализ внутренней динамики анархистского сообщества в Юджине, но можем проследить, как власти проводили репрессии против него.

Насколько мы знаем, на начальном этапе операция «Встречный огонь» основывалась на стратегии общего мониторинга и внедрения. По мере того, как расследование набирало ход (например, подсылка к определенным активистам «сотрудничающих свидетелей» с микрофонами под одеждой), начали они с просеивания участников всех контркультурных течений в регионе. Дома активистов и панков, места встреч, например, бары, были поставлены под постоянное наблюдение. Целями внедренных агентов и информаторов были не только наиболее явно действующие анархисты, но и «богемная» часть, обретающуюся в тех же культурных и социальных сферах.

Полиция получила огромное количество информации, несмотря на то, что попытки агентов проникнуть в группы планирования акций прямого действия провалились. Примерно 30,000 страниц отчетов по орегонским делам содержат огромное количество слухов и биографической информации по порядочному количеству людей из Юджина.

Широкая сетка

Похожая методика, по всей видимости, использовалась в соседнем Портлэнде, штат Орегон. Например, в марте 2001 года был проведен широкомасштабный полицейский рейд на домашнюю вечеринку, на которой среди гостей были портлэндские панк-рокеры. Гостей отфотографировали и расспросили про ELF / ALF. Некоторых арестовали и обвинили в похищении и нападении на офицера — обычная практика полиции, призванная заставить активиста пойти на сделку со следствием о признании вины.

Выступления в суде людей, попавших под следствие в результате рейда, было отснято на пленку офицерами полиции. Позднее было установлено, что они служат в Отделе по борьбе с организованной преступностью. Вследствие этого рейда копы начали систематическое преследование панков на улицах, требуя от них объяснений касаемо того, являются ли панки анархистами или нет. Оглядываясь назад, создает-

ся ощущение, что все эти усилия были направлены вовсе не на запугивание портлэндских панков, но на поиск информации по анархистским и ALF/ELF делам, находящимся в разработке. Возможно, это было ошибочным решением в расследовании операции «Встречный огонь», сейчас трудно сказать наверняка.

Тем не менее, нам известно, что подходы государства к решению подобных задач на основе модели «широкая сетка» могут быть эффективны в удушении социально сознательных субкультур, даже если и не обнаружено реальных связей с радикальными действиями. К счастью, люди в Портлэнде, против которых был направлен упомянутый рейд, объединились, стали помогать друг другу, чтобы свести к минимуму нанесенный вред, и воспользовались ситуацией для привлечения общественного внимания к действиям полиции.

Подняться на борьбу

Окинем взглядом радикальную деятельность в Юджине за прошедшее десятилетие. Антикапиталистический бунт 18 июня 1999 года в Юджине вызвал ликование части анархистов, хотя в результате этих событий один из участников провел несколько лет в тюрьме. Участники «Дня действия 18 июня» оказывали сопротивление полиции и разломали ряд символов капитализма в городе, к чему копы оказались абсолютно не готовы. Уличные бои в Сиэтле в том же году во время саммита ВТО только усилили чувство, будто весь мир готов подняться на борьбу.

Большинство активистов из анархического движения Юджина никогда не переживали ничего подобного. Несмотря на жалкие требования и мутный анализ большей части официального «антиглобалистского» движения, в воздухе витало чувство, что глубокие изменения возможны, что за них можно бороться и их можно отстоять. Быть анархистом тогда казалось самым крутым, что только можно себе представить, это восприятие только усиливалось последовавшим вниманием СМИ. ELF осуществляли поджоги во всем регионе в то время.

Последовала реакция. В июне 2001 года Джефри «Фри» получил срок в 22 года и 8 месяцев. В следующем месяце на улицах Генуи во время протестов против саммита «Большой восьмерки» был убит Карло Джулиани. Хоть обе эти трагедии являлись наглядной иллюстрацией риска противостояния капиталистической системе, приговор «Фри» особенно сильно ударил по сообществу в Юджине.

Смещая акценты

Атмосфера изменилась. Люди стали уходить из движения, «устраивать свою жизнь» — не обязательно предавая свои прежние убеждения, но смещая акценты, изменяя приоритеты. Этот процесс усилился после 11 сентября, когда повсюду появились американские флаги. Деятельность анархистов не прекратилась, но последовал период относительной дезориентации. Вторжение в Ирак полтора года спустя дало еще одну возможность для мобилизации радикальных сил, но к этому времени сплоченность в Юджине оказалось в прошлом.

В это время сотрудники ФБР и полиция работали денно и нощно. В операции «Встречный огонь» наиболее значительный прорыв был совершен. Те же самые поджоги, неверно связанные с делом Фергюсона, использовались в качестве предлога для жесткого приговора «Фри», что заставило часть анархистов прекратить деятельность.

Попыток переосмысления опыта, извлечения полезных знаний, оттачивания навыков, попыток решения конфликтов в анархистской среде было явно недостаточно. Отступление было ожидаемым. Что бы произошло, если бы расследования в рамках операции «Встречный огонь» продолжались при иных обстоятельствах, на фоне набирающего мощь движения?

Оказывая сопротивление

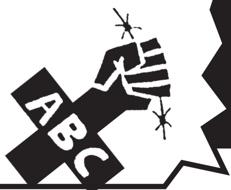
Репрессии будут существовать, пока существуют государства и люди, противостоящие им. Полная неуязвимость невозможна — ни для государства, ни для его противников. Все внедренные агенты и информаторы царской секретной полиции были бессильны предотвратить русскую революцию 1917 года, как и восточногерманские штази не смогли защитить берлинскую стену от разрушения, хоть у них и были досье на шесть миллионов человек. Революционная борьба может увенчаться успехом даже перед лицом широкомасштабных репрессий; со своей стороны, мы можем минимизировать эффект от действий ментов, подготовившись заранее.

Вот уже много лет анархисты сосредоточены на развитии культуры безопасности, но ограничиться выработкой сознания безопасности в этом деле недостаточно. Есть такие вещи, которых никогда не бывает слишком много: не сплетничайте о важных делах, делитесь важной информацией только с теми, кому непосредственно нужно об этом знать, не отказывайтесь от своих прав в случае задержания или ареста, не сотрудничайте с судами, не выдавайте других людей. В то же время человек может следовать всем этим принципам и совершить критическую ошибку.

Если стратегии противодействия репрессиям будут сосредоточены на том, о чем нам не следует говорить, мы теряем из поля зрения необходимость ясной и простой коммуникации для сообществ в борьбе. Успешное применение силы против нас показывает, что у нас априори существовали какие-то слабые места. Это говорится не для того, чтобы обвинять жертв в ситуации репрессий, но для того, чтобы понять, как и почему попытки дестабилизировать нашу деятельность увенчались успехом.

Маленькие уязвимости

Наша реакция не должна начинаться с поддержки арестованных. Конечно, это очень важно, как и долговременная поддержка людей, отбывающих наказания, но наша деятельность должна начинаться задолго до этого. Мы должны устранить те маленькие уязвимости, которыми могут воспользоваться наши враги. Открытое обсуждение проблем (например, навязывание гендерных ролей в номинально радикальных кругах) может предотвратить нездоровые чувства презрения

и сектантство. Из этого вовсе не следует, что никакой раскол недопустим — зачастую лучшее, что могут сделать люди — это взять и разойтись. Но даже если это необходимо, им следует постараться сохранить чувство взаимного уважения или, по крайней мере, желание общаться тогда, когда это действительно необходимо.

Принимая во внимание, сколько лет ушло у ФБР на подготовку операции «Встречный огонь» и большую роль, которую играли информаторы в значительной части дел «Зеленой угрозы», можно предположить, что существует возможность выйти сухим из воды во многих ситуациях, при условии достаточной осторожности и грамотных решений о том, кому доверять. Описание прямых действий МакГована, включенное в состав доводов обвинения на суде, выглядит как приключенческий роман. Вчитываясь в страницы заключения, нельзя не подумать — «Ого! За все это — всего семь лет!»

В правовой системе США судебное разбирательство — это игра «на слабо». Государство делает первый ход, угрожая тягчайшими последствиями для обвиняемого, в надежде, запугав его, заставить признать вину и сдать товарищей. Лучше всего, если подсудимый немедленно признает свою вину; это позволяет государству не тратить поистине огромное количество времени и денег, не говоря уже о потенциальной опасности проиграть хорошо освещенное в СМИ дело. Обвиняемым не следует пугаться первоначальных обвинений: зачастую оказывается, что многие из них рассыпаются на глазах и единственная их функция — придать государству больше власти для «торгов».

Закончиться иначе

Даже в том случае, если обвиняемый опасается, что ему самому не на что будет опереться в суде, он может получить вес в этих закулисных властных играх, если государство ясно осознает серьезную вероятность дорогого, сложного и непредсказуемого судебного разбирательства. Добиться этого можно, заручившись помощью адвоката. В случае же когда подсудимый соглашается сотрудничать, он всецело передает себя в руки сил, которым вовсе не свойственна ни малейшая толика сострадания.

Независимо от того, насколько безнадежным кажется положение вещей, никогда недооценивайте ту силу, которой наделяет вас стремление сражаться. До момента капитуляции Станисласа Мейерхоффа и некоторых других, все дело по операции «Встречный огонь» держалось на Якобе Фергюсоне, героинщике и серийном поджигателе. Если бы все, кроме Фергюсона, отказались сотрудничать и вместо этого сообща боролись бы против предъявленных обвинений, нет никаких сомнений, что операция «Встречный огонь» закончилась бы иначе.

Крепкие узы

Если уж что-то и удерживает людей от стукачества друг на друга — это кровные узы. Исторически движениями с наименьшим числом доносчиков всегда были те, которые имели прочную опору в сообществах. Арестованные в прошлом году участники движений национального освобождения отказались от сотрудничества с государством, потому что они не смогли бы смотреть в лицо своим родителям или детям, если бы согласились доносить. Точно также, когда гангстеры, вовлеченные в нелегальную капиталистическую деятельность, отказываются стучать, причиной являются последствия стукачества, которые окажут влияние на всю их жизнь, начиная с перспектив карьерного роста на избранном поприще и заканчивая социальным положением в тюрьме и своих жилых кварталах.

Чем более крепки узы, связывающие личность с сообществом, тем менее вероятно, что он или она настучит на своих товарищей. В этом отношении североамериканские радикалы, преимущественно белые, всегда оказывались перед сложным выбором, так как большая их часть вовлечена в подобную деятельность вопреки мнению семьи и социального окружения, а не благодаря ему. И когда оказывается, что бывшему активисту светят десятки лет тюремного заключения за что-то, что для него было, по большому счету, хобби, родители просят не выбрасывать жизнь на ветер, а система, с которой он боролся, кажется, уже захватила все его настоящее и будущее. Требуется очень сильное чувство правильного и неправильного, чтобы не продаться.

В этом свете перестает казаться удивительным, что практически все активисты, отказавшиеся сотрудничать, до сих пор принимают активное участие в жизни анархистских или, по крайней мере, контркультурных сообществ. Дэниел МакГован непрерывно участвовал в различных видах организаторской деятельности вплоть до самого ареста; Иксайл и Сэйди всей душой против общепризнанных норм и стандартов, если и не участвуют непосредственно в политической деятельности. Снова мы сталкиваемся с необходимостью создания мощных, долгосрочных сообществ с общей культурой сопротивления; многим из тех, кто решил выступить против статус кво, придется начать создание подобного сообщества с нуля, плывя против течения, но это не является невозможным.

Здоровые отношения

Здоровые отношения — основа подобных сообществ, не говоря уже о безопасной организации акций прямого действия. Еще раз: загнанные внутрь конфликты и взаимные претензии, недостаток доверия — все это ахиллесова пята бессчетного числа групп. ФБР составляет психологические портреты своих мишеней, чтобы использовать их слабости и потенциальные бреши в личных отношениях. Один из старейших приемов — сказать арестованным, что их товарищи уже донесли на них; чтобы успешно пережить подобные попытки запугивания, люди должны иметь неколебимую веру в надежность комрадов.

Следует сосредоточиться на демистификации стукачества и создании коллективного доверия, настроений, уменьшающих вероятность появления стукачей. Если человек испытывает радость от того, что он является частью анархистского сообщества, он не захочет стать изгоем, превратившись в стукача. Конечно, чтобы это реально работало, мы должны окончательно и бесповоротно исключать из сообщества всех, кто согласился на сотрудничество с властью. Предавая товарищей ради собственной выгоды, они встают в один ряд с полицейскими, тюремщиками и палачами, которым помогают.

Тем, кто собирается участвовать в акциях прямого действия с группой, сначала следует хорошо узнать друг друга, включая друзей и родственников, обсудить ожидания, потребности и цели. Какую-либо «опасную» деятельность следует осуществлять только с теми товарищами, которых вы знаете достаточно давно, чтобы твердо знать их негативные черты. Вы должны быть уверены, что сможете разрешить даже самые сложные личные конфликты и будете доверять им в самых стрёмных ситуациях еще в течение лет десяти.

Понять структуру

Никогда нелишне напомнить, что стукачество всегда является очень серьезным вопросом, будь то обвиняемый по громкому делу, сдающий своих товарищей, или же знакомый законопослушных активистов, отвечающий на, казалось бы, невинные вопросы. Основная цель правительства в каждом политическом деле — не посадить в тюрьму отдельных людей, но собрать информацию, которая позволит понять структуру радикальных сообществ, чтобы, в конечном счете, репрессировать и контролировать их.

Первым предложением Питеру Янгу со стороны правительства было вернуться в круги борцов за права животных и стать информатором: сообщать не только о нелегальной деятельности, но вообще о любой деятельности. Даже самый незначительный на первый взгляд элемент может поставить под угрозу жизнь человека, независимо от того, нарушал ли этот человек закон или нет. Недопустимо сообщать какую-либо информацию о ком-либо без личного разрешения этого человека.

P.S. На сегодняшний день суды над Три Эрроу и Брайаном Уотерсом завершились, и они получали длительные тюремные сроки. Новые обвинения против Питера Янга провалились.

P.P.S. Адреса заключенных, упомянутых в статье. В каждой тюрьме час расдачи почты — самый ожидаемый, не дайте товарищам разочароваться!

Tre Arrow, SWIS #640393, Multnomah County Detention Center, 1120 S.W. 3rd Avenue, Portland, Oregon 97206, USA.

Nathan Block #36359-086, FCI Lompoc, Federal Correctional Institution, 3600 Guard Road, Lompoc, CA 93436, USA

Jeffrey Luers #13797671, CRCI, 9111 NE Sunderland Ave, Portland, OR 97211-1708 ,USA.

Eric McDavid 16209-097, FCI Victorville Medium II, Federal Correction Institution, PO Box 5700, Adelanto, CA 92301, USA.

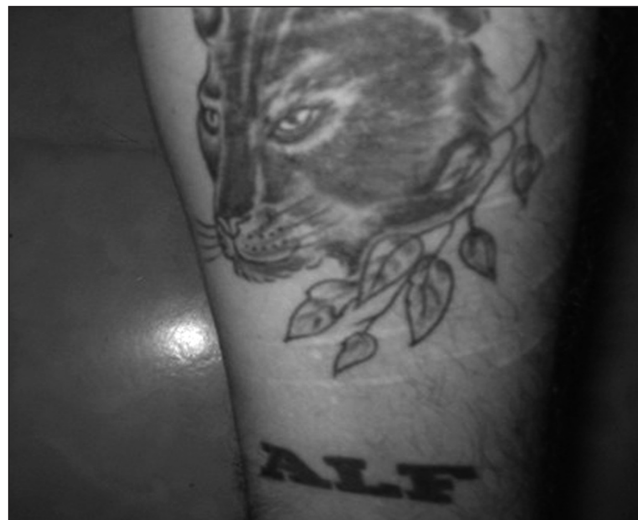
Daniel McGowan, Columbia County Jail, 403 Jackson Street, Portage, WI 53901, USA.

Briana Waters, 36432-086, FDC - Seatac, Federal Detention Center, P.O. Box 13900, Seattle, WA 98198, USA.

Joyanna Zacher #36360-086, FCI Dublin, Federal Correctional Institution, 5701 8th St - Camp Parks - Unit F, Dublin, CA 94568 USA.

Rod Coronado #03895-000, FCI El Reno, Federal Correctional Institution ,P.O. BOX 1500, El Reno, OK 73036, USA.

Jonathan Paul, #07167-085, FCI Phoenix, Federal Correctional Institution, 37910 N 45th Ave., Phoenix, AZ 85086 USA

БЕН МОРЕА
BLACK MASK
И MOTHERFUCKER

Хроники Нижнего Ист-Сайда шестидесятых годов
Ева Хиндерер

Впервые опубликовано: http://www.16beavergroup.org/monday/archives/001031.php

В этом году московское издательство «Гилея» пополнит свою серию «Час Ч» книгой «Лицом к стене, ублюдок! Уличная банда с анализом», посвященной эпистолярному и художественному наследию малоизвестных группировок Black Mask и Up Against the Wall, Motherfucker, действовавших в США во второй половине 1960-х. Являясь уникальным для того времени анти-медийным феноменом (в случае BM — это сокрытие лиц под масками, а в случае UAW/MF — сознательный отказ от возможности упоминания в СМИ), эти банды, тем не менее, находились в авангарде социально-политических и культурных катаклизмов. Сегодня их тексты и графика, выхваченные из необъятного моря контркультурного самиздата той эпохи, предстают ее подлинным зеркалом. Специально для «Автонома» издательство выбрало материалы, которые по техническим причинам не попадут в книгу, но которые, все же, могут дать представление о деятельности и об открытиях этих незаурядных коллективов: оригинальные листовки и небольшой мемуарный очерк Евы Хиндерер — в те времена участницей феминистского движения, а сегодня продолжающей свою деятельность в рядах Северо-Восточной Федерации Анархо-Коммунистов, объединяющей активистов из США и Канады.

Долото

Впервые я встретила Бена осенью 67-го, когда он вступил в словесный спор с теоретиком анархизма Мюреем Букчином в одной маленькой квартирке в доме на Avenue B, который уже снесли. Бен отстаивал прямые действия, движения в обход истеблишмента и неоднократные уличные беспорядки. Букчин напирал на то, чтобы сначала была сознательность. «Я молотком и долотом уродовал здания на Уолл-стрит!», — говорил Бен. Букчин же более размышлял вслух о перспективах. Позднее Бен и его affinity group, известная своим нежным названием Motherfuckers, была, наряду с Weathermen, на слуху у всех революционеров того времени.

Помню, в первый раз я увидела это название на флаере, распространявшемся на сходках «Студентов за демократическое общество» , потом на листовке по поводу акции у Линкольн-центра. Это была строка из стихотворения Амири Барака . Они очень напоминали настоящую семью. Уже переехав в Нижний Ист-Сайд, и, будучи анархически настроенной, я жила недалеко от них, хотя больше увлекалась феминизмом, став членом New York Radical Women.

Motherfuckers не чурались никаких идей, носившихся тогда в воздухе, они перенимали любые задумки, даже если те и принадлежали другим группировкам. Йиппи в своих акциях демонстрировали озорную непочтительность, в них не было той серьезности, что отличала mf'ers. Аналогичным образом, отколовшиеся от СДО Weathermen хотя и испытали влияние мятежной мазефакерской активности, вряд ли позиционировали себя как анархисты.

Искусство и революция

Еще будучи несовершеннолетним, Мореа находился под опекой Джулиана Бека и Джуди Малины из Living Theater . Под их влиянием он меняет свой героиновый образ жизни джазового музыканта и увлекается рисованием и политикой. Его первые политические действия вылились в декларацию о единстве искусства и революции, что нашло отражение в Black Mask — самиздатском зине, десять выпусков которого выходили с ноября 66-го по май 68-го. Местами их теория шла вразрез с европейской культурой, потому что, как заявлялось, революционное искусство — это «неотъемлемая часть жизни, как в примитивном сообществе, а вовсе не способ обогащения».

Тем не менее, в плавильном котле шестидесятых и на фоне сопротивления вторжению во Вьетнам, Мореа перестал выпускать Black Mask, заявив, что mf'ers — это шаг вперед и что пора «на улицы». Занимаясь в теории и на практике вполне серьезным подстрекательством к революции, группа в своих выходках не исключала и игровое вредительство.

Некоторые их акции

— Распространение флаеров в Баури с неправдоподобным приглашением на открытие галереи на фешенебельной Пятьдесят седьмой улице в Манхэттэне с обещаниями бесплатных выпивки и закусок. Когда mf'ers пришли посмотреть, что из этого вышло, то увидели огромные толпы, разгоняемые Tactical Police Force.

— Перекрытие Площади святого Марка между Второй и Третьей авеню, переросшее в настоящий бунт. Бен рассказывал, что как только Эбби Хоффман оттуда переехал, он тут же занял его квартиру.

— Во время нью-йоркской «мусорной стачки» в 68-м они принесли мусор к Линкольн-центру и забросали им фонтан. Это событие нашло отражение в документальной короткометражке «Мусор» коллектива Newsreel .

— Разрезание изгороди из проволочной сетки на фестивале в Вудстоке в 1969-м, что позволило огромному количеству народа пролезть бесплатно. Хотя даже друг mf'ers Вэйви Грэйви никогда в открытую этого не подтверждал.

— Шуточная стрельба в Кеннета Коча во время его поэтического выступления в церкви святого Марка. Один mf'er демонстративно вытащил пистолет, выкрикнул «Коч!» и сделал холостой выстрел. Поэт был настолько шокирован, что упал в обморок. А в это время с галерки разбрасывались фотографии Лероя Джонса с лозунгом «поэзия — это революция».

Прорывы

По словам Мореа, их интересовали «прорывы». Во время демонстрации у Пентагона осенью 68-го, они, действительно, прорвались к самому входу здания.

Бен всегда интересовался историей антиавторитарного, антиленинского левого движения. Он разыскивал старых анархистов и старался с ними встретиться. Интересовался, например, Александрой Коллонтай, инициативы которой тормозились Лениным . Еще он встречался в Детройте с секретарем Троцкого Раей Дунаевской, но они поспорили, и она его выгнала.

Чета Беков помогла Бену и mf'ers вынудить хозяина клуба «Fillmore East» Билла Грэхэма позволить им устраивать для комьюнити каждую неделю бесплатные вечера. Бен полагал, что если искусство и революция едины, то театру с революцией также по пути. Однако после трех-четырех недель уже полиция вынудила Грэхэма прекратить вечеринки под угрозой закрытия клуба.

V.I.P.

Множество политических активистов и группировок побывали у Бена в мансарде в Восточном Бродвее. Среди них, например были:

— лидер японских Зенгакуров, группировки, частенько устраивающей побоища с полицией. Этот парень впоследствии присоединился к Че Геваре в Боливии.

— Кинг Моб, группировка из Англии, которых Бен охарактеризовал как отличных парней.

— Ситуационисты. Хотя Ги Дебор впоследствии пришел к выводу, что mf'ers были «чересчур мистичны».

— Жан-Жак Лебель, участник майских восстаний в Париже 68-го.

— Валери Соланас, бывшая его ближайшим другом. Она была автором «Манифеста общества полного уничтожения мужчин» 5 и совершила покушение на Энди Уорхола.

Прообраз Бена даже появляется в фильме о ее жизни («Я стреляла в Энди Уорхола»). И хотя у них были платонические отношения, в фильме они показаны любовниками — в Голливуде по-другому никак. Бен вспоминал, как однажды спросил Валери о том, что будет с ним в обществе полного уничтожения мужчин, и Валери пообещала, что его убьют в последнюю очередь.

Самодельный

Все более вовлекаясь в сферу искусства, Бен встречался и с Ричардом Хюльзенбеком из «Берлин Дада», а также с критиком Николасом Каласом, который в свое время был близок к движению сюрреалистов. И на него очень сильно повлиял Альдо Тамбеллини, художник и режиссер независимых фильмов, бывший для него кем-то вроде наставника.

Мореа выдумал определение «affinity group». На ту самую встречу в Нижнем Манхэттэне домой к Букчину зашел Герберт Маркузе со своим пасынком Томом Нойманом, который тоже был мазефакером. Бен услышал испанское слово aficionado , но заменил его словом affinity, придав ему «испанское» значение. Впоследствии Нойман дал толкование этому определению — «affinity group» — «уличная банда с анализом», которое потом использовали Кинг Моб . В сегодняшнем анархическом движении этот термин имеет широкое хождение.

Мммм...

MF'ers устраивали ночлежки для бездомных и два раза в неделю кормили сотни людей йогуртом «Данон», который шел в брак из-за неправильной маркировки, и тушенкой, снятой с продаж супермаркетами. Они вызывали к больным врачей, работали с адвокатами, стояли на раздаче. Все это делалось на церковные гранты силами «Службы борьбы с бедностью в Нижнем Ист-Сайде» — вымышленной организации, придуманной для выбивания целевых денег.

Активная деятельность Бена в Нью-Йорке прошла с конца пятидесятых до конца шестидесятых, застав закат эпохи битников и начало контркультуры хиппи. Он дружил с Алленом Гинзбергом и Лероем Джонсом (Амири Барака) и непрерывно воплощал собой всю полноту движения сопротивления шестидесятых, а именно политический артистизм.

Джерри Рубин.
«Действуй! Сценарии революции».
М., Гилея, 2008.

Джерри Рубин — известная медиа-фигура 60-х гг. XX века. Паяц, шоумен, провокатор, организатор множества общественных скандалов. Вместе с Эбби Хоффманом он являлся инициатором создания Международной Молодежной Партии (йиппи), чьей идеологией стал «великий отказ» — ключевой лозунг американской молодежи той бурной эпохи. Отказ от войны, от потребления, от скуки, от вранья. Одной из самых знаменитых акций йиппи стало объявление кандидата в президенты США от своей партии — им была назначена свинья по имени Пигасус (Свинтус). Книгу Рубина традиционно именуют «евангелием молодежного бунтарства» — в ней он выступил как яркий теоретик, прекрасный рассказчик, остроумный шутник. «Действуй!» — прославленная сага о надеждах и мечтах времен Вудстока.

OH, MY GOD!

ITS THE MOTHER-FUCKERS

It is too often assumed that the law of nature is: kill or be killed. Presenting an argument for the opposite principle: **THE SKY'S THE LIMIT!**

АЛЕКСАНДР ШУБИН. ПРЕДАННАЯ ДЕМОКРАТИЯ. СССР и НЕФОРМАЛЫ.

1986–1989. М., издательство «Европа», 2006.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ. РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ВСЕРЬЕЗ.

Екатеринбург, издательство «Ультра.культура», 2005.

Интересующиеся историей (уже довольно почтенной — двадцатилетней) новейшего анархического движения в СССР-России, обречены читать вот эти две книги двух Александров — Тарасова и Шубина. И невольно сравнивать. Потому что других книг пока просто нет, к стыду нас — участников и историков этого движения. Так что, любезные читатели, кушайте, что дают. А что дают? И кто? Первый автор — Александр Тарасов — бронтозавр большевизма, подпольщик-ленинист со стажем (с брежневских времен), сочетающий обширную ученость с безбрежным мифотворчеством, эксперт (регулярно мелькающий на радио и TV) по «наци» и «левакам», обычно скромно представляющийся, как сотрудник какого-то политологического института «Феникс» (других сотрудников там нет). Второй — Александр Шубин, известный историк, автор двух десятков книг, в том числе о махновщине и испанском анархизме, один из двух отцов-основателей Конфедерации Анархо-Синдикалистов, доктор исторических наук, сочетающий бурную научную деятельность с политической активностью (и гордящийся своим оппортунизмом, однажды даже приведшим его на пост советника вице-премьера правительства РФ Немцова).

Первый автор априорно хотел извне «обличить» российский анархизм и, под видом научного исследования, пропагандировать свои большевистские идеи, второй хотел «оправдать» его «изнутри». Книга Шубина имеет серьезные достоинства и серьезные недостатки, книга Тарасова же просто описывает виртуальную реальность и не выдерживает критики. С нее и начнем. Труд Тарасова является грубой фальсификацией реальной истории российского анархизма и содержит невероятное множество искажений фактов, умолчаний, высокомерно-тенденциозных оценок, подменяющих анализ. При внешней «солидности» изложения, при обилии ссылок на источники, Тарасов крайне предвзято стремится уложить материал в прокрустово ложе своей доктрины. Наукообразная форма книги скрывает под собой причудливую смесь надуманных схем, оголтелой пропаганды, вырванных из контекста событий, вопиющих умолчаний, безосновательной рекламы, неаргументированных оценок и, наконец, просто подлых выходок и личных оскорблений (включая бездоказательные обвинения трех достойных людей в сотрудничестве с «органами» и раскрытие псевдонимов активистов, которые предпочли бы эти псевдонимы сохранить).

Многие важные события, начинания, организации, издания, принципиальные для развития анархического движения в России (и, несомненно, Тарасову известные), либо вовсе проигнорированы, либо упомянуты вскользь. Ругая Конфедерацию Анархо-Синдикалистов, автор не упоминает о реальной разнообразной деятельности КАС в рабочем, студенческом, «зеленом» движении, о работе среди школьников, обширной просветительско-издательской деятельности. Вовсе не упомянуты ни Товарищество Социалистов-Народников, ни Прямухинская Вольная Артель (1995-1996, 1999-2002 годов), ни санитарная дружина имени М. Волошина, организованная левыми во время октябрьских событий 1993 года в Москве, ни акции против войны в Чечне... Почти ничего не сказано о таких — относительно многочисленных — анархических движениях 1990-2000-ых годов, как «Хранители Радуги» и «Автономное Действие». Едва упомянуты в книге такие важнейшие анархические издания, как «Община» и «Наперекор» (а «Новый Свет» и «Третий Путь» и вовсе забыты). А ведь именно эти издания, читавшиеся сотнями (в случае с «Общиной» — тысячами) людей формировали идейное лицо движения.

Зато колоссальное внимание уделяется крошечным и полумифическим организациям вроде «Фиолетового Интернационала». Или детально разбирается содержание журнала «Великий Отказ», чье появление на свет объявляется поворотным моментом в истории анархо-движения (так как это соответствует концепции Тарасова об изживании «плохого» анархизма и повороте к «хорошим» «новым левым»). Я был одним из двух соредакторов, выпускавших «Великий Отказ», но даже польщенное авторское самолюбие не заслоняет от меня исторической правды: выпускаемый тиражом в два десятка экземпляров на машинке, наш «Великий Отказ» был известен узкому кругу московских тусовщиков, и его влияние невозможно даже сопоставить с влиянием других изданий, названных выше и проигнорированных Тарасовым.

Не буду утомлять читателя перечислением сотен фактов ошибок, сознательных искажений и наглой лжи, допускаемых автором «Революции не всерьез». Замечу лишь, что вершиной тарасовских фантазий является описание студенческих выступлений, организованных профсоюзом «Студенческая Защита» в феврале 1994 и в апреле 1995 годов. Жалкое, трусливое и неорганизованное шествие толпы полупьяной молодежи, кричащей: «Пива, пива!» и разбегающейся в панике при виде пары милиционеров — под пером Тарасова превращается в победное шествие сознательного студенчества, которое легко сметает с пути ОМОН, бьет стекла милицейских машин и т.д., как будто речь идет не о Москве, а, как минимум, о Париже или Сеуле. Я, в отличие от Тарасова, участвовал в этих беспорядках и констатирую, что его сознательная ложь и необузданная фантазия достигают в этом пункте поистине геббельсовских масштабов.

Но довольно. Встает вопрос: а зачем все это понадобилось Тарасову? Дело в том, что этот ленинист, симпатизирующий исключительно большевистским методам борьбы и организации, пытался создать у читателя образ тотального кризиса анархического движения, краха, единственным выходом из которого ему видится большевизация и то ли террор, то ли союз анархистов с нацболами. Под видом «изложения» и «исследования» он творит мифы, скрывает реальность и описывает фантомы, существующие только в его большевистском сознании (вроде «новых левых», которых он так подробно описывает и... которых в российской политической фауне нет вовсе!). Если же факты не соответствуют его желаниям — тем хуже для фактов! Заявляя, что экологическая, феминистская, профсоюзная деятельность не относятся к сфере интересов левого движения, автор толкает нас или к терроризму, или к пропаганде «единственно верного учения» и к политической борьбе за власть.

Совершенно естественная для лениниста логика и столь же естественная нравственная беспринципность. Разумеется, я не утверждаю, что реальная история новейшего анархизма в России — сплошь «Илиада» с великими подвигами и эпическими героями. Нет, она знала и предательства и ошибки, и склоки, и отрыв от реальности. Многое в ней постыдно, некрасиво, достойно осуждения, критики и преодоления. Но несомненно, что книга Тарасова, прикрывающая внешним объективизмом крайнюю тенденциозность, лишь фальсифицирует историю и вводит в заблуждение мало информированного читателя, беспомощного перед подтасовками и наукообразной ложью.

На этом фоне книга Шубина — автора более добросовестного и знающего рассматриваемое им движение изнутри — сильно выигрывает. В этой книге детально описывается история СССР в эпоху Перестройки, увиденная (как океан через каплю воды) через историю «Общины» — группы, положившей начало анархическому движению в Советском Союзе 80-х. Собраны многочисленные свидетельства тех дней, хорошо воссоздана атмосфера эпохи и ее события. Автор стремится к объективности и проявляет хорошую информированность. Однако, рекомендуя книгу Шубина (за неимением других) к прочтению, все же следует указать на два ее недостатка. Первый — несущественный — крайне неудачное название, никак не соответствующее содержанию. «Преданная демократия». Кем преданная? Какая демократия?

Второй недостаток — общие концептуальные представления автора о том, что: 1) в СССР в 1986-1989 годах произошла революция; 2) во главе ее стояли анархисты из «Общины», возродившие народнический социализм; 3) именно они предотвратили превращение народной революции в кровавую бойню, предав ей организованный и ненасильственный характер. Я, конечно, преувеличиваю и утрирую (в отношении второго и третьего тезисов), но не очень сильно. Александр Шубин всегда отличался оппортунизмом и никогда не отличался скромностью. Насколько Тарасов в своей книге стремится «развенчать» анархистов, настолько же Шубин стремится преувеличить их влияние и роль в событиях Перестройки. Эти концептуальные установки, вызывающие по меньшей мере сомнения, однако, можно более или менее отделить от исторического изложения, которое достаточно правдиво и разносторонне рисует картину зарождения (возрождения) анархического движения в 1986-1989 годах. И этим историк Шубин выгодно отличается от фальсификатора Тарасова.

Петр Рябов

ВСЕМ 3,14ЗДЫ ОТ ЗВЕЗДЫ

Антифа-фанат из Иркутска объяснил, что к чему
Беседовал xRASHx

Сезон-2008 начался для многих представителей российского околофутбола с шока — фанаты ФК «Звезда» из переферийного для ногомяча Иркутска создали группировку Star Hools, декларирующую антифашизм, вывешивающую баннер с черно-красной звездой и троянским шлемом... В общем, шума было достаточно... Один из участников этой самой группировки решил поделиться своими взглядами на жизнь с читателями «Автонома»

— Что скорее приобретет молодой человек, посещающий футбол: любовь к государству или ненависть к ментам?

— Даже если человек приходит не на фан сектор, он сразу начинает ненавидеть ментов. Он просто пришёл поболеть за свою команду, а обыскивают его так, будто подозревают в терроризме. В общем, ведут менты себя очень грубо и похамски. Даже в отношении простых болел.

— Зависит ли степень вашей поддержки от того, как выступает ФК «Звезда»?

— Мы всегда стараемся на уровне поддерживать команду, но когда «Звезда» проигрывает по ходу матча, то естественно, мы ещё больше её подбадриваем. Потому что наша главная цель поддержать её, для этого мы и ходим на стадион.

— Почему на вас наезжают менты?

— Мы кстати спрашивали у них, почему они на нас наезжают. Так вот, как известно, на нашем стадионе довольно интересная ситуация. На противоположной, как по взглядам, так и по географическому положению трибуне есть старшой и главный, который отвечает перед ментами. А у нас нет никакой иерархии и нет главных, поэтому менты тягают всех, хотят определить, кто чем у нас заправляет. Но у нас все управляют всем. Решения принимаются на сходках.

— Музыка, которую вы слушаете.

— Музыку в STAR HOOLS слушают абсолютно разную. Потому что мы всё-таки берём на сектор не по музыкальным предпочтениям, главное чтобы человек не любил расизм, а любил футбол. Ну, кто ска или регги слушает, кто панк-рок, стритпанк, краст, хардкор или драм-н-басс. Хоть Аллу Пугачёву.

— Должны ли быть трибуны местом, где люди выражают (например, с помощью баннеров) свое мнение по разным общественно важным вопросам?

— У нас на этот счёт разные взгляды. У нас есть люди абсолютно аполитичные, есть люди которые придерживаются каких-то политических убеждений. У меня они точно есть. С одной стороны, конечно, не стоит превращать футбол в политику, а с другой стороны кто сказал, что вообще этого делать нельзя? Почему можно вешать флаги со свастикой и это не будет считаться политикой, а когда есть определённые лозунги, которые действительно социально значимы для нас, то это уже политика? Довольно-таки двоякий подход у различных околофутбольников. Мы сами себе создаём культуру и ей следуем. Это должны быть лозунги понятные и близкие болельщикам прежде всего.

— Реакция фанатов других клубов на ваше появление.

— Шоковая. Мы нажили себе врагов по всей стране. Мы первые в новейшей истории российского ОФ. Раньше были ребята с «Мосэнерго» только. В Восточной Сибири мы первые уж точно. Естественно, такого никому не надо. Для правых это первый звоночек, и нашему примеру могут последовать другие. Нужно создавать футбольные фирмы, которые будут выражать чёткую антифашистскую и антирасистскую позицию. Мы не хотим создавать фашикам альтернативу, мы хотим их вытеснить.Правому говну не место на трибунах. На правых ОФ форумах тоже разная реакция. Карланы орали: мы к вам приедем, всех прирежем-зарежем. А более взрослые боны вопили о начале конца.

Типа, ждите, что дальше пойдёт по всей стране. У парней появился выбор. Антифашистское движение принимает форму народного бунта. Процесс пошёл. Дальше будет жёстче. Местные правые, которые лузгали семечки на секторе «Звезды» до нас, вообще молчок. С ними разговор был только один. Сейчас пока в тряпочку молчат. Ранее на местном форуме ФК писали, что мы приносим на сектор политику, а они нет. Основа их типа не боны, а те просто с ними дружат. Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты. И потом эти абсолютно аполитичные люди вывешивают баннер у себя на секторе с ФК «Звезда» общего ничего не имеющего — это флаг конфедерации и белый кулак в центре.

Хочу сказать о наших позициях по антирасизму в футболе. Во многих клубах играют игроки, приехавшие из других стран, с другим цветом кожи. Они наёмные работники у ФК, вкладывают свои силы и здоровье в него. И почему какое-то говно будет судить, кто будет в нём играть, а кто нет?

— Сейчас (во многом под давлением ментов) многие фан-движения публично отказываются от связей с бонами. Но на деле, конечно, наци свое влияние сохраняют... Насколько боны продолжают контролировать ОФ?

— Вывешивают тот самый баннер, появился он, кстати, совсем недавно. Деньги, видать, копили. Боны «аполитичный» сектор всё-таки контролируют. Если бы там были нелюбящие бонов силы, то баннер бы им повесить не дали. Вообще им разрешают вешать на любые ограждения. Нам же с большим трудом удалось добиться разрешения вешать наверх, где баннер не очень хорошо видно. Но, видишь ли, мы новый для администрации и мусоров народ, а они уже натёрли им глаза.

— Степень насилия, допустимого, по вашему мнению, в ОФ.

— Ну, пока мы не совсем околофутбол... Это продолжение нашей уличной борьбы с нацизмом. Наши оппоненты тоже пока заряжают «Звезда». Мы хотим вытеснить их отовсюду. Раньше их твердыней был ОФ, они там сидели как в крепости. Сейчас они должны понять, что их место на помойке. Отжили они своё. Не нужны они на футболе, ни на концертах, ни на улицах. А так, мы готовы встретить гостей. Вообще, было бы веселее во втором дивизионе, а не в первом.

— Существует ли для вас такое понятие, как «пролетарская гордость», «рабочий класс» и т.д.?

— Мне кажется, что для любого пролетария, рабочего должно существовать такое понятие вне зависимости от того, ходит он на футбол или нет. Для нас футбол — это когда одни рабочие парни играют, а другие парни их поддерживают. Конечно, сейчас нас не радует, что футбол это бизнес и иногда очень удобен властям, когда нужно отвлечь народ от насущных социальных проблем.

— Сами-то в футбол играете?

— Ээээ, ну пока нет.

РЕЦЕНЗИИ

Дмитрий Лекух «Хардкор белого меньшинства» (М., 2007)

Ну вот и в России респектабельные футбольные хулиганы начали писать книги о белом «хардкоре» нашего общества. О сытой размеренной жизни, разбавленной нечастыми эпизодами околомячиковой зарницы. Большая часть книги отдана рассказам о том, какое пиво любят попивать в дорогих ресторанах удачливые бизнесмены, беседуя о проблемах в семейной жизни или о дорогой иномарке. Вывод из таких разговоров у них один: «Мы — сливки этого общества. И оно принадлежит нам — белым мужчинам. И с нами все должны считаться». Футбольный фанатизм для них — это разрядка, хобби, пусть и опасное для здоровья. Не больше. Злит ещё то, что в книге у них просто нет врагов, от внешнего мира они защищены деньгами и своим положением. Совершенно не пролетарская проза жизни. И вот мы должны стать их врагами. Очень радует, что я и мои друзья с этими «удачливыми белыми мужчинами» можем пересечься. И тогда уж точно будет классовая война — как минимум по околофутболу.

xRASHx

Военное Положение «Демо» (2008)

Кровожадные ребята из Нижнего Новгорода. Совсем новая группа на нашей сцене. Простенькие тексты о том, как и чем бить бонов и как себя идентифицировать. Судя по музыке, панк-рок — генеральная линия для парней. Развеселили песенки «Redskin» под популярную мелодию у костяноголовых (у положенцев вариант о «редскине — анархии солдате») и «Арматура» — с жизнеутверждающим заявлением.

xRASHx

Klowns «Наша любовь, наша ненависть!» (2008)

Киров не только удивляет отжигами Доброслава и его сектантов, но и долговечностью и целеустремленностью стрит-панк банды Klowns. С выхода полноценного альбома «Наша любовь, наша ненависть» видно, что парни стали более идейно подкованы и гордо несут знамена пролетарских революционных скинхедов. Местами, конечно материал плохо сведён, но все баги заглушает неплохая соло гитара и сингалонги. Врагам должно быть ясно, кто победит! Заказать можно через: *www.rrr.punk.ru*

xRASHx

Джон Кинг «Белое отребье» (М., 2006)

Это уже третья рецензия на книги Джона Кинга в «Автономе». И очень может быть, что не последняя. На самом деле, «Белое отребье» странновато. Показалось похоже на своеобразный «Уллис». «Уллис» о скинхедах и для скинхедов. До самого конца — а роман-то не маленький — толком ничего не ясно, сюжета особо не заметно. Не бросил читать из уважения к автору. И оказалось, не прогадал. К концу все вдруг встает на свои места, становится понятно, что все было к месту. И идея книги очень крута. Прочти её — и поймешь всю степень знаменитой на весь мир взаимной нелюбви английских трудящихся и английских буржуа.

zSashaz

ЭКОПОСЕЛЕНИЯ

Эксперименты на лоне природы

Тони из поселения Большой Камень: «Вот сколько было за это время, пока мы тут жили: всякие там путчи, чего только не было: смены власти, какие-то отключения электроэнергии, того, сего, то бензина нет, то ещё чего-то... а здесь? Чувствуешь себя совершенно спокойно и опору чувствуешь. Я не родилась здесь, у меня папа здесь родился. До школы, бывало, и по году жили здесь, и вот бабушка мне всё про деревню рассказывала: какая была, чего было, какие традиции были... Ну и потом, уже в 90-м, когда я уже замуж вышла, Ивана сюда привезла, ему здесь тоже понравилось. Ну и книжки всякие разные начали читать. Ну и потом попала к нам книжка Гилмана про экопоселения. Собственно, в 93-ем году, когда у меня Маша родилась, мы решили тут начать жить постоянно и начали приглашать тех друзей, которые у нас были в Питере. До этого мы в сквоту жили.

Мы начинали с оздоровления, с экологии... Но где-то в году 98-м мы решили... Ну как, вот живёшь, ведь не всё трудиться, правда? Надо какой-то праздник. А какой праздник? Мы сначала начали с 6-го на 7-е июля, но что-то не то... И тогда мы поняли: давайте попробуем с солнцеворотом праздник. Ну, провели один раз, и поняли: а петь не умеем, плясать не умеем, ничего не знаем. И стали поэтому изучать. А хочется этого, потому что когда живёшь на земле... Между прочим, это не у нас у одних такое, Иван Гончаров с Нево-Эковиля тоже самое рассказывал: когда живёшь на земле, как-то перестаёт хотеться слушать классическую музыку, бардовские песни... не то это всё. Другого просит душа, другое напрашивается. И вот это настолько естественно получается: это всё, эти все традиции, они связаны с природой, с сельскохозяйственным циклом. И когда живёшь на природе, понимаешь, что это всё нужно и важно. Там, где традиционная культура хоть как-то сохранилась: в виде ансамблей каких-то, в виде праздников, там как раз молодёжь больше держится. А там, где она полностью умерла, исчезла, вот там хотят все в город».

Ляйсан из поселения Большой Камень: «...И я считаю, что источником является как раз народное искусство, народные традиции, народные песни. Пришла я к этому не сразу, я тоже слушала рок, и мне очень не нравилась народная песня, мне очень не нравился фольклор ...Люди, которым я очень доверяю и с мнением которых считаюсь, они увлеклись очень фольклором и стали мне о нём рассказывать. Я долго упиралась, целый год, потом я всё-таки стала слушать, с трудом, переламывая себя. Потому что энергия народной песни — она очень сильно диссонирует с энергией города. И мы отвыкли от неё, и когда впервые слышишь это: вот этот голос, то, что называют открытым пением, ненапряжённым — это действительно ломает, это как по живому что-то такое там бередят. Потому что на самом деле ты просто вынужден бываешь посмотреть правде в лицо, посмотреть на то, что тебя окружает, посмотреть в зеркало, самое страшное, и увидеть там не человека, а некий такой субстрат из чужих идей и программ...

В общем, мне не понравилось то, что я увидела, когда стала слушать народное пение. Мне до сих пор не нравится, когда я хожу по городу и заглядываю в глаза людям, и очень часто не вижу ответного человеческого взгляда, а вижу что-то такое зомбированное. Но я верю в то, что это можно преодолеть, было бы желание. И я считаю, что одним из путей к этому: вспомнить, кто такие наши предки были, чем они занимались. Они были очень неглупыми людьми, надо сказать. Когда они собирались вместе, они пели. Когда им было хорошо и весело, они плясали. Они не занимались сплетнями, не обсуждали телесериалы. Они своими песнями, плясками, хороводами, что, вообще, отдельная песня, что называется, потому что хоровод — это не пляска, хоровод — это духовная практика, очень сильная, и многие хороводы водятся восьмёрками, знаками солнца, они — достаточно мистическая вещь, и очень глубокая. Надо попробовать встать в хоровод, чтобы это понять, и песню нужно попробовать спеть, а не слушать, для того чтобы понять её силу. А так, вообще, я занимаюсь немножко экологией, и мне кажется, что человечество зашло в тупик. Но я вижу выход из этого тупика».

* * * * *

Наряды женщин красивы тонкой, самобытной красотой. Это не те наряды, которые можно увидеть по телевизору на концертах Бабкиной, это не тот фольклор, которым отчитываются бюрократы, проводя на своих вотчинах праздники масленицы, это не те «корни», которыми идеализируют свою битву нацисты — это красота совсем из другой истории, музыка совсем других мотивов. И песни здесь на 6 ритмов, а не на 8, как вся музыка, которую мы слышим. Один удивительный барабанщик, встреченный однажды в подмосковном лесу — он рассказывал мне об этом, о том, что мы забыли старую ритмическую структуру, и что «всё испортил Глинка».

А здесь эти песни поют дети и взрослые, городские и экопоселенцы — они разучивали их последние 10 дней, они шили себе костюмы и пряли пояса, а сегодня готовили венки, соломенную русалку, дерево для двух красивых, по-разному сложенных костров. К сожалению, мы уже пропустили обряды вокруг берёзы, игру «Со вьюном я хожу», кумление и «Колосок» (когда дети идут по воздуху по рукам взрослых, а взрослые перебегают из конца в начало, продолжая тропинку рук), пропустили купание и разрывание русалки.

«А кто это там пришёл?» — спросила Тоня, и я подошел к ней и Ляйсан, поздоровался с ними и с другими людьми вокруг. Иван в зелёном колпаке, в плаще, похожий на бородатого Робин-Гуда, попросил ребят в помощь, и мы пошли с ним, взяли за жерди соломенного пузатого человечка — Ярилу — и отнесли его на костёр под хлопанья и слова о прощании с начинающим убывать солнцем, под пожелания хорошего урожая. Сегодня ночь 21-22 июня, летнее солнцестояние, солнечный цикл сегодня делает свой поворот, солнце светит максимально долго. Праздник Ивана Купалы, он же праздник Иоанна Предтече, он же праздник солнцестояния, является ключевым для «Большого камня», поселенцы которого передают в эти дни традиции и культуру, являющуюся и старой, и новой.

Вместе с ней они передают собственные ценности, говорят об автономности от машины и больших городов, об экологичных способах удовлетворять бытовые потребности в селе и в городе, об использовании локальных трав и растений, о том, чем может без вреда поделиться природа рядом с домом, так что не будет необходимости возить многие продукты издалека, использовать для этого топливо и упаковки. О творчестве, пении, играх, когда поют, играют и участвуют все, а не только те, «у кого есть слух», не только «артисты» для «зрителей»; о самобытности и самостоятельности человека, наполнившего свою жизнь независимо

от макдоналдсов, телевизора, алкоголя и других наркотиков; об уважении к людям, к традициям, на которые следует смотреть критически, без стереотипов современности.

Ярило догорел под пение, и мы перешли к большому костру, ещё не зажженному. Зажигается береста, кладётся под тонкие высокие жерди, и пламя потихоньку обнимает их. Встав вокруг костра в несколько хороводов, мы закручиваем их в разные стороны. Пламя охватывает весь костёр и вздымается на несколько метров выше, отпуская в небо тысячи маленьких звёзд, гаснущих в ночи.

... если я люблю свою страну, моя любовь является в то же время любовью к человеку и человечеству ...

Эрих Фромм — «Революция надежды».

Начинается обряд славления: славятся старые боги и все кричат: «Слава!» — но, не зная по сути этих богов, я не уверен и не могу быть участником, наблюдаю как зритель. Затем каждому Иван и Тоня подносят сделанные в эти дни квас и хлеб. Смотря в глаза Тоне, можно отломить кусок хлеба, посолить и съесть, можно положить руки на хлеб и загадать желание. Смотря в глаза Ивана, можно взять большую чарку кваса, поднять её и про себя или вслух сказать славление тому, что хочешь пославить, и люди вокруг, кто разделяют твоё славление, крикнут: «Слава! Слава! Слава!» Смотря в глаза Ивана, я допиваю большую чарку кваса, совсем не похожего на то, что готовлю сам, что называем мы квасом в городе. Квас наполняет половину моего пустого желудка, но остаётся вторая половина, и после славления я пристаю к моим лучшим друзьям — детям — с вопросами: где бы подрезать хлеба?

Большой камень может предоставлять внешнему миру множество трав и лекарственных растений, растущих здесь, засушенных или приготовленных в нужном виде, а, кроме этого, традиционную местную одежду, бельё, детские куклы-крупенечки. А, кроме того, предоставлять свою территорию хорошим людям под различные программы, встречи, семинары.

Потом деревянное колесо, ещё один символ солнца, поджигается и катится под гору, к реке, где и тонет, пылающее, среди камышей. Потом начинаются игры. Тело не устаёт, голова ясная, дети и их смех вокруг пробуждают к жизни взрослых. Наташа, очень красивая, снова приехала сюда со своими тремя детьми. Она бегает босая, не уставая, и улыбается вместе с детьми, не как взрослая, не как ребёнок. — Почему ты в кроссовках? — спрашивает она меня, — Ты что, боишься заболеть? — я пожимаю плечами и разуваюсь. Трава кажется ледяной. — Нет, если ты боишься заболеть, то не надо! — говорит Наташа. — Нет, я не боюсь — улыбаясь, снова пожимаю плечами я.

* * * * *

В прошлом году мы с Валом на велосипедах и электричках приезжали к Наташе в поселение анастасийцев «Ладное», рядом с более известным поселением «Родное». Анастайсийцы — люди, которые прочли книги Владимира Мегре «Анастасия» и обрели новую веру. В этих книгах описаны диалоги между автором и сибирской отшельницей Анастасией, с которой его свела судьба. По их понятиям, человеку следует иметь семью, род, и семье следует жить на собственном гектаре земли и построить на нём своё «родовое поместье». В идеале, на этом пространстве следует создать маленькую экосистему с участием людей, гармонично вписывающуюся в окружающую среду. Следует оставлять и сажать деревья, перемежать плодоносные и не приносящие пищи растения, использовать только органические методы ведения хозяйства, никакой химии, и не распахивать землю.

Анастасийцы считают, что люди сами должны организовывать пространство, решать вопросы совместно, пытаются налаживать дела, обеспечивать доход своих поселений, чтобы можно было переехать из городов насовсем. Кто-то использует машины и электричество, кто-то отказывается от всего этого, становится строгим вегетарианцем и живёт в постоянном окружении природы. Религиозно-философское движение анастасийцев стало самым массовым, известным и быстро распространяющимся движением ухода из больших городов и создания экопоселений: почти в каждой области России, во многих странах ближайшего зарубежья можно найти многочисленные, разнообразные поселения анастасийцев.

Как мне говорили сами поселенцы, большинство анастасийцев — люди не самые образованные, часто им не хватает знаний. Наташа — очень хорошая. Красивая, нежная, с сильным вдохновлённым взглядом, открытая, глубоко верящая в идеалы Анастасии, летом она живёт со своими дочерьми в голом поле на своём гектаре в туристической палатке, а зимой — в доме соседей, где есть солнечная батарея и печь, пока соседи уезжают в город. Она устроилась учительницей в местную школу за пять километров.

Кроме Большого Камня, Родного и Ладного есть множество известных и неизвестных поселений: Гришино, педагогический Китеж, Город Солнца в Сибири, где отец Виссарион, бывший милиционер, объявил себя Иисусом, написал «Последний завет» и собрал вокруг себя тысячи верующих: они живут экологично, вегетарианцы и веганы, строят красивые дома и готовятся к технократическому апокалипсису. Это насколько я знаю. Сам я не был там...

* * * * *

В Карпатах недалеко от места, где проходил лагерь No Borders, живёт Олег. Небольшая глиняная хижина с глиносоломенной печкой, вырытым вручную колодцем и окружение подсолнухов, абрикосов, капусты, картошки и других вкусных овощей и фруктов. На площадке сбоку от хижины — маленький костёрчик, рядом пачки кофе и сигареты. И, с длинными светлыми волосами и бородой, худой, но мускулистый, человек в коротких старых шортах. Кажется, он встал здесь на временную стоянку, настолько мало всё обустроено для жизни. Но он встал здесь 7 лет назад.

— Вот это я понимаю, автоном! — говорит молодой анарх, — Я за этот час здесь, по-моему, больше узнал, чем за весь лагерь! Окружённый активистами, Олег рассказывает, как как живёт зимой, как — летом. В пяти метрах от его хижины стоит столб линии электропередач, но, вместо того чтобы к нему подключиться, Олег убрал бы его, если бы было можно. Олег — биолог. У него есть жена и ребёнок. Летом они много живут здесь, вместе с ним. Вечером они вернутся из города. «Единственное, что мне здесь нужно от внешнего мира - это кофе и сигареты. Мне их жена привозит. Нет, я не болею. Совсем. Зубы? Да, зубы — это единственная проблема, которая осталась. Я хочу пройти как можно дальше назад.

Хочу понять, как люди жили до всего этого — Олег показывает на столб — Это моя миссия. Читаю. Нет, я работаю, делаю что-то только когда хочу. Хочу — работаю, не хочу — весь день ничего не делаю. Сколько у меня свободного времени? У меня всё время свободное! Я хочу быть «первобытным» человеком. У меня есть друзья, разные. Вот недавно приезжали друзья из Германии. Жена не готова так жить. У неё работа в городе, она «бизнесвумэн». Но это не мешает ей приезжать с сыном и жить со мной часть года. Главное — без насилия, важно не ждать друг от друга того, что другой не хочет, верно?

Смысл не в том, чтобы все стали жить как Олег. Смысл в том, что, живя здесь, проводя свой эксперимент, Олег расширяет возможности всех нас. Для этого и нужны эксперименты...

Снусмумрик

О пользе пробок

Технологии добровольно-принудительной медитации

О чем только не думается, когда часами стоишь в автомобильных пробках! Точнее, ты, собственно, стоишь не в пробке, а в переполненном автобусе, который уже непосредственно стоит в пробке. В том числе думается — и о пользе этих пробок. Прежде всего, они уравнивают бедняков и богачей, владельцев новых шикарных иномарок и тех, кто, как я, погружены в автобусную давку. (Разве что очень большие начальники в кортежах с мигалками сумели подняться над этим равенством).

Далее. Пробки поневоле изымают человека из лихорадочного ритма вечного мельтешения и позволяют ему предаться медитации, задуматься о душе, отрешившись от суеты и извечных наших «тараканьих бегов». Погрузиться в себя. Вспомнить о себе — не просто как о белке в колесе буржуазного мегаполиса. Или впервые посмотреть на окружающий мир и людей. Да, я все понимаю, остаются газеты, плееры, мобильники и разные другие хитрые выдумки, помогающие заслониться, раствориться, изолировать себя от себя и от мира, но все же...

Наконец, пробки — поистине торжество загадочной и непостижимой космической справедливости еще и в том смысле, что посредством них технологическая и потребительская цивилизация приходит к завершению и самоотрицанию. Бешеная гонка за скоростью... престижем... маркой машины... ярмарка тщеславия... время — деньги... потоки информации... ускорение до безумия и самозабвения... и вот итог — неспешные задумчивые пешеходы легко обгоняют наши запрудившие улицу автобусы и автомобили, реанимируя свои отвыкшие от ходьбы мышцы и вдыхая окрестный воздух.

Пробки дают нам возможность обретения независимости, созерцательности и смирения. Где спешка? Где гордыня? Где культивирование автомобилей — этих ярлычков преуспевания? Где попытки обогнать жизнь и вырваться вперед в вечной гонке за лидером? Стой вот и жди. Может быть, это последний великодушный шанс, который жизнь дает нам, чтобы, по словам поэта, «остановиться, оглянуться». Что-то вспомнить. Задуматься и одуматься. Устыдиться. Исправить.

Полина Елисеева

Призраки СССР

Жизнь после жизни или всё на продажу

> *«История не знала примера, чтоб так обходились с привидениями... Но более всего его огорчало то, что ему не удалось облечься в доспехи. Он полагал, что даже нынешние американцы почувствуют робость, узрев привидение в доспехах».*
>
> *Оскар Уайльд «Кентервильское привидение».*

В бозе

На аукционе постмодернистского измельчания людей-манекенов и идей-симулякров, превратившихся в бесцветный водянистый фарш, среди тотальной девальвации смыслов и слов, случилось огромное, эпохальное событие. На мировом ментальном аукционе выставляется недавно почивший в бозе Союз Советских Социалистических Республик, махина нехилых размеров. Сколько брендов, смыслов, сверхидей, преступлений, жертв, амбиций, иллюзий! Какой резервуар энергии, фанатизма, веры, фразеологии и мифологии! Тут есть, чем поживиться.

Сколько наследников — законных и не очень — собрались на распродажу по сниженным ценам былого величия и былых злодеяний! Звезда СССР потухла, но тускловатый свет от нее еще идет — и на нем можно кое-как погреть руки замерзающим от собственного бесплодия и бессмыслицы политикам и народам. Сколько можно создать репутаций, сформулировать национальных идей, наштамповать идеалов

и образов врагов, обналичить непомерных претензий: или отважно пиная издохшего от дряхлости монстра, или объявляя себя его очередной грозной инкарнацией! Скольким политтехнологам, советологам, антисоветчикам, историкам партии, имперцам и национально-освободительным лидерам этот монстр еще сможет помочь!

В КРИКЕ

Вот, к примеру, телеканал «Россия» неосторожно объявляет патриотический конкурс «Имя России»: пожалуйста, граждане, голосуйте за того, кто для вас воплощает в себе все лучшее в нашей родине! И из сотен имен на первое место, далеко обогнав Пушкина с Гагариным, вырывается... Сталин! «Сталин — наше все!», «Сталин — это мы!», — исходят в крике сотни тысяч жалких, глупых и смешных детишек в красно-коричневых штанишках, делая страшные глаза, рыча, тряся погремушками, надеясь напугать окрестные державы (не Америку с Англией, ну так хоть Эстонию с Грузией) и, главное, убедить самих себя в собственной крутости и мощи.

Нам, не имеющим настоящего, совсем ничего настоящего, кроме нефти (да и ту имеем не мы), сверху настоятельно рекомендуют жить и гордиться прошлым. Надо же чем-то жить и чем-то гордиться. Так возникают и предлагаемые нам нехитрые дилеммы: «Ты за Сталина или против России?» и «Ты за свободу или против рынка?»

В ФАРСЕ

А вот другой лот с той же распродажи: «голодомор 1930-ых годов». «Нам, нам дайте», — доносится откуда-то с берегов Днепра. «Пусть весь мир узнает, что голодомор был специально устроенным Кремлем геноцидом украинского народа!» В перспективе под это дело можно завалить пару немалых зайцев: и чего-нибудь выторговать у Москвы, и сварганить какую-нибудь «незалежную идентичность» на тему «москали — вечные враги, а мы — вечные жертвы». Дело прибыльное, но не очень красивое. Ведь, честно говоря, от голодомора 1930-ых годов (действительно, самой значительной социальной катастрофы в истории СССР) умерли миллионы людей не только на Украине, но и в Поволжье, и на Дону.

А, если уж на то пошло, сильнее всех пострадал Казахстан (свыше одного миллиона погибших — четверть всего народа!). Но товарищ Назарбаев благополучно молчит в своей новоявленной Астане — ему-то в НАТО вступать пока не надо. И Ющенко спешит погреть руки на общей трагедии, обналичив былой кошмар в форме жалкого фарса. Даже государство Израиль, при всех попытках «приватизации» им холокоста, кажется, не дошло до выделения среди погибших в нацистских лагерях жертв евреев из числа всех прочих в какую-то уникальную категорию. Это изобретение киевских политиков.

В ХОДУ

И вот: снимают фильмы-апологии и фильмы-ужастики, пишут книги, открывают музеи о «великом и ужасном», как волшебник Гудвин из Изумрудного города, Советском Союзе. Выпускаются майки с надписью: «Наша родина — СССР!». Стиль «имперское ретро» — в ходу в РФ. Миф: «великодержавные москали в ответе за все плохое в нашем прошлом, настоящем и будущем» — в ходу в ближнем зарубежье. Ведь выросшим в стране Малют и малюток инфантильным постсоветским людям надо же чем-то гордиться и кого-то винить во всех грехах. Так почему бы не гордиться трупом и не винить труп? Это и удобно, и безопасно, и подобает людям-полутрупам.

Восторги одних столь же вымученно-фальшивы и запоздалы, как и праведное возмущение других. А судьи кто? А наследники кто? Вчерашние партийно-хозяйственные бонзы, ставшие «национальными лидерами» и «прозревшие правду» о «большевистских преступлениях», смотрятся не более убедительно, чем вчерашние чекисты, вдруг уверовавшие в Бога и осознавшие вину перед невинно убиенным государем. Вину, разумеется, не свою — а мирового масонства и немецких шпионов.

В ОДНОЙ ВОСЬМОЙ

Клочки и лохмотья старых мифов оживают и бродят вокруг нас — безобразные, жалкие и убогие, как зомби-калеки. Для воскрешения полнокровного тоталитаризма, как и для его искреннего преодоления и достойного погребения не хватает одного — жизни и подлинности. Святейший патриарх Алексий Второй, сказавший двадцать второго июня, что у нас, великороссов, сегодня два повода для гордости: победа во Второй мировой войне и победа в одной восьмой чемпионата Европы по футболу над шведами, — приоткрыл что-то глубинное в сущности нынешнего аукциона. В слове «державность» все более явственно слышен корень «ржавость». Истина же никого особенно не волнует. На то и постмодернистская эпоха.

То, что постсоветская постмодернистская эсэнговия так же тотально гнила, бесплодна, нежизнеспособна и обречена на крах, как и сам совок, совершенно очевидно. Весь вопрос в другом: сможет ли кто-то противопоставить новые — живые, оплаченные своей верой и жизнью — смыслы этому распаду? Придут ли новые христиане на смену гибнущему третьему Риму? Повторит ли «постсоветское пространство» бесславную судьбу СССР, развалившись на куски от старости, утонув в кровавых региональных конфликтах, будучи поделено власть имущими и неся гибель, нищету, горе деградирующим остаткам населяющего ее народа? Или же — произойдет «как лучше», а не «как всегда», и очистительное пламя социальной революции сумеет превратить в пепел жалкие лохмотья вчерашних преданий, мифов и смыслов, разрушить цепенящий гипноз рабской традиции и противопоставить ему нечто живое и человеческое?

Павел Сентябрьский

АНАРХИСТЫ

И ВТОРАЯ ЧЕЧНСКАЯ ВОЙНА

Ситуация на Северном Кавказе и либертарная реакция

Полный провал попыток противодействовать Второй чеченской войне — несомненно, самое горькое поражение российского анархического движения в течение десятилетия. Чувство полного бессилия перед брутальной реальностью чеченской мясорубки давило так сильно на воображение антиавторитариев, что движение немного поднялось лишь когда интенсивность войны постепенно утихла.

Можно считать, что вторая чеченская война, начавшаяся 26 августа 1999 года, когда вооружённые силы РФ бомбили Грозный и другие части Ичкерии, завершилась 31 октября 2007 года, когда просепаратистские интернет-СМИ заявили о роспуске Доку Умаровым Ичкерии, и о замене её Кавказским эмиратом. Естественно, война до сих пор продолжается, и диверсионные нападения случаются еженедельно, но целью повстанцев уже является не национальная независимость Ичкерии, а создание теократического государства, которое объединит весь Северный Кавказ. Чеченское националистическое сопротивление оказалось маргинализованным и уже фактически не имеет влияния. Война, естественно, продолжается, но она скорее продолжение общей северокавказской войны, которая началась вторжением исламистских боевиков в Дагестан 7 августа 1999 года, или даже до этого в форме диверсионных действий исламистов, таких как нападение Хаттаба на 136-й мотострелковый батальон в Буйнакске 22 декабря 1997 года. Исламисты никогда не намеревались мириться с достижениями Хасавюртовских соглашений 1996 года. Исламизм — антинационалистическая идеология и создание государства по национальному признаку не может являться целью исламистов.

То есть в октябре 2007 года закончилась одна эпоха и началась новая, и можно подвести итоги анархических успехов, или, точнее, их отсутствия в борьбе против империалистической войны на Северном Кавказе в течение последних 8 лет.

ЛИБЕРТАРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСЛАМИЗМ

Если для либералов победа исламистов над националистами внутри чеченского сопротивления является причиной скорби, то анархисты, скорее всего, рассматривают сражение между этими силами как нейтральные наблюдатели. Анархисты не стремятся выбрать «наименьшее зло» между авторитарными мировоззрениями. Анархический коммунизм никогда не требует «необходимых предпосылок», и если его реализация и не возможна за ночь, то, по крайней мере, замена каких-либо государственный систем другими его никак не приближает. Это, конечно, не означает, что анархисты выступают за Status Quo, — просто всегда существует альтернативный, децентрализованный, неиерархический сценарий развития общественных конфликтов.

Исламистские понятия о сексуальной свободе и положении женщин кажутся крайне примитивными, однако следует заметить, что исламизм также имеет ряд преимуществ по сравнению с другим авторитарными движениям против современного мира. Исламизм отрицает любые идеи о превосходстве одних «наций» или «рас» над другими, также он предлагает некоторые ограничения капитализма, например, запрет ростовщичества. Он подчёркивает необходимость социальной ответственности, правда, не критикует капитализм как таковой. В Ливане и в Палестине исламисты завоевали доверие угнетённых благодаря социальным программам и принципиальности в борьбе против коррупции. В Чечне определённое влияние играла внешняя поддержка исламистов, но, скорее всего, решающий фактор в победе исламистов внутри сопротивления — общность интересов исламистов всего Северного Кавказа, которая обеспечила возможность создания более широкого движения поверх национальных границ. Также в условиях общего разложения развитого общества ислам как более архаическая институция обеспечивает основы общественного устройства, как это случилось в Афганистане в 1990-х годах и в современной Сомали.

На данный момент похвала исламистов и даже принятие ислама — модное явление среди западных (и не только) леваков, и существуют также современные попытки синтеза ислама с анархизмом, но к ним следует относиться скептически. Ислам — конечно, не равно исламизм, первый — древняя религия, которая предполагает большую совокупность толкований, второй — это современная идеология, с толкованием которой все гораздо однозначнее. Но ислам — это все-таки единственная великая мировая религия, созданная политическим деятелем — такое происхождение обеспечило исламу относительную современность по отношению к другим религиям, то есть он намного лучше подходит для управления государством, чем другие мировые религии. Если создание антиавторитарного ислама когда-нибудь удастся вопреки современному исламизму, нет сомнений, что религиозные толкования первого будут сильно отличаться от учения второго.

Но также анархистам никогда не следует опускаться до уровня демонизации исламизма. Исламизм не является более или менее опасным, более или менее жестоким, чем какие-либо еще авторитарные идеологии. Крайне нелепо заявление «исламизм — это фашизм», которое можно слышать с самых разных сторон — от власти до некоторых анархистов. Естественно, современный исламизм не развивался в вакууме, на него влияли и фашизм, и социализм, и другие западные идеологии — но все-таки он является не подкатегорией одной из них, а самостоятельным явлением, которое позволяет иметь большую совокупность возможных вариантов общественного устройства, от абсолютного монархии Саудовской Аравии до республиканско-теократического Ирана.

Исламизм не равно ваххабизм. Главное вдохновение всех исламистов — это Иран, где вообще следуют шиитскому варианту ислама. То есть, исламизм — по сути, современная идеология (или даже совокупность идеологий), нечетко связанная с какими-либо древними направлениями религии. Ваххабистское движение, которое возникло в Саудовской Аравии в XVIII веке, несомненно, является одним из источников современного исламизма, но не менее важным является, например, создание «Братства мусульман» в Египте в 1928 году, и учение его главного идеолога Саида Кутба (Sayyid Qutb).

Несомненно, мы будем еще неоднократно соревноваться с исламистами на одном поле, поскольку во многих регионах бывшего Советского Союза они являются единственной силой, которая способна бросить вызов предельно коррумпированным чиновникам. В данной ситуации было бы крайне ошибочно представить исламистов в качестве большего зла, чем власти — причины поддержки исламистов совершенно понятны. Также крайне ошибочна идея о любом тактическом союзе с исламистами — несмотря на поверхностную критику капитализма, современный исламизм — это даже не феодальное, а вполне буржуйское движение, только с теократической окраской. Нам не станет лучше, если сверхкоррумпированных наследников советской номенклатуры в Средней Азии или на Северном Кавказе заменят исламисты — история последних 5000 лет доказала, что никакая религия не может спасти человека от моральной деградации, которая является неизбежным следствием властных полномочий одних над другими.

КТО ПОБЕДИЛ ВО ВТОРУЮ ЧЕЧЕНСКУЮ?

Я сознательно не называю исламистов Северного Кавказа ваххабитами, поскольку это было бы упрощением — тот же Доку Умаров считает себя последователем традиционной в Чечне суфийской формы ислама. Однако именно ваххабитская секция тоже играла большую роль в конфликте, а именно в том, как раскололось чеченское общество во время второй войны.

В успехе федералов, безусловно, играла большую роль личность Ахмада Кадырова. После того, как против него совершили множество покушений в Чечне, начиная с октября 1998 года, не было сомнения о том, что влияние ваххабитов в Чечне несовместимо с его выживанием. Таким образом, федералы получили очень ценного союзника, когда Масхадов и «полусекулярная» власть всегда избегали решительных мер против исламистов. После начала войны Масхадов и националистское сопротивление уже не смогли отказаться от открытого сотрудничества с исламистами, но дружба оказалась намного более выгодна последним. Положение между двух огней было крайне невыгодным для националистического сопротивления, и, фактически, они потеряли свое влияние уже задолго до убийства Масхадова 8 марта 2005 года. Во время борьбы в подполье Масхадов неоднократно осуждал действия Басаева и других деятелей исламистского сопротивления против мирного населения, но реальных шагов для их устранения он, судя по всему, не предпринимал. Вряд ли он был в состоянии это сделать, и также Басаев всегда был удобным пугалом, которое можно было показать всему миру: «Не хотите договариваться со мною — вам придется договариваться с ним».

Старшему Кадырову было гораздо проще договориться о сдаче с полевыми командирами, чем с федералами, пос-

кольку он сам был живым примером и гарантией возможностей, которые переход на сторону федералов обеспечивает каждому. Аллу Алханов был последним представителем антидудаевской оппозиции 1994 года с каким-то значительным постом в Чечне, после его упразднения все руководящие посты в республике оказались плотно заняты бывшими боевиками. Теперь Кадыров младший смог приступить к следующему этапу завоевания гегемонии, к упразднению влияния всех федеральных силовых структур в Чечне — безнаказанная и наглая казнь бывшего командира отряда «горцев» Мовдави Байсарова в центре Москвы в 2006 году и снятие Сулима Ямадаева с должности командира спецбатальона минобороны «Восток» в апреле 2008 доказывают, что он это может себе позволить. Поскольку окружению Кадырова позволяются также рейдерские захваты предприятий, контролируемые чеченскими бизнесменами вне Чечни, отношения федеральной власти с Кадыровым младшим не укладываются ни в какие правовые нормы XXI века, а развиваются по феодальному сценарию «царь — князь». «Князю», то есть Кадырову младшему, позволяют творить в Чечне что угодно, начиная с частных пыточных тюрем в своих владениях. Влияние федеральной власти в Чечне, несомненно, слабее, чем даже во время Дудаева, когда там ещё существовала дееспособная оппозиция, и порой Дудаев контролировал одну только столицу республики. Чеченские националисты были вынуждены отказаться от формальной суверенности и самостоятельной внешней политики, но взамен они получили внутри «своей» республики власть, о которой другие правители субъектов российской федерации могут только мечтать, а также щедрые субсидии из казны.

Сегодня Чечня — крайне авторитарная страна, и невозможно оценить уровни реальной поддержки Кадырова. Тот факт, что множество влиятельных полевых командиров все ещё скрывается в республике, показывает, что сопротивление не полностью потеряло свою поддержку. Но нет сомнения в том, что политика Кадырова, несмотря на множество скандалов, получила поддержку значительной части населения. В первую очередь это объясняется улучшением жизни в материальном плане и в плане безопасности по сравнению с обоими периодами независимости (в 1991—1994 и 1996—1999 годах). Но поддержка объясняется также и тем, что Кадырову младшему удалось доказать, что он не просто марионетка, а в определённом смысле продолжает националистический проект. Сейчас Чечня, пожалуй, одна из самых однородных в этническом плане территорий в Европе, и власть (и гражданская, и силовая) в ней полностью в руках бывших сепаратистов-националистов. Все понимают, что когда наступит следующий цикл ослабления централизованного государства в России (что, несомненно, произойдет), уже никакие силы не удержат Чечню под властью Москвы.

Но для анархистов все эти интриги, конечно, второстепенны — захват заложников и соревнования между федералами и сопротивлением, то, кому в итоге удастся больше убить — это просто детали в общей кровавой трагедии: 100 мертвых в Дубровке и 300 мертвых в Беслане — лишь небольшая часть общей картины десятков тысяч убитых и искалеченных. Война — это всегда беспринципное и кровавое дело, и если удаётся договориться о правилах игры, то только при условиях взаимной выгоды. Но в случае со второй чеченской к этому не стремилась ни одна из сторон, и, в итоге, они все несут ответственность за происходящее.

И в общем плане даже второстепенно, что случилось в Буйнакске, Волгодонске, Москве и Рязани 31 августа — 22 сентября 1999. Да, есть много мутного в этих историях, больше всего в событиях в Рязани, и в случае нашей победы (и, скорее всего, только в этом случае) это все будет расследовано. Но пока «альтернативная версия» тоже далеко не до конца разработана, и автор статьи уверен, что события развивались бы по такому же сценарию и при отсутствии данных взрывов — общественное давление даже близко не имело силы остановить Первую чеченскую. Её остановили исключительно боевые успехи сопротивления, то есть в 1999 власть могла бы спокойно разжигать войну и без взрывов.

То есть — кто победил? Несомненно, победили перебежчики-националисты — они не завоевали формальной независимости, но реальное их влияние превосходит власть среднестатистических современных политиков, руки которых связаны международными соглашениями. Несомненно, победили и федеральные силы, и чекистская шайка, которая в течение последних 8 лет поставила под контроль Россию — правда, они были вынуждены отдать всю власть в Чечне бывшим националистам, но зато им теперь гораздо меньше угрожает рост

недовольства из-за грузов-200, изготовленных в целях «сохранения целостности страны». Ну и в определённом смысле победили и исламисты — у них, правда, нет возможности реализовать свои политические амбиции в России в течение следующих десятилетий, но, по крайней мере, у них теперь фактическая монополия на партизанское сопротивление в стране. Среди воевавших сторон, пожалуй, единственная, которая потерпела полное поражение, является националистическое сопротивление. А что касается не воевавших, то они только потеряли — сотни тысяч физически и духовно искалеченных людей будут передавать травмы войны своим детям и внукам.

Уроки революции в Чечне

Происходящее в Чечне в 1991-1994 годах — очередной пример моральной провальности национал-освободительной идеологии. Власть Дудаева была не в состоянии остановить насилие, грабеж и этническую чистку терских казаков (живших как минимум с XVI века в районах, которые, скорее всего, никогда не были населены вайнахами) и других жителей республики, которые оказались в уязвимом положении при крахе советской системы.

Грубое упрощение характеризовать замену власти в Чечне в 1991 году как переворот или узурпацию власти. На самом деле в Чечне произошла настоящая революция, возможно, самая глубокая из всех тех, которые произошли в бывшем восточном блоке в 1989-1991 годах. Если в Центральной Европе и особенно в СССР перемены были во многом организованы самими представителями номенклатуры или, по крайней мере, оппозиционной интеллигенции, в Чечне представители низших слоев населения были вовлечены в намного большей степени, чем где-либо еще. Если сам Дудаев и его ближайшее окружение были представителями номенклатуры, основным двигателем в революции были самые маргинализированные слои общества — старики-жертвы депортации, сельская и безработная молодежь. Это объясняется спецификой советского строя в Чечне — если на высших постах республики прилично сохранили национальный баланс её жителей, то такого уже не было в средних, технических специальностях, которые в основном были закрыты для чеченцев. То есть, кроме узкой просоветской номенклатуры и интеллигенции, подавляющее большинство чеченцев было занято сельским хозяйством и находилось на нижних ступенях городской экономики из-за высокой рождаемости (которая, несомненно, частично была следствием травмы депортации) и ограниченных возможностей. С середины 1980 годов они также все больше были вовлечены в маргинальные и криминальные слои экономики. Эти люди никогда ничего не получали от советской власти, и у них были все причины ненавидеть всех, кто как-то встроился в систему.

С 1991 года наступил час расплаты, и они охотно использовали все возможности. Из Чечни сбежало не только неэтническое население, а вообще большинство прежней интеллигенции. Было бы упрощением сказать, что конфликт имел чисто национальный характер — кроме этнического противостояния, также существовали конфликты «пролетариат против интеллигенции и бывших представителей номенклатуры» и «крестьяне против горожан». Но поскольку двигатели революции были лишены советской властью навыков управления современным государством, в Чечне произошёл процесс «демодернизации», более архаические структуры (религия, тейп) заменили современные. Но во взаимодействии с современным капитализмом эти процессы произошли в коррумпированной форме — например, в древнем горном обществе институт рабства (который, скорее всего, даже неправильно так называть) был, судя по всему, формой социальной защиты для уязвимых людей, находящихся без поддержки семьи и рода.

Но теперь ему помешали быть таковым экономические интересы, и этот институт заменился крайне прибыльной торговлей людьми, которая в 1996-1999 годах достигла такого размаха, что стала главным источником иностранной валюты в республике, и с ней была связана большая часть её тогдашних руководителей. По данным «Новой Газеты», в том числе и Доку Умаров. Естественно, причиной войны 1999 года было не «освобождение рабов», а в первую очередь «сохранение целостности страны». Причиной также не были природные ресурсы республики, поскольку нефти и газа Чечни, скорее всего, никогда не хватит на компенсацию всех расходов войны. Но нельзя игнорировать то, что торговля людьми была одним из факторов, которые направили общественные симпатии в сторону России и против сепаратистов. Сепаратисты тради-

ционно указывают именно на российские спецслужбы в качестве разжигателей внутричеченских конфликтов и поддержки бизнеса торговли людьми, и некоторые улики, доказывающие это, действительно существуют. Но заявления о том, что Басаев — агент ФСБ, невозможно принимать всерьёз, также как и конспирологические теории об 11 сентября, которые полностью отрицают способность самих мусульман создавать мощные движения против империалистических амбиций.

Теория А.С. Арутюнова, самого крупного чеченского научного и общественного деятеля в эмиграции, об относительно антиавторитарной исторически сложившейся «военной демократии» чеченцев не оказалась способной направить революцию в антиавторитарное русло — никакие архаические антиавторитарные общественные строи не могут существовать в окружении современного капитализма, нет никаких путей обратно в прошлое. Ну и по большому счету такие попытки не были приняты — вероятнее всего, Дудаев просто пытался быть маленьким Ельциным, или Ельцин — большим Дудаевым. Разгром чеченского парламента Дудаевым в 1992 году был повторен Ельциным чуть более года спустя в Москве. В июне 1993 года Дудаев уже стрелял из танков по мэрии и митингу оппозиции.

Прежде всего, пример чеченской революции является веским аргументом против тех марксистов (в первую очередь левых коммунистов), которые считают, что только материальные условия и классовый состав движения определяют его судьбу, и коммунизм возникает сам собой. Это не так — никакая эмансипация невозможна без охвата антиавторитарными идеями воображения широких масс. И тут дело не в «отсталости» Чечни — на самом деле, в советской Чечне промышленность была более развита, чем во многих других республиках — только преимущественно русский промышленный пролетариат оказался в привилегированном положении по отношению к преимущественно сельскому или люмпенизированному чеченскому пролетариату.

Постколониальные процессы, направленные против бывших представителей привилегированных слоев, были намного более жесткими, например, в Алжире и в Занзибаре 60-х годов. Но то, что произошло в Чечне 1991—1994 годах, является напоминанием анархистам о том, что не всякая революция — анархическая, даже тогда, когда она насильственная, не несет (только) этнический характер и двигающей силой ее являются самые низкие слои общества. Кроме второй и третей характеристики необходим еще и охват антиавторитарными идеями значительной части движения — иначе, скорее всего, повторится судьба Чечни — кровавые конфликты между разными фракциями элиты, безнаказанность бандитизма, жертвами которого становятся часто именно этнические меньшинства, хотя и не только они.

АНАРХИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ

Наверное, при отсутствии взрывов 1999 года антивоенное движение было бы унылым, но после их совершения антивоенного движения на улицах не было вообще. В итоге прошло 4 месяца после войны перед тем, как антимилитаристы набрались храбрости выйти на улицы, и первыми в Москве выступили анархисты в январе 2000 года (вроде бы до этого уже были жалкие пикеты в некоторых других городах). Скоро появились и другие силы (либералы и троцкисты), и возник вопрос о сотрудничестве — в этом плане в Москве и в Питере события развивались в разных направлениях.

В Питере все антивоенные силы, заинтересованные в уличной деятельности (анархисты, либералы, троцкисты) договорилось о совместном антивоенном пикете, где все присутствовали со своей политической символикой. В Москве либералы не хотели присутствия политической символики на пикете, но из-за характера лозунгов («переговоры с Масхадовым» вместо «никакой войны кроме классовой») еженедельный пикет, по сути, все-таки носил либеральный характер.

Вопрос о политических символах — тонкий, и, на самом деле, во множестве случаев в течение последних лет анархисты видели свою роль в общественных движениях Москвы как защитники автономности протестов от политических партий, и тогда целесообразно настаивать на отсутствии атрибутики вообще, в том числе анархической. Но когда предлагаемые решения проблемы носят уж очень идеологический характер, как это получилось с Кавказом, анархическая символика на акциях помогает подчёркивать различия между решениями, предлагаемыми анархистами, и решениями, предлагаемыми другими политическими силами.

Самостоятельные анархические антивоенные пикеты накрылись уже весной 2000 года, и немногие анархисты стали ходить на еженедельный либеральный пикет. «Автономное Действие» в Москве сделало вывод, что участие в еженедельном пикете, скорее всего, носит только символический характер, малочисленность пикета не соответствует широкому распространению антивоенных позиций в обществе (против разных аспектов политики Путина на Северном Кавказе, согласно общественным опросам, в разные периоды выступали 30-50% населения).

Поэтому московская группа «Автономного Действия» стала искать альтернативные пути противостояния происходящему — в начале сбор гумпомощи и распространение наклеек с адресом антипризывного сайта казанских анархистов, потом (с 2004 года) организация фестиваля «День дезертира». Осенью 2002 года, после захвата заложников на Дубровке боевиками и в отравления их газом, антивоенное движение в Москве поднялось в последний раз, но ненадолго, и последним ударом по «антивоенному единству» стало предоставление платформы на акциях московского антивоенного комитета такому кандидату в президентской гонке 2004 года, как Ирина Хакамада. Антивоенные настроения в российском обществе всегда были распространены намного шире узкого слоя либеральной интеллигенции, которая сочувствует США и неолиберализму, но либеральные участники комитета этого не понимали, и, в итоге, «Автономное Действие» в Москве разорвало сотрудничество с ними уже во второй раз, и на этот раз навсегда.

Мы никогда не были готовы сотрудничать с либеральными партиями, которые участвовали или хотели участвовать

в выборах, но мы были готовы сотрудничать с общественными организациями без четко определённой партийной позиции, даже если сами участники этих движении были по взглядам преимущественно либералы. Но, к сожалению, они не увидели ценности в сохранении политической независимости своих общественных организаций.

ФЕСТИВАЛЬ «ДЕНЬ ДЕЗЕРТИРА»

«Автономное Действие» в Москве уже в 2001 году выбрало борьбу против призыва в качестве тактического метода антивоенной борьбы — естественно, мы никогда не поддерживаем профессиональную армию, мы поддерживаем черную гвардию добровольных антибуржуйских ополчений, но вокруг вопроса призыва интересы рабочего класса России и Чечни встречаются как никогда. Лейбл фестиваля «День дезертира», организуемого ежегодно с 2004 года — сознательный эпатаж, естественно, мы далеко не всегда можем поддерживать военнослужащих, которые бегут из частей, вооружённые автоматами и убивая сослуживцев. Но мы можем их понять, и другие, более рациональные формы дезертирства, по большому счету, являются единственной правильной реакцией на империалистические войны.

Мы выбрали такой лейбл, чтобы в самом начале заявить о своей принципиальной позиции, и о неприемлемости реформ вроде «профессиональной армии» или «переговоров с Масхадовым». Только путем заявления подобной принципиальной позиции мы могли развить автономный анархический политический субъект в России, который иначе бы потерялся в общей массе либералов и «леваков» («левизна» которых часто под сомнением).

«День дезертира» стал успешным, первоначальной целью не было создание традиции, но в этом году его организовали уже в пятый раз (на этот раз впервые не в Москве, а в Кирове), также он стал эталоном других межгородских анархических мероприятий, которые вскоре за ним последовали («Черный Петроград», «Либертарный форум», «Гендерный фестиваль» и т.д.). В итоге, эти междугородние анархические мероприятия фактически заменили съезды формальных анархических организаций как главную форму межгородского общения движения. Таким образом, в корне трансформировалось анархоизвижение в России. Несомненно, после очередного «Дня дезертира» у людей гораздо больше позитивных настроений,

чем после очередного антивоенного пикета, то есть, по крайней мере, в этом плане новую тактику можно считать успешной.

Но, несмотря на то, что первый «День дезертира» был организован в память 60-летия чечено-ингушской депортации, постепенно антивоенная тема ушла на задний план, и в этом году в Кирове поднимали, фактически, исключительно антиармейские вопросы. Интенсивность конфликта уже много лет идет на спад — чем меньше новостей о диверсионных атаках, тем меньше эта тема занимает кругозор анархистов и общества в целом. И, парадоксальным образом, поражение анархистов в антивоенном плане открыло пути новым направлениям деятельности. Поскольку северокавказский вопрос уже не является темой ежедневных новостных выпусков, анархисты могут заниматься более плодотворными темами, чем антивоенная, которая с самого начала была осуждена на поражение. И это потому только, что одно «существенное меньшинство» антивоенно-настроенного населения ничего не значит, если не существует политических структур, которые способны организовать их к сопротивлению.

Поражение кампании против второй чеченской

Но ни у анархистов, ни у других антивоенных сил таких структур нет. Во времена перестройки анархическое движение связало свою судьбу с общим демократическим движением, и совершенно не было готово на скорость и дерзость ельцинского предательства. К чести либералов надо сказать, что самые вменяемые из них также поняли происходящее уже заблаговременно до начала Первой чеченской, но после долгих лет построения либералами базы поддержки лжедемократическому сегменту номенклатуры, массовка осталась либо там, либо в полной апатии, пытаясь выжить в условиях шоковой терапии начала 90-х. Менять курс было уже поздно, и анархисты, «демократические леваки» и «совестливые либералы» оказались без массовой базы, что уже стало заметно во время Первой чеченской. Тогда, несмотря на антивоенную пропаганду в СМИ олигархов, которые надеялись получить дивиденды от Ельцина, оказывая на него давление путем антивоенной пропаганды, выступления даже во время Первой чеченской были довольно вялыми. Ну и вообще, в истории фактически не было случаев, когда удавалось остановить империалистские войны одними только усилиями гражданского населения самых империалистских стран, а в случае победы антиимпериалистических движений (например, во Вьетнаме) наибольший вклад всегда делали сами партизаны.

Но в Чечне с самого начала баланс сил был слишком неравным — победа сопротивления в первой войне уже была чудом, которое не имеет аналогов в современной истории, и не удивительно, что не удалось его повторить. И причины поражения во второй войне были установлены уже в 1996 году, когда в Хасавюрте не удалось добиться признания суверенности Ичкерии Россией. То есть, несмотря на чудо-победу на грани возможного в Грозном, в дипломатическом плане сопротивлению удалось добиться только ничейного результата. Это, скорее всего, было понятно и Масхадову, и Басаеву, — но только второй решился на продолжение войны, а первый понял, что ресурсы сопротивления уже полностью исчерпаны, и он, скорее всего, понадеялся, что какое-то чудо развалит Россию, что позволило бы Ичкерии установить независимость de jure. Но чуда не случилось.

Сейчас из-за успешной «локализации» конфликта (когда его ведут в основном местные армейские и милицейские структуры) жители остальных регионов РФ — лишь небольшая часть от потерь, и еще меньшая среди них доля призывников. Также благодаря укреплению контроля над СМИ, война фактически исчезла с телеэкранов, и для большинства населения уже закончилась совсем. Единственная надежда сопротивления сейчас — какой-то глобальный кризис, который полностью развалит Россию и остановит приток бюджетных дотаций местной элите, но текущий энергетический кризис наоборот усиливает федеральную власть в России.

Но упрямство питерских анархистов (фактически 8 лет непрерывных еженедельных антивоенных пикетов) тоже заслуживает похвалы. Было время, когда в пикетах участвовали меньше, чем 10 человек, и все это казалось совершенно безумным мазохизмом, но в какой-то момент численность начала расти, и в 2004-2007 годах в пикетах регулярно участвовали десятки людей, из которых иногда 90% были анархистами. Питерским анархистам удалось завоевать открытое городское пространство, куда регулярно в течение двух часов любой горожанин смог бы приехать и общаться с анархистами, и покупать анархо-литературу. Это достижение стало возможным только путем упрямства и самопожертвования — неоднократно приходилось защищать пикет, сначала с палками, потом с ножами, и, в итоге, один из старших его участников был вынужден покинуть пределы РФ, когда спецслужбы стали использовать один из случаев самообороны как повод для репрессий против движения в целом.

В итоге самые главные проблемы питерского анархического антивоенного движения были связаны не с его тактикой, а с его позицией, конфликт вокруг которой, в итоге, расколол и полностью уничтожил самую старую на тот момент в бСССР анархогруппу, Питерскую Лигу Анархистов.

Позиция ПЛА всегда была позицией поддержки сопротивления (с неодобрением нападения против мирного населения)

и объединения всевозможных антипутинских сил, исходя из предположения «сначала свергнем власть, а уж потом между собою разберемся». Московское «Автономное Действие» никогда не одобряло подобного «экуменизма», мы исходим из позиции, что никто нас не будет поддерживать, если мы не можем предложить достойной альтернативы существующему строю. Если мы когда-нибудь и действовали вместе с другими антивоенными силами, то это всегда происходило только при условии, что у нас будет возможность четко представить анархическую альтернативу империалистическим войнам — братство пролетариата обоих сторон фронта против их собственных начальников.

Позиция ПЛА частично обоснована, поскольку в 1994 году все-таки именно федеральная власть начала масштабное кровопролитие — внутренний конфликт в Чечне существовал до этого, но Ельцин увеличил его масштабы до совсем иного уровня. Но чтобы убедить людей в наличии альтернативы, нужно им ее представить — ведь человеку, который наблюдает общий фронт со стороны, как правило, кажется, что эти люди сами не знают, чего хотят. Сегодня вся российская оппозиция разваливается, и только анархисты на подъеме — это говорит о том, что мы были правы, когда настаивали на сохранении собственных позиций в отношении чеченской войны. Если бы анархисты стали сливаться с общим фронтом в 2000 году, нас уже давно не было бы вообще.

ПОРАЖЕНИЕ – ЭТО НЕ КОНЕЦ БОРЬБЫ

То есть, несмотря на то, что главными виновниками эскалации конфликта были именно российские власти, «Автономное Действие» Москвы никогда не могло поддерживать ни национальные, ни исламистские элементы чеченского сопротивления. Мы всегда предлагали третий вариант — объединение пролетариата обоих сторон конфликта против своих вождей. Но на практике после начала первой войны такой «третий субъект» фактически отсутствовал на месте, люди в Чечне были слишком заняты выживанием, чтобы противостоять своей власти.

В какой-то степени сейчас такой силой является движение против исчезновения людей, в котором в основном участвуют невооружённые женщины (судья по всему, на Кавказе считают, что мужикам не достойно что-либо спрашивать у власти без автомата). Также таким движением, несомненно, являются жители Махачкалы, которые после распада городской инфраструктуры из-за коррумпированности власти прошлой зимой строили баррикады, судья по всему, стихийно. Но, к сожалению, несмотря на то, что такие инициативы уже не первый год наблюдаются на Северном Кавказе, анархическое движение России пока оказалось недостаточно сильным, чтобы создавать с ними достойный союз. Третий пример — движение матерей Беслана, но из-за общей политической ситуации, которая не допускает наказания людей, открывших штурм и стрелявших по детям-заложникам танками, оно постепенно направляется в безопасное для власти антиингушское русло.

И при отсутствии подобной третьей силы позиция поддержки сопротивления, конечно, весьма привлекательна для радикалов, поскольку бородатые мужики с автоматами, несомненно, гораздо более круты, чем бабушки с плакатами о своих похищенных сыновьях. В итоге, некоторые люди из ПЛА нашли общий язык с антиарабским и антирусским расистом Борисом Стомахиным, который сейчас отбывает срок, в том числе и за «унижение человеческого достоинства группы лиц по признакам национальности», которое он, несомненно, совершал (это, конечно, не означает, что человека следует сажать за одни только высказывания, лично по мне, ему бы хватило умеренного физического воздействия).

Русофобия является если не неизбежным, то, по крайней мере, логическим концом на пути поддержки националистического и исламистского сопротивления, и в последствии пути анархистов разошлись, и антивоенный пикет в Питере унаследовали в основном те, кто в начале отказались от интернационализма, а потом от анархизма вообще. Некоторые питерские товарищи нас критиковали за то, что в Москве мы «недостаточно уделяли внимания антивоенной теме» — но вместо ритуальных протестов мы пытались найти какие-то творческие и новые подходы, очаги влияния — мы не отрицали важности чеченской тематики, но сама актуальность темы ещё не определяет приоритетов. В плане результативности невозможно считать успешным ни «питерский», ни «московский» подходы, но, по крайней мере, в Москве нам удалось установить определённые способы действия, которые позже помогли местному анархическому движению выйти в плане действий на следующий уровень.

Кроме путей АД-Москва и ПЛА, был ещё и третий путь противодействия — анархо-синдикалистский московский МежПрофессиональный Союз Трудящихся делал антивоенные наклейки и присутствовал на некоторых антивоенных акциях, но никогда не делал ставку на антивоенные акции как таковые. Они предпочли искать конфликты на рабочих местах и в других областях, которые открыли бы пути развития такому общественному движению, которое смогло бы сделать вызов капитализму и таким последствиям капитализма, как империалистические войны. Тут есть определённый смысл — понятно, что антивоенные акции в том виде, как они проходили, были скорее символическими акциями для очистки совести, чем реальным способом остановить войну. С другой стороны, нет сомнений в том, что в начале 2000-х годов чеченская проблема была самой актуальной в обществе, и АД-Москва решило, что было бы преступлением молчать, несмотря на отсутствие возможностей реально влиять на происходящее. Путем организации акций протеста, мы, по крайней мере, смогли прервать ситуацию полного молчания в обществе, и найти тех немногочисленных людей, которые также были готовы действовать вопреки всем шансам. Легко быть анархистом в революционные времена, но подвиги, которым мы сейчас завидуем, легки, когда у тебя есть ощущение поддержки и одобрения обществом вокруг тебя. Самые настоящие революционеры — это как раз те, кто не падает духом даже в условиях полной изоляции. Мы почти пали духом, но все-таки выдержали это испытание.

Петр Афос

БИЗНЕС ПОД КРАСНЫМ КРЕСТОМ

Государство и фармакологические корпорации легализовали наркоторговлю

Москва, сентябрь, ночь с пятницы на субботу. Одна из круглосуточных аптек крупной сети в центре, около метро «Третьяковская». За последний год у её выхода выросло два новых мусорных бачка. Но это все равно не помогает — пустые пачки из-под «Терпинкода» валяются уже в нескольких сотнях метрах от аптеки. По ним, как по горячим следам, дорогу к аптеке найдет даже немой и глухой, тот, кого язык до Киева не доведет. Мусорные бачки, как рассказала мне уборщица тетя Нонна (приехала из Грузии пять лет назад, здесь в аптеке работает уже три года) поставили специально для молодежи, которая запихивает в рот противокашлевые таблетки, едва выйдя из магазина.

«Уж я сколько воевала с ними, сколько просила! — с легким акцентом говорит тетя Нонна. — Все без толку. Все равно сорят эти наркоманы. Да что им — лишь бы сожрать этой гадости, пивом запить и идти потом по подъездам гадить, нашей сестре и там говно подкидывать! На вопрос о том, сколько человек ежедневно заходит сюда, чтобы купить противокашлевые таблетки, тетя Нонна по-восточному экспрессивно всплескивает руками: «Ой, дорогой мой! Да кто ж сосчитает их, гаденышей! Бывает, обычно ближе к ночи, что к провизору стоит очередь человек пять-десять. Один раз ВСЕ в очереди стояли за терпинкодом. На предпоследнем посетителе он кончился, и приличного вида два молодых человека — ну вот как ты прям, в костюмах! — купили вместо него «Коделак». Я слышала, как они выходили расстроенные, мол, от коделака эффект не такой сильный!

Господи, вот и придумали же себе развлечение! — сокрушается тетя Нонна».

Сведения, которые я почерпнул из разговора с провизором этой аптеки, оказались лишь чуть более развернутым повторением сказанного тетей Нонной. При том, что уговорить Валентину М., стоявшую за прилавком аптеки, было непросто. Она долго делала вид, что не понимает, о чем я. Говорила, что противокашлевые таблетки разрешены к безрецептурному отпуску… И лишь когда мне удалось доказать ей, что я всего-навсего корреспондент журнала, а не сотрудник каких-то неведомых органов, наконец разговорилась.

Да, «Терпинкод» сейчас — последние года три-четыре, — один из самых ходовых товаров, сравняться с ним может разве что настойка боярышника (самый дешевый алкоголь в нашей стране). За сутки стабильно уходит минимум 100 пачек — это не говоря о других кодеинсодержащих; иногда случается в разы больше. Валентину удивляет, что несколько пачек терпинкода (верный признак «нецелевой» покупки — не для купирования кашлевого синдрома) подчас берут весьма прилично одетые люди, по которым внешне никогда не скажешь, что они — наркоманы. На вопрос, не собираются ли кодеинсодержащие переводить на рецептурный учет, Валентина пожимает плечами: «Слышу об этом уже четвертый год подряд. Не знаю — сами видите, ситуация не меняется».

ГОЛОСА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Вадим Н., 33 года, тележурналист

«О терпинкоде и о его доступности я узнал от своего знакомого, — драгюзера с большими стажем и эрудицией. В одной из наших бесед он как-то обмолвился, что есть такие таблетки, «Терпинкод» называются, так вот они — кодеинсодержащие. Все это он, неслабо сидящий время от времени на опиатах, описывал в ярко выраженном негативном контексте. Добавил, что есть даже персонажи, успевшие приторчаться к нему. Информация эта прочно засела у меня в голове. Как и любая информация о каком-либо новом наркотике.

Дело было в Останкинском телецентре, я сидел вместе еще с двумя редакторами в комнатке, где заполнялся сайт нашей телекомпании. Положив трубку, я сообщил своим коллегам о том, что мне необходимо минут на сорок покинуть их и двинул в аптеку…. Но попробовал я в тот — первый! — раз не «Терпинкод», а «Коделак» — таблетки с таким же содержанием кодеина, но в другом, так сказать, окру-

жении. Десять неприятно-пресных на вкус таблеток были проглочены мною в маршрутке, которая везла меня от аптеки в район метро «Рижская» к телецентру. А минут через десять после того, как я сел за компьютер в нашей комнатке, начался и эффект. Приятное расслабление, теплая такая вата внутри. Все это мне очень понравилось, и с тех пор иногда я шел в аптеку и покупал упаковку «Терпинкода» или «Коделака».

Любил сопровождать этим веществом важные события в своей жизни — так прошла моя, например, свадьба или рождение ребенка. За рождением ребенка кодеин мало-помалу занял собой всю изнанку моего существования целиком; постепенно я начал употреблять его ежедневно. И длится это до сих пор...»

Иван Ф.

«Я уже восемь или девять месяцев употребляю кодеин, в таблетках от кашля. Прилип к этому так плотно, что сам себе удивляюсь! Подскажите, пожалуйста, как избавится от этой дряни, надоело! Проблема моя скорее не в самих таблетках, а в их доступности!»

Nulorilll, один из администраторов сайта www.drugusers.ru

«Это, конечно, меня не красит, но признаюсь: я два года ежедневно ел «Терпинкод», сначала по три пачки, потом... Даже вспоминать не хочется... Параллельно колол героин, он же перец, сначала тоже не регулярно, последний год — каждый день. Потом бросил, всё и сразу... отходы от перца длились ну неделю — максимум, с терпина ломало/подламывало (именно!) три недели, кумарило ещё два месяца.

Не спал, ходил с трудом, про депры вообще молчу... Лично мне расставание с кодеином далось гораздо труднее, чем с героином. Так что думайте».

Михаил Н., дизайнер

«Плотно начал его употреблять практически сразу, в моей жизни начались жуткие перемены не очень приятные, я потерял человека которого любил, жилье, очень переживал. Человек я очень впечатлительный и то, что обычные люди даже не заметят, во мне вызывает бурю протеста или наоборот радости! И я почти каждый день стал употреблять «Терпинкод» не из-за какого-либо кайфа, а только потому, что он помогал мне заснуть и чувствовать себя спокойно! И того я употреблял его около пяти лет.

Денег уходило очень много, но не сразу, с начала мне хватало одной пачки в день, по тем временам «Терпинкод» стоил 70 рублей, «Коделак» 50 рублей. Но даже при таком раскладе это било по карману! До недавних пор я тратил по 500 в день! Сидя на этом дерьме я уже стал забывать, что такое настоящие чувства. Я думал только о том как бы не остаться вечером без денег и купить себе пачечку; я стал плохо владеть своей памятью.... У меня начались проблемы в личной жизни.

Как проходил процесс завязывания? Было жёстко — сначала сам пытался; первый день ничего, можно держаться, на второй потеешь ночью и нервы шалят, на третий день болят суставы на ногах так, что не можешь спать!.. Это было жутко, но не смертель-

но, обычно с снотворным типа «Донморил» получалось заснуть. В конце недели все проходило, и вот радость жизни! Я свободен, думал я. Потом еще одна неделя — никакого кодеина — и того две недели не торчал. Но потом поругался со своей, очень сильно поругался, и не смог пройти мимо аптеки — снова начал принимать... Так как очень переживал. Я слабый человек и не мог бороться... Со своими переживаниями. Я даже ходил каждый день в церковь. Думал, помогло, а потом снова и снова в аптеку...

Лечился я в клинике «Мерамед» . Не знаю насколько их способ полезный — но это помогает, и самое главное они снимают психологическую тягу. Врачи тебя не бросают с самого первого обращения. Даже если ты не заплатил, они звонят тебе, поддерживают...

...А Москве во всех парках, скверах, на улицах, около аптек валяются пустые пачки из под Терпинкода, да я даже в лесу его видел. В аптеках его уже на кассах хранят. Это же самый ходовой товар! например сеть «36 и 6» на «терпинкод» снизила цену! Потому что он у них тоннами идет. Это из моих личных наблюдений...»

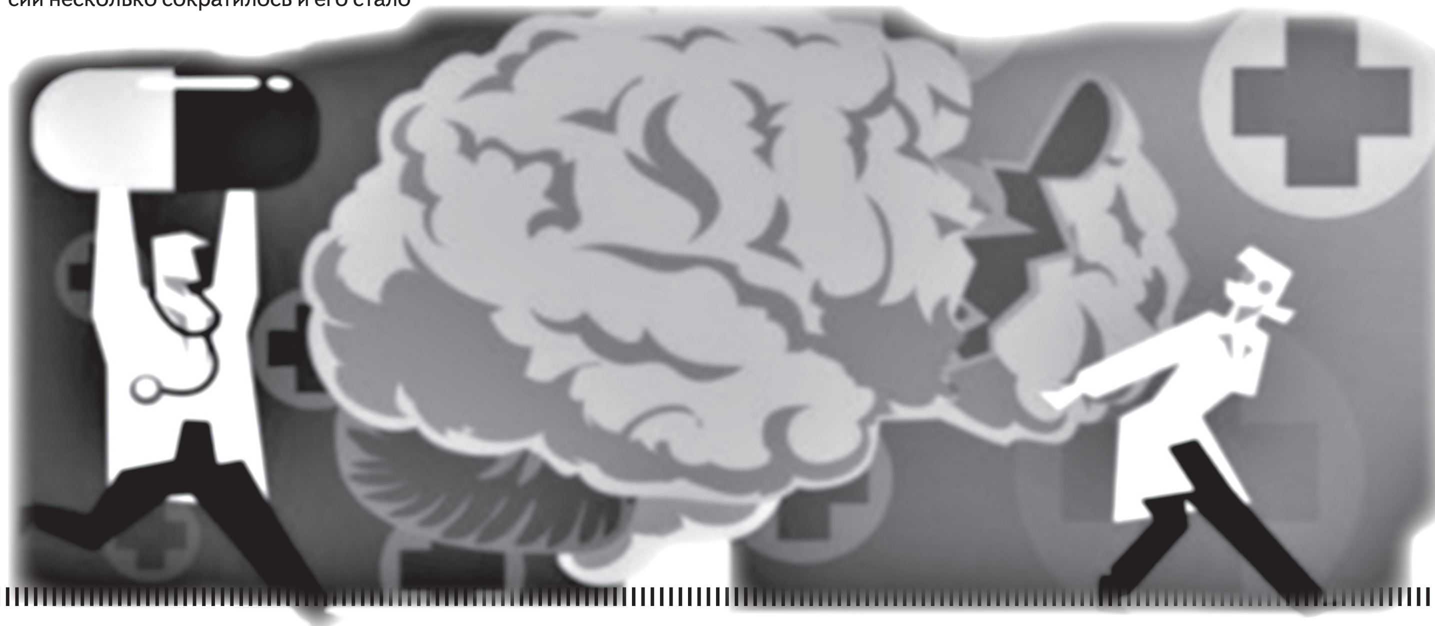

ГОЛОСА ЭКСПЕРТОВ

Иеромонах Анатолий (Берестов), руководитель Душепопечительского центра святого праведного Иоанна Кронштадтского, доктор медицинских наук

«В советское и перестроечное время все препараты кодеина продавались только по рецептам. Однако с 2001 года, когда количество героина в России несколько сократилось и его стало трудно достать (из-за неурожая мака в Афганистане), кодеиновые препараты выпустили в свободную продажу в аптеках, и сотни тысяч, а может быть, и миллионы молодых людей, «подсели» на кодеин. В постановлении правительства РФ от 6 мая 2004 года перечислены препараты, содержащие кодеин, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля.

Однако в этот список не вошли «Кодипронт», содержащий 30 мг кодеина, «Коделак», «Терпинкод» (8 мг кодеина, не путать с «Кодтерпином», который вошёл в правительственный список), и другие. К тому же, все препараты кодеина — и вошедшие в спи-

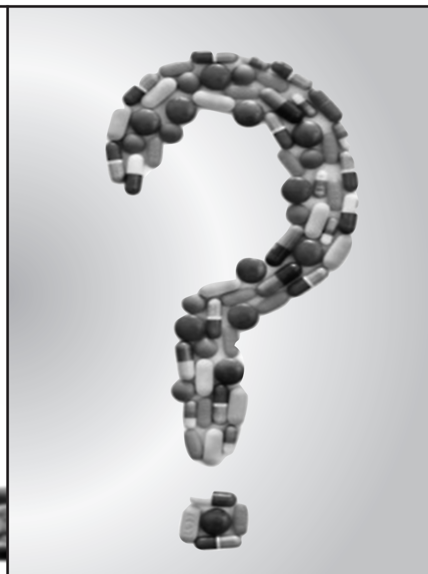
сок, подлежащие контролю, и не вошедшие — как свободно продавались до выхода постановления, так и продаются и даже рекламируются, причём в рекламе указывается доза кодеина.

Действие их на мозг очень тяжёлое. Психические нарушения держатся после приёма в течение нескольких дней, а иногда до недели. Кодеиновые препараты запиваются как правило пивом или принимаются вместе с феназепамом для усиления наркотического эффекта. Все наркологи и другие специалисты, работающие по реабилитации наркозависимых, отмечают, что это значительно затрудняет процесс реабилитации.

Преимуществами применения кодеиновых препаратов для наркозависимых являются: легальность и простота применения, дешевизна, пероральное применение — нет необходимости в инъекциях, длительное действие, отсутствие угрозы со стороны правоохранительных органов....Таким образом, в России наряду с нелегальным наркорынком существует и легальный, санкционированный правительством и даже поддерживаемый им. Этот наркорынок поставляет свободно без рецептов в аптечную сеть препараты с наркогенным эффектом, такие как: кодеинсодержащие препараты, «Трамал», «Стадол», эфедринсодержащий препарат «Солутан» и другие».

Евгений Липатов, заместитель главного врача Коломенской психиатрической больницей №6

«Кодеин — это алкалоид опиума. Он был выделен в 1832 году и применялся в лечебной практике сначала как противокашлевое средство, а затем, после того как были обнаружены анальгетические свойства этого вещества, как обезболивающее, вместо морфина. В 1930—40 годвх кодеин начали употреблять в качестве наркотика. Пик кодеиновой наркомании пришелся на 70-80 годы. Воздействие кодеина на человека аналогично воздействию опиума. При употреблении наркоманом кодеина, также как и опиума, с каждым разом уменьшается время блаженства, и усугубляются неприятные ощущения. Кодеиновая зависимость также сродни опийной, одна из самых сильных в ряду других наркотических привязанностей.

Самое страшное, что в последнее время таблетки, содержащие кодеин, стали особенно популярны в подростковой среде, среди старшеклассников. Для детей 16-17 лет такой наркотик наиболее доступен. В основном, они употребляют «Седалгин», «Темпалгин». В последнее время к этому ряду присоединился «Терпинкод». Стационарное лечение кодеиновых наркоманов длится до 1 месяца и включает в себя очищение организма, психотерапию, беседы. По-хорошему, такой род наркомании надо лечить около 6 месяцев. Но у нас нет условий: в одном отделении лежат и дети, и взрослые, и наркоманы, и алкоголики. Мы уже давно говорим о том, что нам необходим отдельный корпус для лечения подростков. В идеале в такой больнице нужен штат педагогов и психологов для детей. Квалифицированные специалисты помогли бы им вернуться к нормальной жизни».

Людмила Стебенкова, председатель комиссии Мосгордумы по здравоохранению и охране общественного здоровья (цитата из публикации в Интернете)

«Я не сомневаюсь: продажу наркосодержащих препаратов без рецептов лоббирует «Фармстандарт». Выпускаемый фирмой «Терпинкод» занимает на фармацевтическом рынке второе месте по объему продаж в России после таблеток для похудания. Бизнесменов не волнует здоровье детей и нации, они думают только о своих интересах, ведь ограничения лишат их громадных прибылей».

Алексей Архипов

ЗОМБИ ПЯТИДНЕВКИ

Можно ли избежать ловушек маркетинговых сект

Ты просыпаешься в 7.00, приезжаешь на работу в 9.00, уходишь в 17.00, ложишься спать в 23.00. Социалистический лозунг XIX века стал для жителей Северного полушария нормой — «8 часов работы, 8 часов отдыха, 8 часов сна». Нервная система человека работает в режиме «вкл-выкл», периоды нервного напряжения и аллертности, готовности преодолевать некие препятствия, сменяются периодами расслабления и забвения. Мы будто на несколько часов снова возвращаемся в утробу матери, где нет никаких угроз и потребностей. Или опускаемся в могилу, как кому больше нравится.

Цикл 888

Для сна природа определила ночь, когда 80% информации, получаемой человеком через зрение, становится недоступной. Впрочем, всеобщая электрификация сделала человека круглосуточным животным. Обществу удобно, чтобы его члены работали и спали одновременно, повышая тем самым производительность. Для этого придумана и пятидневка с сорокачасовой рабочей неделей. Выходные определены для культурного досуга и эксплуатации развлекательных учреждений. Господь увидел, что это хорошо, и, может быть, так будет всегда.

Смысл зомбирования прост: некие силы берут под контроль и изменяют ваш ритм жизни, модель поведения, придавая вам новую идентичность. Этим зомбирование отличается от гипноза — краткосрочного наведения на человека определенных свойств. В гипнозе манипулятор просто завладевает вашим вниманием и управляет вашим поведением, убедив в своей сверхчеловеческой компетентности. Возможно это только пока вы с ним в «суггестивной» связи, зомбирование же предполагает, что после некого воздействия человек просто станет другим и будет автономно выполнять необходимые функции неограниченный период времени.

Какие функции? Те, что будут запрограммированы в новом режиме, ритме жизни — от повседневных обязанностей до подвигов, связанных с риском для жизни или даже с самопожертвованием. Термин «промывка мозгов» (brain washing) обрел популярность в 50-х годах, когда после провальной корейской войны американские солдаты, попав в плен и будучи помещены в специальные концентрационные лагеря, подверглись там некой обработке со стороны китайских специалистов, в результате которой по возвращению домой начинали давать странные интервью и совершать несовместимые с американским образом жизни поступки.

Многие из них вступали в компартию, обличали империалистических агрессоров, т.е. самих себя, хулили власть и демократию. Этих людей подвергали долгому принудительному лечению, после которого часть постепенно начинала возвращаться к «нормальной жизни» и политкорректным взглядам, остальные же так до конца и не признали своего помешательства. Именно тогда ЦРУ всерьез озаботилось обретением техник, позволяющих изменять и контролировать человека.

Ничего особенного

Надо сказать, что, на самом деле, китайские палачи и надзиратели не делали ничего особенного. Ими просто были систематизированы методы, древние, как сама жизнь и война. Известно, что у человека существует болевой порог чувствительности — та точка боли, за которой происходит торможение механизмов, отвечающих за рациональное мышление — это основа пыточного дела. Точно так же существует порог аллертности, возбужденности, постоянное превышение которого приводит к переходу сознания к более примитивному режиму работы.

Самый простой способ держать человека всегда в таком состоянии — не давать ему спать постоянным ярким светом, шумами, музыкой, побоями, чем угодно, не говоря уже о различных психотропных веществах. В какой-то момент человек доходит до этой точки и становится крайне подвержен внушению, на месте его разрушенного сознания можно возводить новые ментальные конструкты. В сочетании с голодовками, трудовыми повинностями, пытками и многочасовыми лекциями о грядущей победе коммунизма, такая техника почти неизменно приносила свои плоды.

В критической ситуации организм чувствует, что привычный ему алгоритм поведения, бытового или политического, в новой ситуации совершенно не работает, а работает другой, который и надо перенять как можно скорее, чтобы остаться в живых. Такое изменение происходит на уровне подсознания и сам человек не отдает себе в нем отчет.

Но со временем, когда до него это уже могло бы дойти, в сознании уже поселилась новая модель, новый механизм выживания, который успел обрасти рациональными аргументами и мотивациями. Смена «хозяина» произошла. Связь физического воздействия и ограничения сна с убеждениями человека, вероятно, была установлена ещё в первобытные времена. В каждом первобытном обществе существуют ритуалы «перехода», инициации, делающие мальчика мужчиной, девочку — женщиной, шамана — шаманом, вождя — вождем.

Эти ритуалы обычно связаны с разного рода испытаниями, зачастую опасными для жизни и здоровья. В идеале, такой ритуал вообще должен ставить человека на порог смерти, чтобы оттуда ему открылся весь простор его новой, предстоящей жизни. Людей избивают палками, морят голодом, выгоняют

в леса, замуровывают в домах. Главное же условие — соблюдение голодного поста и воздержание от сна. В результате, в полубреду-полукошмаре, туземец встречает сонмы духов и предков, которые приносят ему новый титул для новой жизни. В принципе, подобные ритуалы сохранились в рудиментарной форме во всех религиях — вспомним обрезание у иудеев и мусульман. Существует мнение, что в раннем христианстве во время крещения человека слегка притапливали в реке.

Человек уходит в монастырь для того, чтобы изменить свой привычный образ жизни, вырваться из оков обыденного потока событий. Сон и питание здесь строго регламентированы, выходные и будни имеют другой порядок, не такой, как «на гражданке». Именно долгое погружение в эту новую бытовую действительность является залогом того, что человек серьезно «ударился» в религию, а не просто философствует и «ищет себя». Один мой знакомый, проживший несколько лет в монастыре в лесу, но потом решивший вернуться к мирской жизни, как то раз поделился мыслью, что монастырская жизнь — это как героин, уже много лет назад бросил, а все что-то тянет, все что-то не то...

Бизнес-культы

Большинство сект, ориентированных на присвоение имущества и финансов своих адептов, используют техники, разработанные в рекламном бизнесе. Основной упор в их листовках и брошюрах делается на то, что новая квази-религия поможет вернуть долги, открыть свое дело, достичь успеха, выйти замуж и прочее. Все это иллюстрируется сотнями аляповатых примеров и огнями лучезарных улыбок. Зачастую сложно бывает отличить одних мошенников от других — тех, кто выдает торговую машину за религию от тех, кто делает религию из торговой машины.

Существуют сотни видов «бизнес-тренингов», их рекламами увешано все метро, обычно это прикрытие для своего рода индустриальных карго-культов. Термин «карго-культ» — из этнографии, так называется явление, когда жители отдаленных островов в Тихом океане начинали обожествлять белых мореплавателей и создавали свои новые микрорелигии, основанные на ожидании всеобщего рая после того, как на огромном корабле приплывут ангелы-белые люди и снабдят их всем необходимым для райской жизни из своих трюмов (карго — и есть трюм, в переводе).

Собственно, современные бизнес-культы функционируют по такому же принципу, с экономической стороны в их основе лежит банальный принцип финансовой пирамиды, но стимул и рекламный азарт приходит именно с помощью различных околорелигиозных практик. Да что там, многие серьезные компании и корпорации используют методики управления сознанием на своих корпоративных тренингах. В Интернете некоторое время назад появилась видеозапись с одного из таких тренингов «Связного». Полный зал, все сотрудники в унисон многократно изо всех сил кричат пару простых слоганов компании, раз за разом, в течение получаса. Причем с каждым повтором воодушевление только нарастает, что вполне логично, так как все участники уже погрузились в измененное состояние сознания.

Эффективность подобных «корпоративок» очевидна: улучшается внутренний микроклимат в коллективах, повышаются продажи, уменьшается число увольнений по собственному желанию, исков и претензий к руководству. Подобно футбольным болельщикам, объединенным в единый разум на террасах стадиона, теперь все эти люди являются членами небольшой бизнес-секты.

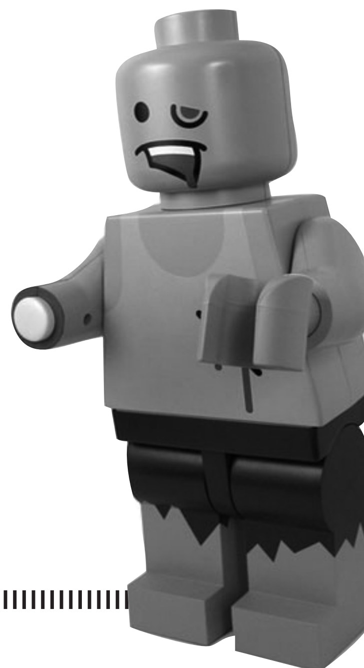
Кто-то другой

Понять, что на ваше сознание пытаются воздействовать, довольно легко. Например, в неком сообществе от вас требуют приходить на мероприятия в 6 утра, причем с некоторой регулярностью, или наоборот, задерживаться допоздна, не говоря уже о ночных бдениях. В помещениях звучит навязчивая музыка, которую вы потом никак не можете выкинуть из головы. Или вас самих побуждают петь, обычно хором. Конечно же, танцы играют очень важную роль, предпочтение опять-таки отдается групповым, но не дискотечного типа, а более напоминающим народные, где все участники совершают движения в рамках одной комбинации. Руководство ведет себя странно: то ругает, заставляя ощущать чувство вины на пустом месте, то, в определенные моменты, внезапно становится странно приветливо и дружелюбно. Периоды голодания сменяются шикарными праздниками, на которых, собственно, и происходит радостное объяснение неких жизненно важных истин.

Причем важно понять, что все эти действия ведут к изменениям в вашей личности вне зависимости от того, хотите ли вы того сами или нет, просто так устроен человеческий организм, при определенных условиях он переходит на другие программы. Урок всего этого в том, что некий коллектив может управлять нашим поведением не напрямую, в приказном порядке, а регулируя наши простейшие биоритмы сна, питания, отдыха и получения удовольствия. Если все сделано профессионально, вы и сами не заметите, как преобразитесь и будете искренним последователем какой-нибудь «великой» идеи или компании.

Но остается один вопрос. Даже если мы счастливо избежали попадания в религиозную, ультраправую, маркетинговую или иную тоталитарную секту, что делать дальше? Действительно ли мы сами управляем своим временем, питанием, сном или за нас это всегда делает кто-то другой? Ты просыпаешься в 7.00, приезжаешь на работу в 9.00, уходишь в 17.00, ложишься спать в 23.00. Перекусываешь до работы, голодаешь весь день, вечером ужин и сон. Так до вечера пятницы, субботу не помнишь, воскресенье — день похмелья. Кто запустил этот механизм? Кто сделал его обязательным для 80% жителей России? Что он задумал? И был ли бы ты сам другим человеком, если бы работал не 5 через 2?

Виктор Олкснис

О революционности причесок

Откуда есть пошли контркультуры, и к чему они приведут

Контркультуры не перестают интриговать современных радикалов. Мнения колеблются от одной крайности к другой — одни верят, что современная контркультура является зародышем общества будущего, другие считают, что это подростковые игры, которые не имеют ничего общего с общественными движениями. Однако редко встречаются попытки разобраться, откуда на самом деле появляются контркультуры, и какие функции они выполняют.

Все революционные движения имели свои контркультуры. Все бунтари создавали ритуалы, знаки, музыку, ценности, которые часто были в резком противоречии с нормами господствующей культуры. Несмотря на итоговое поражение этих движений, некоторые их символы живут по сей день, но с другим значением: например, как рукопожатие еретиков средневековья.

Производственные трансформации

Западная цивилизация имеет четыре ступени развития, три из которых были разрушены в процессе трансформаций, совпадавших с прогрессом производственных отношений. И появление новых типов производственных отношений совпадало с появлением новой господствующей идеологии. Замена рабовладельческой системы античности феодализмом совпала с распространением христианства, которое пропагандировало идею универсальной ценности человека (при условии принятия им христианской веры).

Христианская доктрина стала краеугольным камнем феодального строя, который в свою очередь был уничтожен крестьянскими движениями с как правило еретической идеологией, и окончательно — городскими буржуями, идеология которых была в начале протестантской, а потом светской либеральной. Реформированное христианство и светский либерализм стали идеями индустриализма, но мятежный пролетариат, не смогший заменить индустриальный капитализм свободным коммунизмом, по крайней мере заставил его коренным образом измениться — и наступила четвертая фаза развития (уже всемирной) цивилизации, время постиндустриализма.

Рок-н-ролл в древнем Риме

Чтобы понять современную контркультуру, надо понимать её общее с контркультурами прежних времен (ранним христианством, еретиками средневековья и культурой индустриального пролетариата конца XIX — начала XX века). Рождение современной контркультуры происходит как раз во время перехода индустриализма к постиндустриализму в 1930—1960-х годах, когда рабочие в развитых странах теряют свою идентичность как отдельный класс с отдельной культурой и ценностями, пролетариат прекращает быть революционным субъектом и в итоге перестает (временно?) быть угрозой капиталистической системе.

Многообразные современные контркультуры — они все так или иначе жалкие дети-ублюдки когда-то могучей контркультуры рабочих. Истоки рока основаны на музыке старого американского пролетариата — блюзе и фолке. Не случайно, что она по форме исполнения более унаследовала от Африки, чем от Европы (инструменты были именно европейскими) — это влияние средневековья. Христианская церковь всегда ставила ценности духовности в противоречие с телесными требованиями, в музыке это проявилась в развитии гармонии и противодействии ритмичности. Соответственно, в музыке европейской элиты ритм играл десятую роль. В музыке же европейского пролетариата ритм был не столь подавленным, но в Африке он остался гораздо более живым и прежде всего оттуда пришел в Америку, где уже от синтеза с европейской традицией рождались блюз и фолк.

Социальная мобильность

Во времени феодализма господствующая идеология старалась как можно больше сегрегировать элиту от народа — в понятие «голубой крови» вложена идея о том, что дворяне — вообще другой вид людей. Во многих странах Европы дворяне подчеркивали свое отличие, говоря на чужом языке: в России — на французском, в Финляндии — на шведском, в Прибалтике на немецком и т.д.

Согласно буржуйской идеологии индустриализма все с точностью до наоборот — в неё вложена ложь о том, что каждый может стать миллиардером путем упорного труда. Однако во времена раннего индустриализма эта идеология ещё не была общепринятой, у капиталистов просто ещё не было орудия интеграции пролетарской культуры в буржуйскую. Первых СМИ (газет) на это не хватало — с одной стороны, многие пролетарии не привыкли их читать, с другой, у многих газет рабочего движения тиражи не сильно уступали буржуазным.

Но при появлении радио и телевизора положение дел изменилось — пролетарская культура уже не была способна сохранить себя, поскольку первоначально её отдельность была во многом одним из последних остатков ситуации феодализма. Конечно, и культура элиты также была вынуждена во многом уступить — она уже не претендует на моральное превосходство и изысканность по сравнению с «простым народом», буржуй гораздо менее лицемерен, чем рыцарь средневековья.

Фабрика звезд

Во времена сегрегации культуры новаторы и исполнители блюза и фолка были анонимными, но когда развитие звукозаписывающих технологий и СМИ способствовало рождению массовой культуры и музыкальной индустрии, они стали знаменитостями. Первые поп-звезды, такие как Вуди Гатхри (Woody Guthrie) и Петр Сигерс (Peter Seegers), все ещё принадлежали к пролетарской контркультуре, нередко придерживались левых или коммунистических взглядов. Но так получилось, что неожиданно они стали частью процесса, который уничтожил культуру, которую они сами представали — СМИ и музыкальная индустрия организовали слияние пролетарской культуры с культурой буржуазии — так появилась массовая культура, которая живет и процветает до сих пор.

«Возрождение фолка» 1960-х годов на самом деле уже никаким возрождением не было — так, некрофильские поминки радикальных студентов и интеллигенции на могиле когда-то революционной культуры. Именно синтез, культурная общность элиты и подданных является необходимым условием выживания авторитарных систем, и элиты стремятся либо беспощадно уничтожать все отклонения, либо интегрировать их в свою систему. Именно из-за этого львов кормили христианами в Риме, из-за этого инквизиция так тщательно следила за духовной жизнью во времени средневековья, из-за этого буржуи XIX века сочли нужным разрешить пролетариату участвовать в электоральном цирке. И, естественно, то же самое произошло и в Советском Союзе — официальная культура «диктатуры пролетариата» делала все, чтобы искоренить «неприличную» народную культуру.

Современная контркультура

Это те остатки былой контркультуры пролетариата, те небольшие его фрагменты, которые отказались от интеграции в массовую культуру. Хиппи 1960-х годов считали, что они являются чем-то кардинально новым и революционным — но на самом деле их появление было знаком смерти революции. Разные направления современной контркультуры сохраняют разные аспекты ныне мертвой контркультуры рабочих — хиппи сохраняют традицию отказа от протестантской трудовой этики, панки представляют более буйный, агрессивный и разрушительный вариант того же самого отказа.

Но в самом чистом виде культура пролетариата начала XX века сохраняется в контркультуре, которая сегодня является самой маргинальной по количеству последователей — в контркультуре скинхедов. Скинхеды не любят работу, но не избегают её, они культивируют ценности, меньше всего востребованные в постиндустриальной системе производства — силу и маскулинность. Именно сила была истоком самоуважения мужского (и иногда и женского) рабочего класса времен раннего индустриализма.

Если у рыцарей феодализма сила и навыки сражения холодным оружием считались добродетелью, к XIX веку индивидуальные боевые способности уже не имели значения для сохранения привилегий, и элита уже предпочитала другие качества — просвещение или просто способность изысканно жить в ничегонеделании. Кроме скинхед-культуры ценности маскулинности и силы выживают в разных формах и в субкультурах металлистов и футбольных хулиганов, но в массовой культуре у этих ценностей все меньше места.

Удел молодежи

Почему современную контркультуру считают уделом молодежи? На самом деле это не совсем верное представление — первым рокерам уже за 70, хиппи за 60, панкам за 50 и рэперам за 40 лет. Большинство, конечно, уже давно бросили соответствующую атрибутику, но, тем не менее, контркультура во многом определила их интересы в жизни, некоторым удалось делать карьеру за ее счет. Но то, что новые (и старые) появления контркультуры привлекают прежде всего молодежь, имеет материальные причины.

Если в средневековье и во времена раннего индустриализма 16-летний человек был уже полноправным членом общества, то сейчас часто 25-летный делает только первые шаги в своей карьере. Существует довольно большая возрастная категория людей, которые в физическом и умственном плане уже взрослые, но которые либо не успели приобрести достаточную специализацию, либо без достаточного опыта и связей они востребованы только на самых низких ступеньках системы производства. То есть они должные искать самореализацию вне системы товарного производства. Также категория «молодежи» охватывает все более молодых людей — современный капитализм поддерживает миф о «свободной и беззаботной» молодости, и каждый должен в индивидуальном порядке реализовать этот миф в своей жизни путем покупки соответствующих товаров.

Этот миф столь ярко представлен в популярной культуре, что люди все раньше хотят перестать быть детьми и все позже хотят стать взрослыми. Категория молодости возникла из-за трансформации в производственных отношениях, но расширяется она уже под влиянием господствующей идеологии, которая как всегда является гарантией стабильности производственных отношений. Да, контркультура до сих пор связана с молодежью, но на самом деле «молодежи» уже может быть сколько угодно лет.

Революционный потенциал

Революцию контркультура несомненно сделать не может, если бы могла, она бы её сделала уже 40 лет назад. Следовательно, люди, которые путают контркультуру с революционными идеями, часто сильно разочаровываются. Показательный пример — канадские авторы Джозеф Хиз (бывший панк) и Эндрю Поттер, которые написали книжку на 460 страниц, предлагая детьми бросать контркультуру и заниматься партийной политикой, представляющую собой смесь социал-демократических и неолиберальных идей. Издательство «Добрая Книга» издало её в России под названием «Бунт на продажу», и благодаря успешному маркетингу книга нашла свою целевую аудиторию —«альтернативных интеллигентов», которые, естественно, согласны с бывшими контркультурщиками-профессорами, поскольку они желают ощущать, что они выше тех, кто стремится сражаться с современным капитализмом.

Но если Хиз и Поттер хорошо понимают, что такое крутизна, они совершенно не врубаются в то, что такое революция. То есть они неспособны рассматривать контркультуру в более широком историческом контексте. Постиндустриальная производственная система только что сформировалась, и естественно, что производственные отношения не скоро достигнут степени развития, которая позволит сделать следующий глобальный переход. Индустриализм жил в течение более чем полутора веков, и сейчас развитие общества уже гораздо менее бурное, чем в XIX веке. Быстро приближающийся конец наиболее востребованных природных ресурсов, конечно, ставит под вопрос выживание текущей мировой экономической системы, но в отличие от ранее перечисленных революционных движений, это угроза внешнего, а не внутренностного характера. Совсем не очевидно, что внешние угрозы могут создавать такой уровень внутреннего недовольства, от которого следует следующий системный переход, и на самом деле самые развитые экономики будут меньше всего страдать, поскольку в них очень высока доля нематериального производства.

Реакция 1970-х годов

Но не каждый разочаровавшийся интегрируется в систему как Хиз и Поттер. Некоторые не отказываются от протеста, но возвращаются к формам, которые существовали в прежних системах производства. Большая часть новых адептов анархо-синдикалистских, троцкистских и других радикальных политических групп во всем мире — это разочаровывающие панки и другие контркультурщики. И на самом деле этот процесс прошел во многих странах сразу после 1968-го года. Сейчас нам и 1970-е годы кажутся оплотом революционности, но разочарование в контркультурном бунте захватило многих сразу после поражения в Париже. Революционные организации и идеи более традиционные, времен раннего индустриализма, получили мощный приток новых сторонников.

Главные дивиденды от разочарования 1968-ого года получили маоистские, троцкистские и сталинистские организации, и только в Италии «возвращение к заводам» произошло в форме новой политической силы, «операистов», которые были прямыми предшественницами современных автономов. В 1969-ом году в США троцкистская фракция Worker-Student Alliance (Альянс Рабочих и Студентов), которая проповедовала возвращение к агитации промышленного пролетариата, завоевала значительное влияние в главной революционной организации студентов 1960-х Студенты за Демократическое Общество (SDS). Тогда последователи идей 60-х конкурентной тенденции, которая в итоге стала подпольными подрывниками Weathermen, посчитали необходимым расколоть организацию, чтобы нейтрализовать влияние «старых левых».

И в итоге вооружённые группы типа Weathermen или RAF не были более продолжателями духа 1960-х годов, чем их традиционалистские современники в троцкистских и маоистских группах — на практике они представляют собой ту же самую контрреакцию 1970-х: дисциплина и дух самопожертвования подпольной вооружённой группы заменили радость и разгильдяйство предыдущей эпохи, амфетамины заменили траву и ЛСД. Были и более анархические вооружённые группы («Злобная Бригада» в Англии и «Движение 2-го июня» в Германии), но их милитаристские конкуренты выживали гораздо более долгое время.

О 70-х годах мы сейчас помним именно вышеперечисленные вооружённые организации. Их деятелей убили или посадили, но от тех, с кем их пути разошлись, о деятельности многочисленных маоистских, сталинистских и троцкистских групп тех временах мы сегодня совершенно ничего не прочтем, столь неуспешными они оказались. И те, и другие были одинаково оторваны от реальности.

Итальянский вариант

Возможно единственным движением, которому в 1970-х удалось найти баланс между старомодными и новыми формами протеста, были итальянские автономы — что поразительно, поскольку их предшественники операисты в 1960-х годах занимались исключительно агитацией на заводах. После нефтяного кризиса 1973-го года безработица резко выросла, производственные отношения коренным образом изменилась, и борьба в крупной промышленности стала затруднительной. Сформировалось автономное движение в Италии, действующее не на производстве, а в обществе, субъектом его революционной теории (разработанной Тони Негри) уже был не «массовый рабочий», а «социальный рабочий» развитого капитализма.

Полем борьбы стали мелкие предприятиям, стоимость билетов в общественном транспорте, супермаркеты, ЖКХ и цены в кинотеатрах, поднимались проблемы феминистского движения (легализация абортов и разводов), создавались социальные центры, совершались убийства фашистов и продавцов героина. Теоретики итальянской автономии понимали, что капитализм уже охватил все сферы жизни, и теперь

любое человеческое взаимодействие является источником извлечения прибавочной стоимости.

В 1970-х годах автономам удалось обновить старый марксистский аналитический аппарат, и сбалансировать наследие старых массовых рабочих движений и новых требований поколения пост-60-х. Скорее всего, именно автономам удалось сохранять дух 60-х в самом мятежном виде. Но многие общественные процессы играли против них. Одновременно и вооружённые сталинисты «Красных бригад», и ультраправые пытались остановить насилием сближение компартии и партии христианских демократов (так называемый «исторический компромисс»), в итоге общественная обстановка в Италии крайне обострилась. В конце века в Италии наступила волна беспрецедентных репрессий, в отличие от движений 1960-х, движение автономов не было интегрировано в систему в изуродованном виде, а просто уничтожено. В итоге Италия пошла по тому же пути развития, что и все другие развитые страны.

Производственные отношения сейчас

Постиндустриальная форма производства кардинальным образом отличается от индустриальной — сейчас знание и знаки играют большую роль, чем мощность и пропускная способность конвейера. Классовое сознание может быть следствием только идентичности как части рабочего класса, но потеря идентичности рабочего — это не только следствие промывки мозгов массовой культурой, но также следствие трансформации в самой системе производства. Относительный валовой продукт рабочего все меньше, наглядный пример — кроссовки Nike, от цены которых доля зарплаты рабочего на индонезийском или вьетнамском заводе меньше 1%. Абсолютная численность промышленных рабочих в мире сейчас больше, чем никогда. Процесс производства изменился, большая часть товаров потребления сегодня столь сложны, что у рядового рабочего часто уже нет никакого ощущения, что он может овладеть производством, то есть если протест возникнет, он будет выдвигать чисто экономические требования.

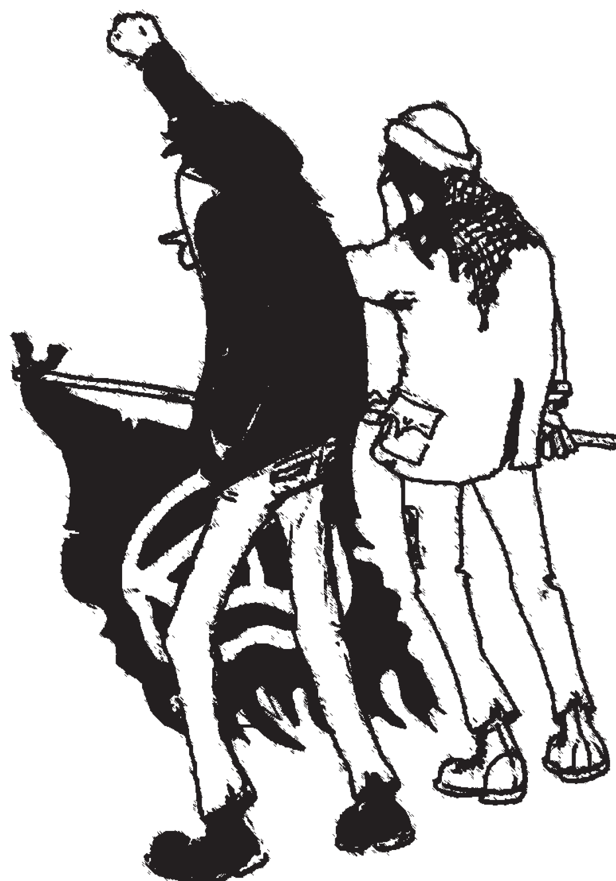
В постиндустриальной системе класс индустриального пролетариата никуда не исчез. Наоборот, она оторвала сотни миллионов китайских крестьян от их привычной среды и привлекла к особым экономическим зонам южного побережья страны, где производят товары для всего мира. Если предыдущие трансформации меняли структуру производства в целом, постиндустриальная трансформация только построила новый слой «экономики знания». То есть, заявления модных западных интеллектуалов (в том числе Тони Негри) о том, что промышленный пролетариат уже не является революционным классом, могут быть очень даже преждевременными. На Западе местный промышленный пролетариат действительно уже почти маргинализован, но пока остается открытым вопрос о том, как «новый интеллектуальный пролетариат» Севера может найти общий язык с промышленным пролетариатом Юга — сейчас очевидно только их взаимная зависимость.

Но если современная контркультура неспособна на революцию, то она может по крайнее мере хранить дух прошлых революционных волн, и возможно со временем вырастить что-нибудь, что уже будет способно бросить вызов системе в целом. Нет никакого сомнения в том, что во времена контрреволюции любые бунты завершатся поражением — либо физическим уничтожением, либо преобразованием системой требований и знаков бунта для своей пользы. Примеров об успешного преобразования знаков и требованийрадикальных движении бесконечное количество — морда Че Гевары как один из наиболее распознаваемых брендов современности, коммерческий успех панка и рок-музыки в целом, масса «альтернативных» диетических товаров в супермаркетах, «экологические» автомобили, войны «за демократию и права человека», заявления Путина и «Наших» о своем антифашизме... Но второй вид поражения не позорнее первого — оно доказывает, что наши требования имеют определённый отклик в обществе.

Та же революция 1960-х годов не свергла правительство ни в одной стране (в США и во Франции к власти наоборот пришли консерваторы), но её достижения несомненны — до 1960-х в даже самых равноправных странах запада считались, что одинокая женщина или женская компания в ресторанах — проститутки, во многих странах развод был затруднителен или вообще невозможен, многие виды контрацепции не были общедоступными, религия была глубоко внедрена в систему общего образования... Эти вопросы — не вопросы обладания средствами производства, но все равно они касаются нашей повседневной жизни. И даже если от современной контркультуры ничего не останется, и она полностью преобразуется к рекламу Sprite, нет сомнении в том, что у революционного движения будущего будет своя контркультура, откуда бы она ни появилась.

Понятно, что подавляющее большинство людей сейчас неспособны отличать «бунтарские продукты», которые им предлагает капитализм, от настоящего бунта, который на самом деле реально угрожает системе, но наличие любых форм протеста все равно заявляет о том, что жизнь на планете все ещё существует. И вопреки пессимизму позднего Ги Деборда, зрелища пока не охватили всего: например, журнал «Автоном» до сих пор если не в авангарде революции, то по крайней мере никакой прибыли издателям не приносит!

Михаил Антонов

УКРАИНСКОЕ РАБСТВО

Как работается зекам «одной из самых цивилизованных» стран бывшего СССР

В то время, как пролетарским слоям населения приходится с большей или меньшей интенсивностью вести борьбу с капиталистической эксплуатацией, на территории постсоветских стран существуют анклавы, в которых расцвели еще более древние экономические уклады. Например, в Украине, несмотря на признание ей многочисленных международных правовых норм, запрещающих рабство, принуждение заключенных к неоплачиваемому (рабскому) труду приняло широчайшие масштабы.

Бедолаги

В первую очередь рабский труд находит себе применение там, где существует особенно тяжелое, вредное для здоровья производство. Достоверно известно, что в Пенсионный фонд ни одна колония Украины не перечисляет ничего, и поэтому в случае производственной инвалидности даже самая маленькая пенсия бывшему зеку не светит. А инвалидов таких каждая колония выпускает в избытке. Какдальше будет мыкать горе потерявший трудоспособность бедолага, никого не интересует.

К примеру, почти в каждой колонии имеется деревообрабатывающий цех. Хотя администрации колоний и любят рассказывать журналистам байки о том, что они изготовляют мебель, основная продукция таких цехов — гробы и деревянные кресты. Во время моего пребывания в Полицкой колонии N76 (Ровенская область) в августе 2006 года только за один месяц двум заключенным отрезало на руке почти все пальцы.

С одним из них мне довелось пообщаться. С его слов, после травмы ему даже не ввели никакого обезболивающего и лишь через 6 часов повезли для оказания медицинской помощи. Первая забота оперчасти в этом случае — заставить зека подписать объяснительную, в которой говорится, что он «по своей вине нарушил правила техники безопасности». В подавляющем большинстве случаев запуганные, доведенные до животного состояния бедолаги подписывают это. Но даже если кто-то и не подпишет, шансы добиться через суд хотя бы какой-то компенсации практически равны нулю.

Сизифы

Имелся в ИК-76 и другой надежный способ остаться без руки или глаза — работать на изготовлении каменной плитки. В колонии это основное производство; плитка из натурального камня используется по большей части при строительстве особняков и приносит начальству большой доход. Норма для каждого зека — при помощи кувалды и зубила выбить за день 50 кг плитки. За невыполнение нормы закрывали в ДИЗО, где подвергали физическим наказаниям.

Когда с утра камаз привозит с карьера глыбы камня и вываливает, многие зеки кидаются немедля выхватить себе кусок поудобнее. А руку при этом может раздавить, что и случается. Выбивать плитку полагается в защитных очках. Но поскольку они очень старые и исцарапанные, в них ничего не видно, и зеки работают без них. Кусочки камня при этом летают по всему цеху и, бывает, попадают кому-то в глаз.

Моего знакомого Василия Чоповского после такого случая начальник оперчасти В. Каламбет всячески принуждал к написанию объяснительной о нарушении техники безопасности, но ничего не добился. У Василия, впрочем, зрение восстановилось. В другом случае 20-летнему парню глаз пришлось удалять, и объяснительную он подписал.

Богомольцы

Существует и еще одна технология заставить получившего увечье зека сносить это безропотно. В Краснолучской исправительной колонии N19 (Луганская область) моему знакомому Юрию Кацевалу на лесопилке отрезало три пальца на правой руке. Куда с этим идти молодому парню, в 18 лет попавшему в тюрьму за мелкую кражу? Но Юрий общался с сектантами-«пятидесятниками», которые успешно орудуют в большинстве украинских колоний, и те внушили ему, что это «бог наказал его за грехи», и что «Христос велел благословлять всех начальствующих», не исключая, разумеется, администрацию ИК.

Действующий в Украине уголовно-исполнительный кодекс обязывает администрации ИК начислять работающим осужденным заработную плату в размере не менее установленной минимальной, если они «выполняют норму и не допускают нарушения режима отбывания наказания». В большинстве колоний зарплата начисляется, но смехотворная: от 20 до 80 гривен (от 4 до 16 баксов), но реально эта сумма во много раз меньше. Поскольку потратить ее можно только в «отоварке», а там сбывается, как правило, негодный товар и по цене в несколько раз выше, чем на воле.

В итоге, проработав месяц, зек имеет возможность купить по килограмму-другому картошки, лука, чая, несколько пачек сигарет без фильтра, иногда — подпорченной колбасы. Однако, зеки, лишенные поддержки с воли, бывают рады и этому.

Кочегары

Казалось бы, какое отношение имеют нарушения режима к заработку? А вот какое: кто недоволен и начинает «качать права», требуя минимально установленной зарплаты, тому живенько напишут пару нарушений (например, за то, что одет не по форме, хотя формы никакой и не выдается), и права на минимальную зарплату уже нет. А расследуются трудовые конфликты примерно так. В ИК-19 я два месяца проработал кочегаром в Учебном центре.

Раньше за такую работу начисляли по 15 гривен (3$) в месяц. Но затем начальство решило, что и это слишком жирно, и перестало платить совсем. Пришлось по данному факту написать жалобу в Департамент исполнения наказаний и выгнать ее нелегально (ибо официально, через цензуру, ни одна жалоба из колонии не выходит). Департамент «спустил» письмо для проверки в областную управу. Вскоре оттуда пришел ответ, производящий сильное впечатление своей бескомпромиссностью: «По жалобе проведена проверка. Установлено, что никакой индивидуальной отопительной установки в Учебном центре нет; отопление осуществляется с центральной котельной колонии. В списках направляемых

на работу фамилии автора жалобы не значится». Хорошо хоть не привлекли к ответственности за то, что девал непонятно куда 14 тонн угля.

Сопротивленцы

Если в античные времена рабство нередко вызывало бунты, то в нашу эпоху акции протеста рабов-заключенных носят мирную по отношению к рабовладельцу форму. В основном, зеки пытаются апеллировать к общественному мнению. В неоднократно упоминаемой ИК-76 администрация не платила осужденным вообще ничего, считая, что трудом они зарабатывают себе УДО. Каждый зек мог отовариться на 2 гривны 10 копеек в месяц (!), но эти деньги представляли собой компенсацию за вредность, выплачиваемую рядом расположенной Кузнецовской АЭС, постоянно делающей выбросы.

Заработав на рабстве за год 3 миллиона гривен ($600 тысяч), начальник колонии В.В.Рак купил себе шевроле и ушел в отпуск. Но отдохнуть не вышло: 24 августа (в день независимости Украины) более 70 заключенных вскрыли себе вены. После этого спецназ ГДУВИН на протяжении четырех суток избивал всех находящихся в лагере осужденных, а все, вскрывшие себе вены, были отправлены в другие колонии. Однако, поскольку сюжеты о происшествии попали в программы ТВ-новостей, принуждение к бесплатному труду в колонии прекратилось.

В Сокирянской ИК-67 (Черновицкая область) осужденных принуждали к фактически бесплатной работе в соляной шахте — в нечеловеческих условиях по 12-16 часов в сутки. Там попытка изменить ситуацию была сделана с помощью однодневной голодовки. Обеспокоенная ростом числа аналогичных случаев администрация Ющенко издала указ о «поэтапном реформировании исправительной системы».

Однако, поскольку использование рабского труда приносит колоссальную прибыль, можно не сомневаться, что указ этот останется только на бумаге.

Илья Романов, Краснолучская ИК N19 (Луганская область, Украина), август 2008

НАШИ КОРПУНКТЫ

БЕЛАРУСЬ

Минск (и другие города Беларуси) belarus@avtonom.org
Солигорск (Минская обл.) nonexecution@gmail.com

РОССИЯ

Барнаул ad.barnaul@gmail.com
Благовещенск ad_blaga@riseup.net
Владивосток a-avtonom_vl@riseup.net
Вологда blackflag@list.ru
Иваново ad-ivanovo@front.ru
Ижевск avtonom18@yahoo.com, avtonom.cinema@gmail.com
Иркутск 664058, а/я 166, abejasiberia@gmail.com
Казань fnb-kazan@yandex.ru
Калининград ska-konig@mail.ru
Кемерово lesstears.moreaction@gmail.com
Киров xclasswarx@mail.ru, osna@yandex.ru
Краснодар 350001, а/я 3472, krasn@avtonom.org, asmodeys1@gmail.com
Мурманск 183050, а/я 4614, 22-89-73 (Александр), vp1@inbox.ru
Москва 109028, а/я 13, avtonom@avtonom.org
Нижний Новгород 603104, а/я 25, avtonom69@gmail.com
Новосибирск nsk@avtonom.org
Пермь ad_perm@rambler.ru
Санкт-Петербург ad-spb@riseup.net
Самара avtonom-samara@yandex.ru
Саратов pkropotkin@yandex.ru
Севастополь vlastinetu@gmail.com
Тюмень 625001, а/я 4481, akbar@riseup.net
Уфа ufa@riseup.net, ad@inufa.org, u-f-a.org.ru
Чита myrava.trava@gmail.com
Ярославль anarchokommuna@gmail.com

УКРАИНА

Харьков akh@nm.ru, antifa@km.ru
Севастополь vlastinetu@gmail.com

ДАЛЬНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Болгария
«Анархосъпротива», София 199, п.к.1, за АС, anarchy@bulgaria.com, www.resistance.hit.bg

Германия
rastamao@404team.org

Македония
Инфошоп Терор 13, directa@freema_il.com.mk, www.teror13.tk

Нидерланды
Het Fort van Sja koo, Jodenbreestraat 24 1011IMK Amsterdam 020_6258979, info@sjakoo.nl, www.sjakoo.nl

Польша
Infoszop, ul Targowa 22, Warszawa, Poland, www.alter.most.org.pl/infoshop

Финляндия
Tasajako PL 60 00531 Helsinki, tasajako@anarkisrni.net, www.anarkismi.net/tasajako

Кроме этого журнала Автономное Действие выпускает газету «Ситуация», которая издается в «Нижнем Новгороде. Издание выходит шесть раз в год и на своих страницах поднимает широкий круг проблем: от общесоциальных и политических до внутриорганизационных. Заказать газету легко посредством сайта www.avtonom.org или через нижегородский корпункт «Автонома».